Т3(5Ид)5
9(И)3
Р354

Рейснер И.

Очерки классовой борьбы в Индии
Ч. I.

55571

28075

5

Т3(5Ид)5
9(И)3
Р-354

И. РЕЙСНЕР

Т3(5Ид)5-4
55571
2807
1939

ОЧЕРКИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ИНДИИ

ЧАСТЬ I

ОТ РАСПАДА
МОГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ
ДО ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА МАГНИТОГОРСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИН.

IGOR REUSNER

SKETCHES OF THE CLASS STRUGGLE IN INDIA

VOL I

FROM THE DAWNFALL
OF THE MOHGUL EMPIRE
TO THE IMPERIALIST WAR OF 1914

187326
ЧЕЛЯБИНСКИЙ
ГОСУНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ
МОСКВА 1932

Отв. редактор Р. УЛЬЯНОВСКИЙ
Техред Б. ХОМСКАЯ

Набрано и отпечатано в типографии Международного Аграрного Института, Москва, ул. Коминтерна, 14 в количестве 6 000 экз.
Главлит В 18011
Сдано в набор 3/II-32 г.
Подпис. к печ. 13/V-32 г.
Кол. тип. зн. 742.500.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящая работа является попыткой дать последовательную картину основных переломных моментов в развитии классовой борьбы в Индии. При выполнении этой задачи мы столкнулись с необходимостью предпослать непосредственным очеркам классовой борьбы экономические сведения, которые могли бы помочь читателю разобраться в специфическом характере того или иного этапа колониальной эксплоатации и заложенных в нем противоречий.

Работа проделана в Москве, проделана в условиях скудости, ограниченности материалов. Недостаток материалов неминуемо придает работе гипотетический характер, поскольку многие положения остались недостаточно обоснованными и могут оказаться неверными в свете дальнейших изысканий. Тем не менее, автор решается на опубликование настоящего труда. Пора нанести удар всей империалистической и национально-буржуазной школам индийской истории, затмевающим сознание трудящихся, оправдывающим или господство империализма или капитуляцию национальной буржуазии перед империализмом. Вместе с тем работа заострена против ренегата Роя.

Мы пытались: показать, что английское «завоевание» Индии явилось этапом ожесточенной классовой борьбы в самой Индии; дать очерк революционного восстания индийского крестьянства против собственных феодалов и против английского господства; проследить своеобразный характер и разрушительные последствия развития капитализма в условиях Индии-колонии; показать революционную борьбу крестьянства против колониального режима,— почему эта борьба не могла увенчаться успехом; почему индийская национальная буржуазия идет в блоке с помещиком-феодалом, а не в союзе с революционным крестьянством; почему мелкая городская буржуазия не является самостоятельной силой, способной возглавить аграрно-крестьянскую революцию против империализма, против туземного помещика; почему, наконец, только пролетариат может быть гегемоном индийской революции. Настоящая работа является попыткой дать ответ на эти вопросы на конкретном опыте классовой борьбы, на живой ткани исторического развития. Мы совершенно не претендуем на то, что наши ответы являются исчерпывающими и непогрешимыми. Но самая постановка проблем не «вообще», а на конкретном историческом материале несомненно породит плодотворную дискуссию, двинет вперед марксистско-ленинское пони-

мание колониального Востока, заострит марксистско-ленинскую теорию колониальных революций,— это острейшее оружие, которым овладевает индийский пролетариат.

Наши «очерки» не охватывают всего исторического развития Индии с начала ее колониального закабаления. Они тем самым не могут дать законченной целостной картины развития классовой борьбы. Ряд интереснейших моментов, как крестьянское восстание Саниаси в конце XVIII в., борьба плантационных кули на индиговых плантациях в середине XIX в., восстание Санталов — остались вне рамок нашего труда. Мало того, этот список можно было бы еще увеличить. Мы пытались сосредоточить внимание на основных переломных моментах классовой борьбы, пытались ограничить наше изложение именно этими моментами. По вопросу о формации, на базе которой начал развиваться в Индии капитализм, автор стоит на точке зрения восточного феодализма. Такова была первоначальная точка зрения автора (см. наш доклад «Об индийском феодализме», читанный в МАИ 5 мая 1926 г.). После некоторых колебаний в сторону «азиатского способа производства» автор возвращается к первоначальной точке зрения в глубоком убеждении, что действительное объяснение экономики и классовых противоречий до-колониальной Индии возможно только на основе феодального способа производства. Мы считаем существенным недостатком отсутствие развернутого введения, где была бы дана общая характеристика индийской революции и ее движущих сил. По самому характеру работы такое введение по ряду соображений будет помещено в начале второй части «Очерков», подготовляемых нами к печати. Именно в связи со второй частью «Очерков», охватывающих послевоенный период классовой борьбы в Индии, период бурного развития национально-революционного движения, отмеченный пролетарской борьбой за гегемонию в антиимпериалистической и аграрно-крестьянской революции, можно будет поставить во весь рост проблему перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, проблему не-капиталистического пути развития Индии и борьбы за него.

Игорь Рейснер.

Москва, 25 июня 1932 г.

ГЛАВА I

Предпосылки колониального захвата Индии

В наши задачи не входит рассмотрение того общественно-экономического строя, который нашел в Индии колониальный капитал. Этот вопрос, который является предметом ожесточенных споров в среде марксистов, заслуживает особого разбора, и мы вернемся к нему в порядке общей работы по истории Индии, подготовляемой нами. Здесь ограничимся только несколькими основными положениями, которые нам помогут уяснить характер дальнейшего развития экономики Индии, уже как колониальной страны.

Мы считаем, что в Индии до англичан господствовал феодальный строй, феодальная формация, однако с рядом особенностей, которые делают необходимым обозначение этого строя в качестве восточного феодализма.

Основой различия с классическими формами феодализма является то обстоятельство, что здесь наряду с землей необходимым условием производства является вода, точнее—искусственное орошение почвы, и что только господство над о б о и м и этими условиями производства дает здесь возможность обеспечить выкачивание прибавочного продукта феодалами.

Ирригация сама по себе не создает нового способа производства. Ирригация существовала и в рамках патриархально-родового строя, и в рамках феодального и капиталистического способа производства. Ирригация в рамках феодализма при наличии ряда других специфических черт индийской социально-экономической среды дает нам известную вариацию или разновидность феодализма, которая при всем своем внешнем различии с классическими образцами сохраняет существенные черты феодального способа производства.

На значение индийской общины как базы восточной деспотии указал Маркс и он же дал классическую характеристику индийских общин до английского прихода.

«Они покоились на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом, которое при основании каждой новой общины дает готовый план и схему производства. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от ста до нескольких тысяч акров. Главная масса продуктов производится для непосредственного потребления самой общины,

а не в качестве товара, и потому самое производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое осуществляется при посредстве обмена товаров. Только избыток продуктов превращается в товар, и притом в значительной своей части лишь в руках государства, к которому с незапамятных времен притекает определенное количество продуктов в виде натуральной ренты. В различных частях Индии встречаются различные формы общины. В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно, при чем продукт разделяется между отдельными членами, тогда как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно как домашним подсобным промыслом. Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим «главу» общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского начальника и сборщика податей; бухгалтера, ведущего счет земледельческих операций и регистрирующего все сюда относящееся; третьего,—чиновника, преследующего преступников и сопровождающего иностранных путешественников от деревни до деревни; пограничника, охраняющего границы общины от посягательства соседних общин; надзирателя за водоемами, который распределяет из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, обучающего детей общины читать и писать на песке; календарного брамина, который в качестве астролога указывает время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ; кузнеца и плотника, которые изготовляют и чинят все земледельческие орудия; горшечника, изготовляющего посуду для всей деревни; цырульника, прачечника, моющего одежду; серебряных дел мастера, и в отдельных случаях—поэта, который в одних общинах замещает собой серебряных дел мастера, в других—школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится на счет всей общины» [1].

Индийские общины к XVIII веку давно вышли из коммунистической стадии. Как общее правило, земля обрабатывалась не сообща, а отдельными хозяйствами. Как общее правило, в общинном владении сохранились лишь пустоши, выгоны, луга, а пахотная земля была распределена между т. н. большими неразделенными семьями; она была разбита на участки и полосы, находившиеся в наследственном владении этих семей. Уже создалось неравенство наследственных семейных наделов. Мусульманское право завоевателей и старые индийские кодексы права уже провозгласили делимость имущества большой семьи даже при жизни ее главы. Уже выделился старшина, стал из слуги общинного самоуправления слугой феодалов, ответственным за раскладку и сбор налога и получившим за это лучший и больший надел, ряд льгот и привилегий. Давно исчезло имущественное равенство внутри

[1] Маркс. «Капитал», т. I, стр. 355-56

общины, и неравенство получило правовое закрепление: наряду с полноправными общинниками мы находим сельскохозяйственных рабочих, членов низших каст, обязанных полурабским трудом и всяческими повинностями как в пользу общины в целом, так и отдельных ее членов (в особенности старшины). Создались и были закреплены обычаем отношения аренды земли и внутри общины и вне ее. Создались границы различных прав внутри общины: с одной стороны,—полноправные общинники, которых никто не мог согнать с наследственных наделов, пока они платили ренту-налог (миразн в Бомбее, худкашт в Бенгале), с другой,—временные держатели земли, временные арендаторы (пайкашт в Бенгалии, упри—в Бомбее), получавшие наделы на срок или у общины, или у феодальных кормленщиков, монополизировавших не только сбор ренты-налога в пределах той или иной территории, пожалованной им в «кормление», но также все незанятые земли.

Маркс и здесь и в других трудах подчеркивает, что община в Индии являлась «самодовлеющим производственным целым», что ее стержнем является соединение ремесла с земледелием, сочетаемое с традиционной системой разделения труда внутри общины. Такой характер общины свидетельствует, что феодальное поместье не превратилось в Индии в «самодовлеющее производственное целое», что не сложилось преобладание или широкое развитие системы отработок, поскольку нет деления на барскую землю и на землю общинную, а вся земля при наличии феодальной (государственной) собственности находится во владении или общины (выгоны, пустоши, луга), или во владении неразделеных больших семей, из которых слагается сама община; что наконец не произошло полной замены общинного самоуправления юрисдикцией барского двора[1]. Но, оставаясь «самодовлеющим производственным целым», община отдает вышестоящим феодалам традиционную ренту в продуктах, что еще более ярко подчеркивает внеэкономическое, т. е. феодальное происхождение продуктовой ренты.

Пока община остается «самодовлеющим производственным целым», пока соединение земледелия с ремеслом и разделение труда осуществляются внутри общины в рамках вековечной схемы, пока

---

[1] Ковалевский отмечает следующее: «Отсутствие гражданского патримониального суда,—лишь разбой и воровство проходит по заминдарскому суду,—приводит нас к выводу, что суда помещика над крепостными нет и в помине. Вот почему в Индии при отсутствии вотчинной юстиции мы встречаем одни зародыши, отнюдь не плоды развития феодального строя» (М. М. Ковалевский «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Москва, 1879 г.). Раз нет барской запашки, раз нет вотчинного хозяйства, раз нет прикрепления крепостного к земле, то разумеется, отсутствует патримониальная юстиция—вотчинный помещичий суд. Но дело в том, что отсутствие того и другого (вотчинное хозяйство, крепостное состояние крестьян) свидетельствует не о недоразвитости индийского феодализма, а об его особенностях, его специфических чертах, сохраняемых им в основном на всем протяжении эволюции феодальных форм в Индии.

уровень производительных сил настолько низок, что воспроизводство крестьянского хозяйства возможно только в этих рамках и ни в каких других, пока самая форма эксплоатации—продуктовая рента, изъемлющая до половины валового урожая, не затрагивает производственной основы индийской общины,—весь общественный строй в целом будет отличаться величайшей консервативностью, устойчивостью, способностью восстанавливаться в старой форме после стихийных катастроф, которые так часты в Индии в силу ее природных условий. Эта способность самовосстановления опять-таки объясняется возможностью возобновить трудовые процессы в тех же традиционных рамках разделения труда и соединения ремесла с земледелием внутри общины. Вместе с тем, социальная скрепка общины и касты в громадной степени сплачивала крестьянство, обеспечивала ему известную взаимную поддержку и страховые запасы, но в то же время крепче крепостного права привязывала его к земле, замыкала его в круг узких местных интересов, облегчала самое беспощадное присвоение прибавочного продукта феодалами. При относительном богатстве индийского климата и почвы, при ведении экстенсивно-примитивного сельского хозяйства, соотношение прибавочного и необходимого продукта таково, что община, даже отдавая половину валового урожая эксплоататорам, имеет возможность продолжать производство. Так, мусульманский султан Ала-уд-Дин-Хильджи брал в начале XIV века половину валового крестьянского урожая, а во времена ближайших предшественников английских колонизаторов, империи Великих Моголов в XVI—XVIII вв. брали с крестьян и того больше.

Община являлась прочнейшей основой азиатского деспотизма. Община отрезала крестьянство от окружающего мира, погружала его в узкий круг местных интересов, усиливала «идиотизм» деревенской жизни. Мелочное регулирование условий труда и быта, слепое преклонение перед авторитетом, власть традиций, власть суеверий также были необходимым следствием замкнутого, изолированного, «растительного» существования бесчисленных общинных мирков. Нельзя также представлять себе индийскую общину накануне колониального проникновения как мирок своеобразной демократии или сколько-нибудь широкого самоуправления. Ничего подобного. Делами общины фактически заправляли старшина и жрец, верные слуги феодала. Мелочная тирания кастовых и общинных «панчиятов» (советов старейшин из пяти лиц) подавляла всякую самодеятельность. И как мы указывали выше, наряду с полноправными общинниками имелись многочисленные ремесленники и чужаки, неполноправные общинники и наследственные батраки, находившиеся на положении рабов. Они не имели права владеть землей, не имели голоса в общинных делах, обычно ютились в жалких хибарках на окраинах деревни. Зачастую им не разрешалось ни пользование водой из общественного колодца, ни даже проход по главной улице. В настоящее время оружением

индийского буржуазного национализма пытаются представить индийское средневековье в духе некоего патриархального рая, века обилия и всеобщего довольствия. Буржуазный национализм, враг аграрной революции, защитник помещичьего землевладения, пытается обмануть крестьянские массы призраком «золотого века», возврата к старой общине. На самом деле буржуазный национализм отнюдь не стремится к возврату индийского феодализма и общин; буржуазный национализм защищает феодальные пережитки в аграрном строе современной Индии и прежде всего—помещичье-феодальное землевладение. Что же касается общины, она давно разлетелась в прах под ударами английских колонизаторов. Революционные марксисты не проливают об этом слез. Маркс писал следующее о гибели индийской общины.

«Сколь ни мучительно для человеческих чувств наблюдать, как разрушаются эти бесчисленные трудолюбивые патриархальные и мирные общины, как они распадаются на части, толкаются в пропасть нищеты, и члены их одновременно отрываются от своей старой цивилизации и лишаются унаследованных средств к существованию, мы не должны все же забывать, что эти идиллические деревенские коммуны все время служили прочной основой для восточного деспотизма, сужали горизонт человеческого разума до самых узких пределов, делали его беспомощной жертвой суеверий и рабом традиций и привычек, лишали его всего величия и всей исторической творческой энергии. Мы не должны забывать того варварского эгоизма, который, цепляясь за жалкий клочок земли, мог спокойно созерцать разрушение целых государств, совершение неописуемых зверств, истребление населения целых городов, не будучи в состоянии увидеть в этом что-либо кроме простого явления природы, и который вместе с тем был сам обречен на бессилие и становился жертвой любого насильника, случайно обратившего на него внимание. Мы не должны забывать, что эти бесполезные, неподвижные, растительные формы существования, это пассивное прозябание вызывало, как реакцию, неисчислимые, дикие, неукротимые, разрушительные силы, для которых убийство становилось даже религиозным процессом. Мы не должны забывать, что эти небольшие общины были подвержены кастовому разделению и обречены на рабство, что они низвели человека на положение игрушки внешних условий, вместо того, чтобы поднять его до положения властителя внешних сил, что они подчинили социальную структуру, которая должна создаваться и изменяться только в процессе своего собственного развития, неизменяемым законам, и в результате пришли к форме грубого обожествления природы, которая достигла своей окончательной бессмысленности в том факте, что Человек, властитель Природы, опускался на колени перед Ганумапом - обезьяной и Шабалой коровой».

Ни индийский пролетариат, ни руководимое им революционное крестьянство не обманывают себя реакционными иллюзиями об

общине. Индийский пролетариат, ведущий крестьянство на штурм твердынь империалистического господства и феодально-помещичьего землевладения, как первый шаг на пути создания нового строя, где не будет ни феодальной, ни капиталистической эксплоатации, беспощадно разоблачает буржуазно-помещичью и контрреволюционную сущность лозунга «назад к Ведам», «назад к общине».

Но община, сохраняя характер «самодовлеющего производственного целого», не является «самодовлеющей» в **одном отношении и только в одном. Искусственное орошение** почвы, важнейшее условие с.-х. производства в Индии, не может быть создано усилиями разрозненных общин. **Это обстоятельство дает феодалам** возможность подвести прочную материальную базу под свою власть над самодовлеющими общинами, увековечивая тем их существование, как условие своего собственного существования. В этом лежит, в конечном счете, также объяснение того замедленного характера, которым идет разложение общины в индийских условиях. Застойный характер этой части Азии, несмотря на все бесцельные движения на политической поверхности, объясняется двумя взаимно-поддерживающими друг друга обстоятельствами:

1) Общественные сооружения—дело центрального правительства;

2) Наряду с этим все государства, если не считать немногие крупные города, распадаются на деревенские общины, являющиеся совершенно самостоятельными единицами. Мне думается, что едва ли можно отыскать более солидную основу для застойного азиатского деспотизма». (Маркс).

Спрашивается,—вносит ли наличие оросительной системы (дело, главным образом, центрального правительства) что-либо принципиально новое в феодальную эксплоатацию непосредственных производителей, замкнутых в общине? Каким образом создается оросительная сеть? Для поддержания и расширения оросительной сети феодал организует принудительный труд непосредственных производителей—крестьян. И здесь, следовательно, вне-экономическое принуждение является решающим моментом. Правда, при таких отработках, которые доходят до 45—50 дней в году, и не освобождают крестьянство от уплаты традиционной продуктовой ренты, не получается разрыва во времени и в пространстве между производством прибавочного и необходимого продукта, который так ярко выступает при барщине. Созданная и непрерывно расширяемая принудительным трудом крестьянства ирригационная сеть является одним из важнейших условий производства, над которым однако господствуют эксплоататоры в форме государственной собственности на крупнейшие оросительные сооружения. Господство над ирригацией, как условием индийского земледелия, является в то же время орудием властвующих классов в деле выжимания ренты, с сохранением при этом видимости надклассового общегосударственного дела, прикрывающего вне-эконо-

мическое феодальное принуждение. Из самого характера крупных оросительных сооружений вытекает также невозможность дробления их между отдельными феодалами, а следовательно вытекает необходимость передачи их в собственность государству—классовому орудию феодалов. Ирригация создается принудительным трудом крестьян Индии,—трудом, который принципиально ничем не отличается от принудительного труда европейских крестьян, расчищавших лес под кнутом феодального барона. Владение одним из важнейших условий производства землей и оросительной сетью—является вместе с тем материальной базой господства феодалов. Разумеется, создание мощной оросительной сети индийских водоемов и анникутов, системы каналов старой Индии в Гангском Двуречье, грандиозных искусственных озер Бунделькханда являются замечательным шагом вперед по сравнению с кочевьями арийских скотоводов или патриархально-родовым строем охотничьих племен Индии; разумеется, здесь требовались и определенные технические знания, известная организация, обычно осуществлявшаяся путем простой кооперации труда.

При невозможности дробления оросительной сети между отдельными феодалами и передаче ее в собственность феодальному государству, при консервации общины, как «самодовлеющего производственного целого», феодальная собственность на землю не могла получить другой формы, как государственной собственности на землю, и в Индии эта форма собственности оставалась господствующей до английского проникновения. Государственная собственность на землю является однако лишь юридическим титулом, прикрывающим «право» феодалов на прибавочный продукт, высасываемый в форме продуктовой ренты, и мы показали, что внеэкономическое принуждение в условиях индийского феодализма не имеет в себе ничего принципиально отличного от принуждения при феодальном способе производства вообще. Но может быть, общественный строй Индии имеет свою специфическую особенность в том, что здесь имеется феодальная эксплоатация, но нет конкретных носителей ее—феодалов? Достаточно обратиться к истории как до-мусульманской Индии, так и к периоду мусульманского завоевания, чтобы найти конкретных феодалов в величайшем изобилии. Кастовое дворянство старой Индии или кшатрии—вот конкретные феодалы до-мусульманского периода. Под покровом государственной собственности на землю складывается целая иерархия, начиная с раджей и кончая баронами—тхакурами или рай, которые в различной пропорции делят между собой прибавочный продукт, образуют вместе с тем многоярусную лестницу земледержаний.

Раджа сидит в центре, имеет лучшее и крупнейшее владение—кхальса; его бароны занимают окраины, худшие и меньшие поместья. Единственная доблесть касты воинов это меч, так же, как изучение священных книг является монополией жреческой касты. Мусульманский период уничтожил монополию дворянской касты на

получение прибавочного продукта и заменил ее системой поместий «в кормление» (икта, джагир), при чем размеры этих поместий варьировали от того, сколько воинов мог выставить каждый из «кормленщиков». Хотя организация высасывания ренты-налога требовала разветвленного налогового аппарата, хотя в Индии не плохо жилось жрецам и совсем не плохо — чиновникам, легко разглядеть центральную фигуру в лагере эксплоататоров, будет ли он раджпутом, ссылающимся на свое происхождение от бога-солнца в доказательство своего «права» на прибавочный продукт, или мусульманским «кормленщиком» джагидаром. В том и другом случае легко устанавливается связь между вне-экономическим принуждением и его конкретными носителями—феодалами, опирающимися на вооруженную силу. Несмотря на значительное развитие всяческой бюрократии (непременной принадлежности относительно централизованного индийского феодализма), она, за исключением кратких исторических эпизодов, даже внешне не прикрывает насильнического присвоения прибавочного продукта феодалами, открыто выступающими в качестве господствующего класса. Осуществляется ли вне-экономическое принуждение в пределах барского поместья средневековой Европы, осуществляется ли оно более «централизованным порядком» в объеме грандиозного земледержания какого-нибудь мусульманского мансабдара, имеющего у себя под рукой четверть Бенгалии и миллионы рентоплательщиков,—принципиальной разницы между ними нет[1].

Распределение продуктовой ренты по многочисленным ярусам феодальной иерархии принимает форму целой лестницы земледержаний, имеющих тенденцию к превращению земли в наследственную собственность. Но эта тенденция перекрывается общим классовым интересом феодалов, поскольку само воспроизводство хозяйства при данной системе зависит от системы искусственного орошения, а эта, в свою очередь, не может служить основой эксплоатации иначе как в форме государственной собственности феодалов на нее. При застойном характере индийского феодализма, при застойном характере всего экономического строя, эта лестница земледержаний, выражающая по сути только, какую долю продуктовой ренты получит каждый из эксплоататоров, костенеет, принимает характер наследственных наделов при сохранении величайшей сословной исключительности индийских феодалов, замкнутых в касту кшатриев. Эти наследственные наделы не являются единоличными владениями того или другого отдельного кшатрия,

[1] Неизменным спутником феодального способа производства и одной из форм внеэкономического принуждения является неполноправность, прикрепленность непосредственных производителей, прежде всего крестьян. «Такая система хозяйства», — писал Ленин про российское крепостничество, — «предполагает здесь внеэкономическое принуждение, крепостничество, юридическую зависимость, неполноправность и т. д.» (Ленин, том XII, стр. 2[illegible]). Здесь достаточно указать на индийскую кастовую систему, далеко превосходящую сословную замкнутость феодальной Европы.

но сохраняют опять-таки характер некоего «коллективного» владения, при чем роль владельца выполняет либо род, на который раздроблена дворянская каста (тогда наделы распределяются по степени родства к общему предку), либо сама дворянская каста выступает в качестве нераздельного владельца. В том и в другом случае феодалы занимают верхушку налогового аппарата, который технически обслуживает сбор продуктовой ренты и на своих низших ступенях строится по бюрократическому принципу при значительном разделении труда разных групп чиновников, при обязательном подчинении одних другим. Необходимость обширного чиновничье-налогового аппарата вытекает из самого характера эксплоатации (продуктовая рента), при наличии более или менее централизованного государственного феодализма. Старая Индия дает нам образцы сложной системы земельных кадастров, подробного учета полей при непременном обозначении, что на каждом поле возделывается, при чем от наметанного взора налоговых чиновников не ускользает даже отдельное фруктовое дерево. Как общее правило, эти данные налоговой статистики копировались в нескольких экземплярах и хранились как у деревенского старшины, так и в центральном налоговом управлении. Само собой разумеется, что налоговый аппарат является не только орудием феодального государства, но и орудием самообогащения чиновников. Но здесь важно отметить, что львиная доля прибавочного продукта, несмотря на оседание его на различных ступенях налогового аппарата, все же доставалась феодальной верхушке. Жреческая каста, с одной стороны, непосредственно выступает в качестве крупнейшего феодала, владельца грандиозных храмовых поместий и связанных с ними доходов и повинностей; с другой,—для нее резервируются наиболее доходные и прибыльные места в самом государственном аппарате. Ее монополией однако является знание священных вед, при чем у жрецов сосредоточиваются те начатки технических знаний, которые необходимы для крупных общественных работ и в частности для ирригации.

Когда мы говорим об индийском феодализме и о той роли, которую сыграло искусственное орошение—высасывание прибавочного продукта и относительной централизации государства, необходимо иметь в виду, что огромный индийский полуконтинент обслуживается не одной, а по крайней мере несколькими десятками самостоятельных систем искусственного орошения. Достаточно указать, что две основные речные системы Индии—Инд и Ганг совершенно оторваны друг от друга. Вместе с тем юг Индии дает нам не столько систему орошения путем отвода воды из реки при помощи канала, сколько систему искусственных водоемов, аникутов и танков. Таким образом, при относительной централизации отдельных феодальных государств, при относительно более крупных размерах, занимаемых каждым из этих государств в отдельности, из ирригации еще не вытекает создание единой деспотии в объеме всей Индии. Для Индии крупные империи, которые объединили бы

в своих пределах не одну, а несколько ирригационных систем, являются не правилом, а исключением, при чем централизация этого рода имеет другие социальные корни. В этих случаях (империя Мауриев, империя Моголов) в качестве централизующей силы выступает развитие обмена, борьба феодалов за великие пути внешней и внутренней торговли.

На почве обслуживания феодальной знати быстро возникает городское ремесло, полностью отрывающееся от наследственных деревенских ремесленников, обслуживавших самодовлеющие общины. Вместе с тем Индия, являвшаяся в докапиталистическую эпоху монополистом по производству и экспорту хлопчато-бумажных тканей ручного производства, а также растительных красящих веществ (индиго и аль), чрезвычайно рано втягивается в мировую торговлю. Этому способствует и ее благоприятное географическое положение на полпути между Китаем и бассейном Средиземного моря. Значительное развитие получает также торговля пряностями, особенно в южной Индии. Ремесло сохраняет замкнутый кастовый характер, разделение труда проводится только внутри семьи ремесленника, техника остается на примитивнейшем уровне. Повидимому, Индия к XVIII столетию не дошла даже до степени развития китайской мануфактуры, хотя известно о существовании одной или двух крупных мануфактур, обслуживавших двор Великих Моголов. Торговый капитал реализует уже в качестве товара те части продуктовой ренты, которые непосредственно не потребляются феодальной знатью и ее жреческо-чиновничьим окружением. Он чрезвычайно активно выступает в сфере внешней торговли, связывается с отдаленнейшими рынками, и под его влиянием вместе с тем начинается складываться некоторая специализация в индийском с. х-ве, в частности можно отметить целые районы, занятые хлопком, индиго и др. техническими культурами.

В отдельные исторические периоды торгово-ростовщический капитал получает крупнейшее развитие, создает разветвленную систему банков, подобие страховых компаний, всевозможных крупных купеческих монополистических объединений, усиливает феодальный гнет, вызывая грандиозные крестьянские войны. Торгово-ростовщический капитал начинает постепенно проникать и в крестьянскую общину, но его власть идет дальше захвата урожая, не распространяясь на крестьянский скот и орудия производства. Торговец и ростовщик не могут стать собственниками крестьянской земли на основе акта покупки-продажи. Земля еще остается монополией феодалов в целом (государственная собственность)[1], но торгово-ростовщический капитал пролагает себе дорогу к продуктовой ренте, становясь откупщиком земельного налога при разложении феодального строя.

---

[1] Мы берем основную линию развития. В ряде районов южной Индии к XVIII в. прочно сложилась частная собственность.

Нам известны любопытнейшие акты о том, как феодальные кормленщики закладывают полученные ими от центральной власти поместья торговцу и ростовщику за наличные деньги, передавая ему владение со всеми относящимися к нему феодальными правами[1]. Исторически известны также отдельные периоды, когда сбор ренты-налога передавался исключительно откупщикам, доводившим крестьянство до крайних пределов разорения. Основная линия развития идет по пути превращения продуктовой ренты, которая на первых порах ограничивается лишь долей государства в урожае только основных культур, во всеобщую категорию, охватывающую решительно все, что производится в крестьянском хозяйстве. И если западно-европейский феодализм завершил свою систему девизом—«Нет земли без сеньора», то в Индии действует правило, что всякий крестьянин является поставщиком продуктовой ренты, что всякий, даже мельчайший, надел обязан отчислением в пользу вышестоящей феодальной знати. И размеры продуктовой ренты стремительно растут, отодвигая в мифические времена Ману и Нарады порядок, когда каждое поле отчисляло излишки от одной двенадцатой до одной десятой валовой продукции. Совершается эволюция и в самой технике взимания продуктовой ренты. Вместо выборных деревенских властей, выступают чиновники раджи, статистики, топографы, землемеры. Сама община становится частью фискальной организации, конечной целью которой является устранение посредников между индивидуальным крестьянским полем и высасывающим налоговым феодальным аппаратом. Производится точнейший учет производительных сил деревни—от горбатого индийского буйвола до последнего тутового дерева. И если община сохраняется в качестве организации коллективной поруки, то вместе с тем самое распределение налогов уже производится государственными чиновниками на каждого крестьянина в отдельности. Итак, общая тенденция развития ясна. От обложения части общинного владения—к обложению всех крестьянских полей; от налога на известные виды продуктов (или, точнее, в известных видах продуктов)—к налогу решительно на все, что производится в деревне; от взимания налогов через выборных лиц сельской общины—к вторжению чиновников; от суммарного общего налога,—столько-то пудов зерна с такой-то деревни,—к точной и длительной описи всего, что имеется в каждом отдельном мельчайшем крестьянском хозяйстве. И, наконец, при наличии достаточно развитых денежно-меновых от-

---

[1] Мусульманские хроники «Elliot and Dowson», т. III, стр. 5 «Tariki Firoz Shahi» сообщает, что установилась практика скупки наделов, даваемых султаном знати «в кормление» (икта), что облегчало положение обеих сторон. Купец давал кормленщику $1/3$ наличными в городе и $1/2$ будущих налоговых доходов с надела. Велась регулярная торговля наделами (икта), и покупатели зарабатывали большие барыши.

ношений происходит переход к денежной ренте-налогу, неминуемо подрывающей всю систему натурального хозяйства[1].

Кроме продуктовой ренты и отработок на ирригацию, крестьянство обязано многочисленными личными повинностями в пользу феодала. В туземных княжествах современной Индии в наиболее чистом виде сохранились многочисленные феодальные подношения и трудовые повинности (поставка загонщиков на охоту, постройка зданий, починка дорог и т. д.), известные под названием вех и бегар. Известны также отдельные районы Индии, где имелась барская запашка, где преобладающей рентой была не продуктовая, но отработочная рента.

Мусульманское завоевание не изменило старого способа производства, хотя придало ряд новых черт индийскому феодализму. Мусульманские завоеватели разбили кастовую монополию индийских феодалов, заменили наследственное сословное земледержание кшатриев кратковременным поместьем «за службу». Владения значительно укрупнились, приняли «служебный», а не наследственный характер, хотя в ряде районов в отдельные периоды новая мусульманская знать успела превратить свои поместья в наследственные.

Необходимые предпосылки для объединения северной Индии в единое Могольское государство (1526—1707 гг.) создает стремительное развитие торговли, оживленные связи Индии с Китаем, Индо-Китаем, Сиамом, Персией, Восточным побережьем Африки, а после открытия пути вокруг Африки и непосредственно с Европой. Эти предпосылки создавались и развитием внутренней торговли (в частности, превращение Ганга в громадную торговую артерию; развитие торговых связей между Гангской долиной и Гуджаратом через Раджпутану; оживление торговли солью и роль соляных озер Раджпутаны в этом оживлении), с выделением отдельных районов, возделывающих специальные сельскохозяйственные культуры.

Создание единой империи, имевшей в своем составе около 100 млн. подданных, охватившей пространство от Гималаев до плато Декана, обусловленное развитием денежных и меновых отношений в рамках ранее существовавших отдельных феодальных государств, дает новый толчок развитию торговли и обмена. Одновременно в неслыханной степени интенсифицируются рента-налог и всевозможные повинности, пока наконец в середине XVI столетия они частично не переводятся в денежную форму. В Южной Индии, ушедшей дальше и по пути развития товарно-денежных отношений и по пути усиления феодального нажима на крестьянство, замена продуктовой ренты денежным налогом была проведена двумя столетиями раньше. Причины, почему

[1] Правительство Моголов неизменно взимало поземельный налог деньгами. Они закладывали свои будущие доходы у богатых купцов и ростовщиков (банкиров и людей у меняльщиков) со скидкой до 30—40% с номинала. Cambridge History of India, Vol. V, p. 398.

южной Индии раньше вступила на путь торговли, почему здесь старый строй был глубже разъеден торгово-ростовщическим капиталом, ясны сами собой. Здесь мы находим лишь узкую береговую плодородную полосу земли вдоль западных и восточных Гатских хребтов. С весьма раннего времени рыболовство, а затем морская торговля и пиратство отвлекают значительную часть населения. Здесь вместе с тем процветают ремесла, и именно Гуджарат, с одной стороны, Коромандельское побережье, с другой,—становятся основными центрами индийского текстильного производства, работающими на экспортную торговлю. Именно на юге сосредоточиваются работы по извлечению минеральных ископаемых и их обработке, в частности—производство стали и железа. Здесь же мы находим многочисленные копи бриллиантов, которые делают имя Голконды известным и в наше время, хотя и город и одноименное государство исчезли более двух веков тому назад.

Здесь нас интересует положение крестьянства,—тот характер взаимоотношений, который складывается между крестьянством и феодальными эксплоататорами. Уже отмечалось нами, что на юге денежный налог был введен значительно раньше. И самые формы его взимания обеспечивали возможность совершенно неограниченной эксплоатации индийского райота. В Голконде земельный налог дается на краткосрочный откуп сроком на год, причем произвол откупщика не подвергается решительно никаким стеснениям. Португальский путешественник Нуниц утверждает, что в южной Индии до девяти десятых урожая крестьянских полей присваивается в виде налогов. Мореленд следующим образом суммирует положение на юге Индии: «Короткие сроки откупа налогов делали невозможной созидательную политику со стороны откупщика... В первой половине XVII столетия громадные массы крестьянского населения, на юге Индии, были вынуждены жить под беспощадным гнетом административного аппарата на грани между восстанием и голодной смертью»[1]. Ясное дело, что из такого крестьянства нельзя было создать сколько-нибудь стойкой армии и послать ее в бой против наступающих врагов. Разложение феодального строя торговым капиталом означало для крестьянства прежде всего неслыханное усиление эксплоатации, неслыханный рост налогов и поборов. И поскольку в южной Индии процесс ограбления крестьянства опередил Север, постольку исход военной борьбы южно-индийских государств с Моголами был предрешен. Могольская империя боролась за выход к Индийскому океану, за контроль над путями морской торговли, получившими к XVIII веку решающий перевес над северным путем сухопутной торговли через Афганистан и Персию к Средиземному морю. Южно-индийские княжества удалось разгромить и подчинить в результате семидесятилетней вой-

---

[1] Moreland «From Akbar to Aurangzeb» Vol. II P. 245.

ии[1]. Но господства на Индийском океане и монопольного положения в товарообороте Индии с Китаем и Европой—Моголам не удалось вырвать у европейского торгового капитала. Английские, французские, голландские торговые компании опирались также на превосходство военной техники, на силу флота, с которым корабли индийской постройки не могли итти ни в какое сравнение. Европейские корабли не только были снабжены артиллерией и лучшим командным составом, но были построены с помощью железных заклепок; индийские же, в силу общего недостатка железа и его дороговизны в Индии, скреплялись деревянными заклепками и не выдерживали серьезной непогоды. Все попытки могольского государства овладеть господством на морских путях как в союзе с турками, так и путем стравливания англичан и португальцев, остались безрезультатными. В этом—одна из предпосылок последующего развала Могольского государства, хотя и не решающая. Основная причина заключалась во внутреннем кризисе, вызванном развитием торгово-ростовщического капитала, невиданно усилившего феодальную эксплоатацию крестьянства, разлагавшего и общину.

На севере Индии при мусульманских династиях, предшествующих Моголам, в частности при Ала-Уд-Дине Хильджи и султанах Туглакской династии, размеры налогов, правда, в натуральной форме, уже достигали иногда пяти и даже шести десятых валового урожая. Акбар, самый крупный из могольских императоров, чье царствование покрывает всю вторую половину XVI столетия, с одной стороны, снижает размеры налога до одной трети, а с другой, начинает взимать налог в деньгах. Причина этой реформы ясна. Первым опытным полем ее проведения была провинция Гуджарат, центр индийской промышленности и морской

[1] Могольская империя получила название от Монгольской династии, основанной шахом Бабуром, княжившим сначала в Фергане, выбитым затем из Ферганы узбеками и захватившим в 1526 году северную Индию. Бабур и положил основание так называемой империи Великих Моголов. При преемниках Бабура завершается захват всей северной Индии, а также Бенгалия. На месте многочисленных мусульманских и индусских княжеств складывается более или менее централизованное феодальное государство. Завладев индийским концом великого сухопутного торгового пути к Средиземному морю, могольские феодалы не переставали бороться за выход к морю, за захват торгового пути из Дели в Гуджарат, за овладение индийским концом Великого морского торгового пути, значение коего невиданно возросло после установления португальцами непосредственной связи с Индией вокруг Африки (1498 г.). На пути могольской экспансии к морю лежали 5 мусульманских княжеств (Ахмеднагар, Биджапур, Голконда, Кандеш, Бидар) южной Индии, которые моголам удалось подчинить лишь к концу XVII века. Из пепла этой войны и возникло движение махратов (племя в западной части нынешнего Бомбейского президентства), поднявшее знамя восстания против мусульманских феодалов и искусно использовавшее противоречия между Могольской империей и южными княжествами. Вождем этого крестьянского восстания явился мелкий индийский феодал Шиваджи, уже в 1672 г. короновавшийся самостоятельным раджей Махратов.

торговли. Именно здесь впервые была проведена эта реформа раджей Тодар-Малем, финансовым министром и правой рукой Акбара.

Завоевание Гуджарата, выход Могольской империи к теплому морю привел ее в прямое соприкосновение с новым миром отдаленнейших рынков, и дал окончательный толчок к введению денежного налога [1]. Первоначально был принят ряд мер, чтобы реформа не слишком увеличила бремя, не слишком тяжело упала на плечи крестьян. Номинально налог признавался лишь денежной формой продуктовой ренты, и целый ряд подробнейших постановлений пытается сохранить эту связь. В общем и целом, северно-индийское крестьянство при Акбаре еще имело хотя небольшой, но все-таки страховой запас, с помощью которого кое-как возможно было преодолеть кризисы в результате войны или неурожая. Но при преемниках Великого Могола положение быстро ухудшается. И если Акбар совсем освобождал две или три бигхи в каждом крестьянском владении от налогов, то при Джахан-Гире и Шах-Джехане всякие льготы отменяются. Одновременно производится повышение самых ставок налога, и они в общем достигают почти половины валового урожая [2]. В самых способах взимания проявляются все растущие жестокость и суровость, достигающие кульминационного пункта в конце XVII столетия. В отношении крестьян применяются самые жестокие репрессии, вплоть до продажи в рабство их жен и детей. Весьма характерным является приказ императора Аурангзеба по ведомству финансов: «Если вы обнаружите, что крестьяне, имея средства для обработки своих полей, тем не менее уклоняются от этой своей обязанности, то вам надлежит настаивать и угрожать, применять, наконец, силу и прибегать к кнуту». Эта практика близко подходит к южно-индийской, где деревенского старшину за невзнос налога без дальнейших проволочек распиливали пополам. Кнут и обнаженный меч совершают свое вступление в индийскую деревню. С одной стороны, ростовщик, торговец деньгами—«шрофф», с другой,—беспощадный гнет феодалов [3].

---

[1] Vincent Smith. «Akbar the Great Mogol», 1919, III, 120.

[2] Если принять Акбаров налог (1594 г.) за 100, то при Аурангзебе (1668 г.) он выразится по крайней мере в 200.

[3] Эльфинстон указывает: «Неразрывной частью деревенской общины стал ростовщик, выступающий помощником старшины. Одна из его обязанностей вести учет всех денежных сделок, распределять и взимать причитающиеся государству денежные налоги» («History of India», P. 70, 76). На это указывает и Tavernier («Travels» Vol I, p. 24). «Индийская деревня, даже самая плохонькая, всегда имеет ростовщика (шроффа), торгующего деньгами и являющегося миниатюрным банкиром». Но в отличие от нынешней колониальной Индии ростовщик даже в период распада феодального строя не мог все же завладеть ни крестьянской землей, ни орудиями, ни скотом.

Круг завершается. Проникновение торгово-ростовщического капитала соединяется с аппаратом феодального насилия и создают жесточайший кризис.

Приведем несколько свидетельских показаний. Вот, например, что говорит Тавернье: «Крестьяне имеют в качестве одежды лишь повязку вокруг бедер. Они доведены до величайшей степени нищеты. Если крестьянин приобретает небольшой достаток, то последний немедленно, силой или на основании права, присваивается властями. Вы найдете в Индии целые области, опустошенные, подобно пустыням. Оттуда крестьяне бежали под влиянием невыносимого гнета,—они становятся солдатами или нищими-пилигриммами»[1]. Не менее выразительны слова Бернье, французского врача при дворе Великих Моголов. В своем письме к Кольберу он говорит: «Массы крестьянства доведены до нищеты столь невыносимой тиранией; они оставляют свои поля и ищут более сносного существования в городе, в военном лагере, или, наконец, на землях какого-нибудь окраинного раджи»[2]. Голландец Пельзерт указывает: «Почва Индостана способна дать необычайно богатый урожай, если бы только крестьяне не были под гнетом столь жестокого и беспощадного правительства. Целые деревни, хотя бы немного не доплатившие по налогу, становятся добычей налоговых властей. Крестьян самих, их детей и жен продают в рабство. Многие крестьяне покидают свои поля и присоединяются к раджам, восставшим против Моголов. Множество полей лежат запустевшими и незасеянными и превращаются в пустыню. Такова ужасная тирания, господствующая в этой стране»[3].

Значительно связанная с интересами торгового капитала феодальная верхушка моголов, делает также попытку заменить систему раздачи поместий феодальным кормленщикам системой всецело подчиненного себе налогового аппарата. Тем самым было создано широкое поле для развития откупа, для захвата целых звеньев налогового аппарата торгово-ростовщическим капиталом при сохранении однако на пространстве трех пятых всей империи старых феодалов-кормленщиков, которых центральная власть лишь пыталась контролировать путем частой переброски с места на место, путем наконец конфискации всего имущества, переходящего после смерти кормленщика в собственность главы всей феодальной системы — самого Великого Могола.

С середины XVII столетия Индия вступает в полосу глубочайшего экономического и политического кризиса. Основная его причина лежит в том, что феодальная эксплоатация, интенсифицированная торгово-ростовщическим капиталом, разорила массы крестьянства, подорвала самодовлеющую общину, прекра-

---

[1] Tavernier «Travels», Vol I, P. 312.
[2] Bernier «Lettres a Colbert» p. 911.
[3] Paelsart «Remonstrantie», p. 17.

тила во многих местах производство. С неслыханной силой выступило основное противоречие между крестьянством и феодалами. Вместе с тем отчетливо выступают противоречия между городскими ремесленниками и закабалившим их торгово-ростовщическим капиталом. Наконец торгово-ростовщический капитал, присосавшийся к старому способу производства и в значительной степени разложивший, обескровивший его, был сам по себе бессилен создать условия перехода к новому (капиталистическому) способу производства[1]. Кризис нашел разрешение прежде всего в ряде крупнейших крестьянских восстаний, давших различные вариации классовой зрелости, в зависимости от того, что в одном случае во главе крестьянства встала городская беднота — мелкие городские ремесленники, разоренные в связи с упадком северного сухопутного пути индийской торговли (восстание сикхов в Пенджабе), в то время как в другом случае крестьянские массы пошли за брахманско-жреческой реакцией и индусскими окраинными феодалами, выступившими против могольского сборщика налогов и мусульманских феодалов под знаменем религиозной войны, возрождения самоуправляющейся общины и натуральной продуктовой ренты (восстание махратов).

Восстание индийского крестьянства против феодалов показало образцы героической борьбы (Сикхи). Эта борьба была революционной борьбой. Но передовое крестьянство Пенджаба не смогло увлечь за собой остального индийского крестьянства. Крестьянские восстания Сикхов и Махратов остались разобщенными и во времени и в пространстве. Тенденция более свободного, самостоятельного развития Индии была раздавлена натиском европейских хищников, пользовавшихся симпатией туземного торгового капитала, сумевших также использовать феодальную раздробленность Индии, противоречия между отдельными феодалами. Победил мучительный колониальный путь развития. Только теперь, через полтора столетия неслыханных страданий крестьянские массы под гегемонией пролетариата подымаются на борьбу против империалистов и помещиков-феодалов. Пролетариат и компартия Индии, руководя соответствующими слоями крестьянства, ведут борьбу за победоносную национально-освободительную демократическую революцию, которая через ряд ступеней будет перерастать в социалистическую.

Ворвавшись в Индию на исходе многолетней крестьянской войны, английский торговый капитал застал развалины империи Великого Могола, с одной стороны, заключительные аккорды крестьянских восстаний, прошедших в Пенджабе (Сикхи), Бен-

[1] «Лишь там и тогда, где и когда имеются в наличности остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество является одним из орудий, созидающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал» (Маркс, Капитал, том III, часть 2, стр. 137).

бее (Махраты) и Майсоре к полной или частичной победе восставшего крестьянства. Но только в Пенджабе крестьянство, действовавшее под руководством городской бедноты и предпролетариата, сумело в известной мере временно закрепить свою победу. С другой стороны—осколки империи Великого Могола, отдельные наместничества и вице-королевства объявили себя самостоятельными государствами на всем протяжении северной и центральной Индии. Здесь крестьянство не победило, и властвующие классы искали выхода из кризиса на путях возврата к натуральным налогам и взаимного обособления территорий. Раздираемые внутренними классовыми конфликтами (основной—между крестьянством и феодалами) они развалились как карточные домики от первого внешнего толчка. На всем протяжении Индии наблюдаются неизжитые последствия кризиса: неустоявшиеся социальные отношения партизанские отряды разоренных крестьян, образовавших отряды в 30—35 тысяч человек (Туги и Пиндари); туземные и пришлые авантюристы, с легкостью свергавшие троны и выкраивавшие себе новые королевства, чтобы так же легко потерять их, вместе с собственными головами; не только последствия экономического кризиса, не только опустошения гражданской войны, выродившейся теперь в ряд разрозненных конфликтов, в войну всех против всех, но и внешние вторжения персов и афганцев, тащивших, что можно[1]. Наконец, индийский торгово-ростовщический капитал, выросший на почве старого порядка и приведший его к разложению, но не имевший еще в самом производстве корней, которые вывели бы его на широкую дорогу капиталистического развития (отсутствие в Индии даже мануфактуры; кастовые перегородки между отдельными ремеслами; разделение труда только внутри семьи ремесленника).

Этот торгово-ростовщический капитал, противостоявший интересам основных масс крестьянства в качестве откупщика налога и ростовщика, вкусивший краткий, но бурный подъем торговли в пределах обширного рынка объединенной было Моголами Индии, больно задетый процессом начавшегося обособления, разоренный крестьянскими восстаниями и афгано-персидскими грабежами,—при всей своей пестроте и провинциальной раздробленности все же сходился на общем требовании «борьбы с анархией», безопасности дорог и торговли.

Застрельщиком интервенции выступил приморский торговый капитал Бомбея, Мадраса и прежде всего Бенгалии, связанный давними узами коммерческого сотрудничества и переплетением

---

[1] Кризис, невиданное обострение классовой борьбы, острейший взрыв классовых противоречий неминуемо подорвал обороноспособность феодальной Индии. В приморские области давно стучалась вооруженная рука европейских рыцарей первоначального накопления. Через горные проходы северо-западной Индии ворвались в 1739 году афгано-персидские полчища. К концу XVIII столетия Синд, Кашмир, Пешавер были афганскими провинциями.

интересов с голландскими, французскими и английскими купцами. В свою очередь иностранный торговый капитал в лице своих монопольных компаний меняет аршин на меч только в тот исторический момент, когда развитие классовой борьбы в самой Индии сделало новое завоевание ее не только возможным, но и неизбежным[1]. «Чтобы торговать сейчас с Индией, нужно обладать острым мечем»,—писал директор английской Ост-Индской компании, Агарнье.

И меч английских купцов, выкованный буржуазной революцией 1640 г. и Кромвелем, оказался самым острым, самым беспощадным.

[1] «Вопрос но в том, имели ли англичане право завоевать Индию, а в том, предпочли ли бы мы завоеванию Индии турками, персами или русскими завоеванию ее англичанами». (Маркс в письме об Индии. Цит. по сборнику «Маркс и Энгельс об Индии». ГИЗ 1930 г., стр. 30).

ГЛАВА II

Крестьянское движение сикхов (1700—1845)

Как видно из подзаголовка, наш очерк оставляет в стороне новое время и современный Пенджаб с мощным аграрным движением после 1919 г. Но изучение сикхского движения безусловно связано и с индийской современностью. Тот факт, что только в одном Пенджабе до последней трети XIX века сохранилось мелкое крестьянское хозяйство, менее придавленное феодальной эксплоатацией по сравнению с остальной Индией, остается совершенно непонятным, если мы пройдем мимо победоносного крестьянского восстания в середине XVIII века, наложившего свой отпечаток на карту аграрных отношений северо-западной Индии.

Крестьянское движение сикхов не только дает образец революционного истребления власти феодала вместе с физическими носителями этой власти; крестьянство не только ведет беспощадную борьбу, оно осознает себя в этой борьбе, доводит ее до победоносного конца. Высокая классовая зрелость движения и великолепные организационные достижения ставят его на первое место в ряду крестьянских войн индийского средневековья. Эти успехи объясняются наличием руководства, наличием тесной связи с городской беднотой, с обезземеленными городскими ремесленниками, отчасти — предпролетариатом. И в то время как могучее крестьянское движение маратхов, сломившее хребет Могольской Империи, в значительной мере подпало под влияние окраинных феодалов и жреческой реакции и приняло оболочку религиозной войны индусов против мусульман, мы находим другую расстановку сил в Пенджабе, именно, — соединение городской бедноты с крестьянством против феодалов, безразлично индусов они или мусульмане, что налагает специфический отпечаток на восстание сикхов. В чем причина этого глубокого различия двух крупнейших крестьянских войн Индии XVII—XVIII вв.? Мы видим ее также в том, что кризис торговли сильнее ударил по пенджабскому городу, по пенджабскому купечеству, чем по городской бедноте приморского юга Индии. На юге победа морского пути над сухопутными магистралями индийской торговли, осуществившаяся в результате открытия дороги из Индии в Европу вокруг Африки, принесла расширение торговли, повысившийся спрос на предметы индийского кустарного производства, в первую очередь — хлопчатобумажных тканей. Увеличилось закабаление ремесленников скупщиком, дальнейшее развитие получила система дачи авансов под заказ (дадан), но в то же время рос

объем самого производства, развитие шло по восходящей. Наоборот, в Пенджабе наблюдается падение экспорта, разрыв старых связей сухопутной торговли, шедшей на запад через Афганистан и Персию к бассейну Средиземного моря. Захирение основной магистрали сухопутной торговли означало, что десятки тысяч кустарей и ремесленников, работавших, главным образом, на экспорт, были лишены [illegible] заработка, выкинуты на улицу и подобно крестьянству [illegible] на край [illegible] или голодной смерти. Именно [illegible]

[illegible]

Майсора и особенно сикхов приходилось вести по нескольку жестоких войн, не принесших легких лавров английским колонизаторам.

Для удобства изложения установим несколько хронологических вех. Первая половина XVIII столетия — это непрерывная полоса восстаний, заканчивающаяся в 1763 г. истреблением феодалов, мусульманских и индийских, и установлением власти сикхской демократической общины или «кхальса» над Пенджабом. Период 1763—1805 гг. — новый рост феодальных отношений, возвышение военных вождей сикхов — сердаров, попытка захвата ими земли. Третий период — создание централизованной власти Ранджит-Синга, урезка прав сикхского сердарства и далеко идущие реформы в отношении крестьянства на фоне ожесточенной политики экспансии (1805—1839 гг.). Наконец, заключительные годы сикхского государства — это еще одна вспышка крестьянского восстания, бунт армии, предательство феодалов, спровоцировавших войну с английской Ост-Индской компанией,—войну, приведшую сначала (1845 г.) к оккупации, а затем (1849 г.) и к аннексии Пенджаба.

Оговариваемся, что в нашем распоряжении не было достаточно полных материалов, которые позволили бы с достоверной точностью установить как классовую природу раннего сикхизма, так и конкретную экономическую обстановку, обусловившую его специфические формы. Но думается, что даже гипотетическая попытка, предлагаемая нами, имеет известную ценность, если вспомнить, что до настоящего времени как востоковедение английского империализма, так и школа буржуазных националистов одинаково сходились в огульном отрицании классовой борьбы и революционных движений в Индии. Еще совсем недавно один из наиболее крупных авторитетов по древней и средней истории Индии, Винсент Смит, писал: «Индийское общество не имеет истории, на которой стоило бы останавливаться. Мы не находим в Индии никакой эволюции в учреждениях. Индийские социальные условия, описанные Мегасфеном 22 века тому назад, до сих пор могут быть наблюдаемы в современной Индии. Индия не знала революций, не знала насильственных переворотов, совершаемых во имя новых идей»[1].

Как мы увидим ниже, факты ни в малейшей степени не оправдывают этой теории, которая видит своеобразие развития Индии в отсутствии там какого бы то ни было развития, а главное, в отсутствии «на священной почве Индостана»—если не «призрака, который бродит по Европе», то во всяком случае его ближайших исторических предков революционных движений крестьян и ремесленников с теми или иными коммунистическими оттенками.

Причины, толкнувшие крестьянство Пенджаба на восстание, кроются в том общем кризисе, который переживала в начале XVIII века вся Индия, объединенная в этот период под властью Могольской династии. Сущность этого кризиса заключалась в том,

---

[1] Vincent A. Smith «Akbar, the Great Mogul», Oxford, 1910, pages 394-5

что проникновение торгового и ростовщического капитала интенсифицировало феодальную эксплоатацию, подорвало традиционную базу индийской экономики, а именно — крестьянское натуральное хозяйство, объединенное в самодовлеющие общины. На фоне установления прямых торговых связей с Дальним Востоком и Европой, на фоне стремительного роста внешней торговли и повсеместной замены натуральных налогов денежными, Индия однако сохраняет застойную технику производства как в земледелии, так и в городском ремесле, и торговый капитал, создавший целую сеть банков, организовавший морское страхование и выдвинувший из своей среды купцов-миллионеров вроде Гуджратского Вирджи-Вера, этот торговый капитал сам по себе не был в состоянии ни совершить промышленную революцию, ни даже получить сколько-нибудь существенное влияние на дела государства, остававшегося преобладающе феодальным.

Необходимо отметить, что все очевидцы сходятся на том, что даже воспроизводство крестьянского хозяйства становится невозможным, и индийские райоты предпочитают бросать землю и становиться «солдатами или факирами». Если вспомнить, что налоги этого периода сводились к изъятию от 50 до 70% валовой продукции крестьянских полей, что взимались эти налоги кроме того в деньгах и что кроме налогового гнета, деревня страдала от кабалы ростовщического капитала, ставшего в лице «шроффа» или торговца деньгами составной частью тогдашней экономической системы, то не приходится сомневаться, что у индийского крестьянства не оставалось никакого другого выхода, кроме восстания.

Спрашивается, находился ли Пенджаб, одна из могольских провинций, в одинаковых условиях с остальной Индией? О Пенджабе нам говорит путешественник Финч, что «налоговый гнет в провинциях Дели и Лагора (Лагор — столица Пенджаба) особенно тяжел». Действительно, если принять за сто налоговое обложение при императоре Акбаре в 1594 г., то к 1668 г. мы будем иметь увеличение на 100%. Но не одни налоги давили на крестьянство. Наряду со сборщиком налогов действуют всевозможные крупные земельные собственники — феодалы, вроде раджей и их баронов — наиков, тхакуров и рай. Моголы отняли у них независимость, урезали их политические права, но сохранили земельную аристократию в качестве, главным образом, посредников по сбору налогов. Это не совсем верно для всей Индии, но для Пенджаба такое положение именно и создалось к концу XVIII века. Далее нельзя обойти того факта, что Пенджаб лежит на стыке важнейших торговых путей, соединявших Индию через Афганистан и Персию с Европой. Именно в Пенджабе отчасти находились индиговые плантации, дававшие одну из основных экспортных статей индийской внешней торговли. В связи с этим нам сообщают о наличии обширного класса торговцев и скупщиков, «обирающих крестьянство и кладущих себе в карман все прибыли от торговли индиго».

Богатство торговой буржуазии Пенджаба, связанной как с остальной Индией, так и с международным [illegible], представляет установленный факт. Безусловно, развивающееся вторжение денежно-товарного хозяйства в [illegible] Индии должно было [illegible] причиной [illegible] в Пенджабе.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

индийских раджей и властью мусульманских наместников. Стоит процитировать это послание. Обращаясь к императору, Гуру-Говинд пишет:

Оставайтесь в воображаемой безопасности, но берегитесь, я научу воробья нанести смертельный удар орлу; как пылающий огонь, я уничтожу власть раджей и ваших эмиров[1]. Политическая цель восстания и его классовый характер достаточно ярко обрисовываются из приведенных нами выписок. Но этим еще не исчерпывается характер раннего сикхизма. [illegible]

[illegible]

[illegible]

в нарушение всех святынь кастового порядка пьют воду из одного сосуда с париями и не стесняются вкушать пищу с людьми самого «низкого» происхождения. Религиозная святыня сикхов—пруд, омывающий «золотой храм» в Амритсаре, становится местом, где сикхи без различия каст одинаково допускаются к омовению. Отсюда следует вывод, что сикхское движение именно и преследовало цель поднять низы и дать им новую организацию. «Люди низкие да поднимутся, люди презираемые—их место рядом со мной»[1].

Здесь было бы очень рискованно проводить какую-то аналогию с христианством. В сикхизме религиозно-мистические элементы и непосредственные классовые крестьянские цели и интересы тесно переплетены между собой. Крестьянство Пенджаба объединялось во имя совместной военной борьбы против феодалов. Демократия была предпосылкой этого объединения. Умение драться, стойкость в сражениях, выдержка при неудачах—все эти чисто военные качества наряду с рыцарским прозвищем «синга» или «льва» становятся неразрывной частью морали сикхов. В книге «Ади-Грант» мы находим следующее поучение: «Станьте солдатами, обожайте сталь; оружие украшает, война возвышает, и велико счастье того, кто убил врага или пал на поле брани»[2]. Мы уже знаем, кто были основные враги сикхов и не будем возвращаться к этому. Излишне говорить о том, что само сикхское братство отличается величайшим демократизмом и в своей внутренней организации. Во главе стоит гурумата или выборный совет. Должности военных начальников и командиров равным образом являются выборными и опять-таки доступными для лиц самого «низкого происхождения».

Следовало бы еще дополнить краткую характеристику идеологии сикхизма такими чертами, как ненависть к городу с его разъедающей роскошью и страстью к деньгам. Наряду с общей организацией общины или кхальсы следует отметить существование особого ордена акали или бессмертных. В отличие от остальных сикхов акали были связаны обетом безбрачия и бедности, навсегда отрывались от плуга или ткацкого станка и профессионально посвящали себя военной и организационной работе по заданиям гуру или вождя. Замечательно однако, что когда у такого акали не находилось важной политической или военной работы, его обязанностью, зафиксированной в правилах ордена, было занятие физическим трудом,—починка мостов, дорог и помощь крестьянскому хозяйству. Впоследствии, когда и все сикхское движение глубочайшим образом переродилось, «бессмертные» фанатики акали становятся ударным отрядами армий магараджи Ранджит-Синга, направляемых для чисто завоевательных целей.

---

[1] Последствия сказались на том, что в Пенджабе вообще «касты, как учреждения, играют гораздо меньшее значение в социальной жизни населения, чем в других частях Индии» «Imperial Gazetteer of India», изд. 1908. Том 20. Очерк Пенджаба, стр. 287.

[2] «Rahat Nama» или поучения Говинда. Дано в переводе, приложенном к книге Cunningham, указанное соч.

В наши задачи не входит подробный разбор идеологии сикхизма или изыскание философских истоков этого движения. Идеология сикхов имеет длинную родословную. Она ведет ее от учения первого «пророка» или гуру Нанака, жившего еще в конце XV столетия. Но вся разница между основоположником философского сикхизма и его воинственными последователями лежит в том, что Нанак был сторонником гражданского мира и ставил своей основной задачей—выработать своего рода компромисс между мусульманством и индуизмом. Нанак выражал скорее стремление поднимающегося торгового капитала, едва только начавшего работать в рамках общеиндийского рынка и попутно с этим вырабатывавшего и общеиндийскую идеологию. Ранний сикхизм времен Нанака имеет в себе черты сходства с другими попытками подобного же рода, как например, «дин-иляхи» или «божественная религия» величайшего из могольских императоров—Акбара. Совершенно иной характер носит сикхизм восставшего крестьянства, сикхизм, который провозглашает своей целью не гражданский мир, а классовую войну. И если гуру Нанак говорит о благах спокойной жизни и о ясном сознании личного совершенства, то гуру Говинд заклинает сикхов всегда иметь при себе два меча — один для истребления мусульманских ханов, другой для борьбы против раджей[1]...

Какой бы однако революционный и классовый характер ни носило движение сикхов, оболочка его остается мистической и религиозной. И хотя то божество, которое специально покровительствует пенджабским крестьянам, носит все черты хорошего крестьянского вождя, ведущего свой народ в бой против угнетателей, оно все же остается чем-то непостижимым и находящимся за пределами человеческого сознания.

Специально мессианский характер приписывается пророкам или учителям. Оказывается, что они посланы в этот мир со специальной целью руководить движением и являются лишь орудиями божества в деле истребления феодальной несправедливости и насаждения счастья. Излишне говорить, что чудо фигурирует во всех сикхских легендах; чудо, дескать, обеспечивает победу в решающую минуту и вообще играет роль одного из организованных принципов сикхизма. Все эти черты довольно типичны для идеологии крестьянских войн.

Воинственная вера сикхов не вышла, как Минерва, из головы Юпитера в законченном и завершенном виде. Она слагалась попутно с той ожесточенной, свирепой борьбой, которую с начала XVIII века ведут крестьяне и ремесленники Пенджаба. Было бы лишним передавать все детали восстаний и репрессий, успехов и

---

[1] Замечательно, что А. Барт в своих «Религиях Индии» (русск. перевод, Москва, 1897 г., стр. 285), видит в сикхизме лишь «странное смешение теоретической олигархии и военной федерации», совершенно не подозревая, что как влияние сикхских «идеологов»—гуру, так и демократическое войско «хальса» выросли в отчаянной революционной борьбе

поражений, захватов отдельных городов и фортов, заполняющих всю первую половину XVIII века. Вот краткие данные о судьбе вождей, отчасти иллюстрирующие судьбы движения. Так, гуру Тег-Бахадур, заключенный в плен, был замучен в Дели. Его сын, гуру Гобинд, падает под кинжалом фанатика-мусульманина, подосланного врагами. Его преемник, крестьянин Банда, подвергается мучительной казни, при чем до этого он вынужден собственной рукой убить сына. Мусульманская хроника передает, что Банда проявил удивительное мужество, а его последователи не только [illegible] В 1[illegible] г. [illegible] Сирхинд [illegible]

[illegible]

В 17[illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

шествия и та анархия, которая водворилась в сев. Индии безусловно расстроили торговлю и окончательно разорвали Великий сухопутный торговый путь, связывавший Индию с бассейном Средиземного моря через Афганистан, Персию и Сирию. К тому же, открытие морского пути вокруг Африки делало возможным поддерживание связи с европейскими рынками независимо от тех политических условий, которые слагались в северной Индии и Средней Азии.

Восстание сикхов происходит на фоне возврата к натуральному хозяйству, и в движение вливаются многочисленные ремесленники, городские и сельские, потерявшие привычные заграничные рынки сбыта.

Для самого Пенджаба победа сикхов прежде всего означала истребление феодального землевладения и распад централизованного чиновничьего аппарата, выжимавшего налоги из крестьянства. Недаром Баден Пауэль подчеркивал разницу между Пенджабом и всей северной Индией, поскольку «здесь (в Пенджабе) мы не находим, если брать провинцию в целом, землевладельцев, права которых выросли бы над крестьянской массой». И еще: «В Пенджабе нас поражает преобладание крепких общин, составленных из крестьян, обрабатывающих свою землю, что стоит в резком контрасте с деревенскими общинами провинций Ауда и Агры, где община представляет не что иное, как объединение заминдаров, выросшее над деревней, уже ранее существовавшей».[1]

Другим результатом явилось изменение торговых путей, бегство торговцев из Пенджаба, разгром городов, падение городской культуры. Английский очевидец прямо указывает (1770 г.): «Сикхи изгнали транзитные товары и заставляли их проложить себе новые пути через неудобные горные теснины». Так, кашмирские шали, раньше вывозившиеся через Пенджаб, в конце XVIII столетия начинают экспортироваться обходным горным путем из Джамму на Дели и Сринагар.

Спрашивается, привела ли победа сикхов к полному пересмотру земельных отношений, означала ли она национализацию земли или передачу ее повсеместно в собственность крестьян?

Аграрная революция в Пенджабе по-видимому закончилась передачей земли не в руки всего крестьянства, а во владение только тех из крестьян, которые примкнули к сикхам и принимали непосредственное участие в военной борьбе; насчитывают, что около 70 тысяч воинов составляли основную ударную силу сикхов, и они-то и осели на землю. Для оценки этого факта необходимо

---

[1] Baden-Powell, Land-systems of British India, Oxford, 1892. Vol. II, p. 609, 607, 611. Так дело обстояло в первые годы английского господства. Денежный налог, создание частной собственности на землю, ростовщическая кабала быстро привели по неизбежным колониальным образцам к пауперизации крестьянства в пользу помещика и ростовщика, к превращению этих крестьян в полурабов-издольщиков.

помнить, что в течение по крайней мере полустолетия велась непрерывная борьба. Организация сикхской общины была в значительной мере подчинена этой цели. А раз так, то создались естественные предпосылки для возвышения отдельных военноначальников или вождей, как их называют,—сердаров. Должность вождя, равно как и лиц всего командного состава, была сначала выборной. Демократия и выборность были положены в основу всего военного строя сикхов. Тем не менее, после захвата власти (1763 г.) чрезвычайно резко встал вопрос и об имущественном, и о сословном неравенстве, и о классовом расслоении в среде самого сикхизма.

Во всем Пенджабе насчитывалось около 4 миллионов населения, а сикхов — всего около 100 тыс. человек. Первый вопрос,—вопрос о распределении земельной собственности, был повидимому разрешен в пользу создания привилегированного положения сикхской кхальсы по сравнению с остальным крестьянством. Земля была провозглашена общей собственностью сикхов, и первоначально к землевладению применяется термин «шамиль», что значит—общая, неразделимая собственность. Весь Пенджаб был разбит на двенадцать уделов или «мизалей», что значит ассоциации равных. И здесь, следовательно, еще раз подчеркивается равноправие сикхов, их равные права в отношении прежде всего землепользования. Но какими бы словами общности или равенства ни прикрывать строй земельных отношений после победы сикхов, фактически в основу его были положены два момента: первый—неравенство наделов для самих сикхов в зависимости от того положения, которое каждый член кхальсы занимал в общей военной иерархии; второй момент — создание тех или иных прав сикхов, прежде всего сикхских вождей — сердаров над окружающим не-сикхским крестьянством. Сущность этих прав, которые первоначально сводятся к получению известной доли крестьянского урожая в виде продуктовой ренты, вытекает из права завоевания.

Рассмотрим сначала вопрос о том, каким образом распределяются земельные наделы среди самих сикхов. Как говорилось, размеры участков прямо зависели от военно-революционных заслуг, оказанных движению тем или иным сикхом. Вспомним, что сердары или вожди сикхского народа вступали в бой в сопровождении товарищей, друзей и последователей; каждый из них рассматривал себя в качестве равноправного участника общего дела. Приобретенные сикхами земли стали общей собственностью, в которой каждый имел свою долю, в зависимости от степени личного участия в ее захвате. Фактически это означало, что половина территории, занимаемой мизалем, попадала в руки вождя или сердара, а другая половина раздавалась воинам, при чем обычно мы имеем участки, годные лишь для ведения крестьянского хозяйства лично самим бывшим воином. Другими словами, огромная масса сикхов вернулась к крестья-

скому хозяйству с той только разницей, что члены кхальсы были освобождены от уплаты налога и пользовались «правом отъезда. Это значит, что в случае недовольства или ссоры с вождем, в случае возникновения трений, сикхский воин-крестьянин имел право в любую минуту приписаться к соседнему «мизалю» и получить там новый участок. Несколько иные отношения создаются в том крупном участке феодального типа, который отводится сердару. Сердар пока не имеет личной земельной собственности, но он понемногу начинает собирать налоги с не-сикхского крестьянства, он строит себе замок или другой укрепленный пункт, он пытается поставить других вождей меньшего ранга в отношения иерархического подчинения себе. Так создается особая форма держания земли по типу «табадари», когда вождь, стоящий вне данного «мизаля», передает свою землю крупному сердару и получает ее обратно на условиях условного феодального надела, обязываясь выставить тот или иной контингент воинов. Нельзя упускать и того факта, что далеко не все земли были расписаны по возникшим 12 «мизалям». На почве возникшего соперничества отдельных сердаров и их естественного стремления захватить побольше территории,—так как достаточно быстро у сердарства развиваются вполне эксплоататорские намерения пока в отношении не-сикхского крестьянства,—создается практика закладничества или «хат-ракай», когда крестьянство ищет покровительства и защиты у того или иного влиятельного сердара. Феодальная земельная собственность в полном смысле этого слова еще не создается. Рядовой воин-сикх, правда, имеет право заложить свой участок, но он не имеет возможности продать его на сторону, а в случае если после смерти держателя такого надела у него нет прямых наследников, то участок возвращается в распоряжение «мизаля».

Хроники передают, что этот период (1763-1809 гг.) сопровождается ожесточенной борьбой сердаров между собой, беспрерывными военными набегами, отсутствием единства среди сикхов. Невольно напрашивается параллель с процессом ранней феодализации в европейском средневековьи. Но эта параллель не должна заводить нас слишком далеко. Прежде всего, в среде сикхов были еще весьма крепки их революционные тенденции. Орден «акали» именно в этот период приобретает особое значение, как сила, противостоящая вождю, как сила, которой «вожди боятся». Именно акали открывают собрания всех сикхов, или гурумату, и они же выступают, так сказать, как бы в роли римских трибунов, стоящих на страже каждого отдельного члена кхальсы. Каждый сикх имеет право жаловаться на гурумате в случае обиды или какой-либо несправедливости. Не меньшей гарантией против возвышения вождей являлся тот факт, что сикхское крестьянство было повсеместно вооружено, имело крепкие боевые традиции и быстро сорганизовалось в самоуправляющиеся сельские общины. На основе имеющихся материалов очень трудно установить, каково было

положение тех крестьян, которые не были членами кхальсы и не исповедывали веры Говинда и Нанака. Безусловно, процесс феодализации совершался главным образом за счет именно этого крестьянства. Но и в его среде мы повсеместно найдем самоуправляющиеся сельские общины, всевозможные органы деревенского самоуправления, на которые пока лишь весьма поверхностно ложатся права сикхских сердаров и вождей.

Как говорилось, во всем Пенджабе совершился переход к натуральному хозяйству. По выражению английского путешественника, «все утонченное и изысканное, городская культура и образование исчезли из Пенджаба задолго до возвышения магараджи Ранджит-Сингха». Не может быть никаких сомнений, что крестьянское восстание вместе с индийскими феодалами и мусульманскими чиновниками смело и ту весьма изысканную культуру, которая возникла и развивалась на почве бесконечной эксплоатации крестьян и ремесленников. Но здесь еще раз приходится подчеркнуть процесс натурализации пенджабского хозяйства и падение торговли. Это тем более важно, что в противном случае может создаться ошибочное представление о причинах и последующего возникновения централизованного государства Ранджит-Сингха.

Приведем характеристику торговли Пенджаба, относящуюся к началу XIX века, т. е. уже в период роста владений Ранджита: «Торговля мало покровительствуется, везде большие внутренние пошлины... общие условия Пенджаба не таковы, чтобы содействовать росту торговли»[1]. Другой источник указывает: «До аннексии 1849 г. Пенджаб почти не торговал с остальной Индией. Он не имел избытка сельскохозяйственных продуктов для экспорта. Анархия, последовавшая за распадом империи Моголов, меньше всего содействовала коммерческой предприимчивости. Что же касается Ранджит-Сингха, то он в своей политике отнюдь не покровительствовал пенджабским купцам и совсем не допускал английских купцов в пределы своего княжества»[2]. Очевидно, что интересы торгового капитала не играли решающей роли для образования в Пенджабе централизованной монархии и для той борьбы, которую магараджа Ранджит-Сингх повел за ограничение сердаров и возникшего было (точнее, начавшего возникать) крупного феодального землевладения.

Анализ значительно облегчается, если взять сикхское государство тридцатью годами позже, т. е. тогда, когда оно выступает в качестве сложившегося целого с централизованной властью, постоянной армией и чиновничьим аппаратом. Всякое государство строится на классовом насилии, есть орган классового принуждения. Монархия Льва Пенджаба или Ранджит-Сингха не составляет исключения. Но она строится чрезвычайно любопытным образом, а именно таким путем, что боевой дух сикхского дви-

[1] Malcolm, Masson, op. c., p. 79.
[2] Имперский справочник по Индии. т. 22, стр. 321, изд. 1911 г.

жения и те мелкие крестьянские собственники, которые осели в Пенджабе, были использованы для того, чтобы создать боеспособную армию регулярного типа. Поддержка массами сикхов централизованной власти магараджей была куплена ограничением сердарства и конфискацией сердарских земель. В этом отношении политика Ранджита, упразднившего феодальную анархию и наложившего узду на своеволие сикхских феодалов, безусловно должна была иметь самую широкую поддержку в среде и сикхского и не-сикхского крестьянства. Но роль армии, созданной из крестьянства Пенджаба, меньше всего ограничивалась борьбой с феодалами. Сикхи, обученные безработными Наполеоновскими генералами, вроде Аллара и Вентуры, слитые в пехотные батальоны и вооруженные теперь мушкетом, становятся в руках Ранджита орудием безудержной внешней экспансии. И если Малькольм и Кеннингхэм передают о крестьянском рае, который якобы водворился в Пенджабе, и о том факте, что крестьянство центрального Пятиречья платит чрезвычайно легкие налоги и что, наконец, сборщики налогов весьма опасаются чересчур нажимать на мелкого собственника-сикха, то объяснения этому факту следует искать на полях Кашмира, у Пешавера и у Мультана, где сикхские войска прибирают одну за другой провинции бывшей Афганской империи, где они распространяют власть кхальсы на чисто мусульманские области[1]. В этом процессе мы уже не находим ничего революционного. Завоевание сикхами перечисленных мусульманских областей меньше всего преследует цели раскрепощения местного крестьянства, и хотя сикхский режим был во многих отношениях лучше, чем власть мусульманских феодалов, сидевших в этих областях, тем не менее, он по существу оставался режимом жестокой эксплоатации крестьянства. Сикхская армия была орудием экспансии, и поскольку продолжалось завоевание все новых и новых участков территории, постольку крестьянство центрального Пенджаба оставалось в несколько привилегированном положении.

Чтобы оценить все значение этого явления, надо учесть, что на смену сикхизму, как идеологии восставшего крестьянства, теперь приходит сикхизм как вера, распространяемая мечом и при-

---

[1] «Ни в какой другой стране так хорошо не обращаются с райотом или земледельцем, как в современном Пенджабе» (Sir J. Malcolm, Sketch of the Si[illegible]).

«(Сикхское крестьянство) облагается чрезвычайно слабо, ни один местный [illegible] не [illegible] члена кхальсы (общины сикхов), и если откупщик налогов восстановит против себя крестьян, то сикхские батальоны скорее настоят на его (откупщика) смене, чем дадут ему вооруженную поддержку» (Кеннингхэм, стр. 16[illegible]).

«При Ранджите страна в целом достигла необычайно высокого процветания: всякая джатская деревня посылала своих рекрутов в сикхскую армию, [illegible] свой общий доход, и таким образом даже тяжело обложенные деревни получали, по крайней мере, [illegible] из военных поступлений» (Имперский справочник по Индии, том XX, стр. 285, изд. 1909 г.).

крывающая собой политику хищнических захватов. Весьма отчетливо выступает перед нами та опасность, которая коренится в религиозном характере самой идеологии, допускающей с большой легкостью подмену своего первоначального содержания. Власть сикхов, которая раньше несла за собой истребление раджей и ханов, оказывается хорошей только потому, что она имеет религиозное освящение гуру и пророков, потому, что она имеет в своей основе «мистическую власть кхальсы» и направлена своим острием против «неверных», безразлично от того, будут ли последние богатыми или бедными, крестьянами или помещиками. От первоначального революционного содержания сикхизма все же остаются некоторые следы, хотя общее собрание или гурумата более не созывается и власть фактически находится в руках магараджи, монета все же чеканится по старой традиции именем сикхской общины или кхальсы, и все государственные акты равным образом носят этот формальный след исчезнувшей сикхской демократии.

Государство Ранджита, выросшее к 1819 году в могущественную монархию, могло сохранять относительно хорошие отношения с крестьянством Пенджаба лишь постольку, поскольку продолжалась территориальная экспансия, поскольку в результате этой экспансии получалась достаточно крупная добыча, львиная часть которой доставалась самому магараджже, генералитету и командному составу, а остальное — рядовым сикхам. Но на почве территориальных захватов имелся чрезвычайно серьезный конкурент в лице грабительской английской Ост-Индской Компании.

Уже в 1805 г. лорд Лейм заявил, что захват сикхами какой-либо территории на левом берегу Сутледжа будет рассматриваться как война. И с этих пор Ост-Индская компания не раз показала, что считает политику захвата и завоевания привилегией английской политики в Индии. Так, английский капитал, опять-таки под угрозой войны, запретил сикхскому магарадже захватить провинцию Синда, так как сами англичане стремились к ее захвату, что и было осуществлено ими в 1843 г. Для внешнего расширения сикхам оставалась лишь северо-западная граница Индии, т. е. области бедные, малокультурные, населенные воинственными афганскими племенами. Ценой неимоверных усилий войска Хари-Синга завоевывают область Пешавера и продвигают власть кхальсы к историческому Хайберскому проходу. Этим, правда, наглядно опровергается последующая басня английского империализма о том, что лишь английская армия способна защищать границы Индии против «афганских орд», но сами сикхи шли в бой вовсе не за тем, чтобы показать превосходство своей стратегии и военной техники над афганской, а за добычей. И этой добычи северо-западная Индия и Вазиристан могли дать лишь в весьма ограниченном объеме.

Итак, изменение международного положения Пенджаба и невозможность новых захватов неминуемо должны были поставить ребром вопрос об отношениях между крестьянством централь-

ного Пенджаба и сикхской знатью, об отношениях между сикхской армией, составленной из этого крестьянства, и государственной властью в целом. Чтобы понять дальнейшие события, хронологически связанные со смертью Ранджит-Синга, следует несколько подробнее остановиться на классовой структуре Пенджаба в 30-х годах прошлого столетия. Прежде всего, мы находим, что ликвидация сикхского сердарства, произведенная Ранджитом, не носила окончательного характера[1]. У сердаров, правда, были отняты кое-какие земли, была отнята их независимость, но вместе с тем они в качестве чиновников и генералов заняли крупные посты в новом государственном аппарате. И поскольку чиновничество награждалось не жалованием из казны, а правом сбора налогов с определенной территории, пожалованием «в кормление», постольку этот класс оставался классом феодалов, готовым проявить свои центробежные тенденции при благоприятной обстановке. С другой стороны, как ни тяжело было положение торгового капитала в сикхском государстве, однако постепенно наблюдается возрождение торговли, особенно в связи с необычайно выгодным географическим положением Пенджаба. Имеются сведения, что сам Ранджит-Синг, располагавший к концу жизни капиталом свыше 100 миллионов рупий, пытается монополизировать отдельные отрасли экспорта, в частности — вывоз кашмирских шалей. Под военным давлением англичан Пенджаб вступает в торговые договоры с Синдом и Афганистаном, и особой конвенцией обязывается поддерживать свободу плавания на реке Инд. Торговый капитал особенно силен в княжестве Джуммы, куда бежало множество торговцев еще во времена афганских и персидских нашествий. Наконец, на окраинах, где сикхская власть была слабее, мы находим целый ряд политически независимых феодалов и раджей, в качестве данников Ранджит-Синга. И хотя во многих случаях сикхская налоговая система отказывалась признать каких-либо феодальных посредников между собой и индуистским или мусульманским крестьянством, в других случаях, по соображениям политического или военного характера приходилось идти на компромисс и вступать в сделку с ханом или раджей. Таким образом, мы находим в составе Пенджаба и феодальную аристократию или знать — генералитет, высшее чиновничество, потомков старого сердарства. С другой стороны, сильны центробежные тенденции среди окраинных феодалов и окраинных наместников. На заднем плане — интерес торгового капитала, уже тогда открыто симпатизировавшего Ост-Индской Английской компании, установившей «право и порядок» в соседних областях и везде покровительствовавшей торговле и торговцам.

[1] Наследственное землевладение сердарства переводилось в условное, зависимое от магараджи и связанное с несением определенной службы. У Princep'a приведены многочисленные примеры. Princep «Origin of Sikh Power» ук. соч. стр. 83, 101, 117, 138 и т. д.

После смерти Ранджита эти три группы вступают между собой в ожесточенную борьбу, имеющую характер борьбы придворных клик и совершающуюся путем дворцовых переворотов. Орудием таких переворотов является армия. Симпатии вооруженной силы, снискание ее расположения становятся решающим моментом в условиях довольно неустойчивого соотношения интересов торгового капитала, сердарства и окраинных феодалов. Другой силой, действующей за кулисами, являются невидимые нити влияния, исходящие от английского дипломатического агентства — сначала полковника Вейда, а затем капитана Бродфута, уже тогда получивших инструкции, как это выяснилось архивными изысканиями. В. Д. Базу, всячески разжигать междоусобицу, подготовляя анексию Пенджаба[1]. Мы не будем перечислять бесчисленных переворотов, следовавших один за другим и сопровождавшихся всеми аксессурами борьбы за власть при дворе восточной деспотии (отравления, убийства и т. д.). Переломный момент наступает летом 1841 г., когда армия, бывшая до этого времени слепым орудием в руках различных группировок и клик, становится самостоятельной силой и устанавливает свою власть рядом с официальной властью государства. Описанием этих событий мы обязаны перу английского дипломата Кенингхэму, который заплатил ссылкой и смертью от малярии за свою чересчур далеко идущую откровенность. Этот историк сообщает нам, что после расправы с неугодным генералитетом и офицерским составом армия приступает к созданию своей выборной организации в лице полковых и армейских комитетов, фактически осуществлявших контроль над делами государства. К середине 1841 г. насильственные действия лагорских войск замерли, но отношения армии и государства изменились коренным образом. Армия считала себя и рассматривалась населением как организация, представляющая интересы сикхского народа в целом, как воплощение сикхской общины или кхальсы. Боеспособность армии, как дисциплинированного целого, мало пострадала, поскольку более высокие гражданские чувства овладели вчерашними солдатами. Готовность действовать, решимость и общее одушевление до известной степени заменили обычную учебу. Сикхские батальоны в полной мере осознали все преимущества общей организации (systematic union) Они были горды своей дисциплинированностью и выдержкой, как воплощением духа Говинда и Тег-Бахадура. Они перешли на систему выборов командного состава. Вместе с тем они охотно выполняли обычные военные обязанности, но в то же время положение полка, бригады или целой армии по отношению к правительству и его местным агентам определялось выборным комитетом, который назывался солдатским «панчиатом» или пятеркой. Эти комитеты выбирались каждым батальоном и каждой ротой,

---

[1] B. D. Basu. «Rise of the Christian Power in India». Calcutta 1925. Vol. V., pages 167-169 onwards.

при чем комитет составлялся из солдат, выделявшихся своим развитием или пользовавшихся более крупным влиянием в своих родных деревнях. Даже в этой грубоватой системе представительства сикхский народ был в состоянии активно вмешиваться и влиять на назначение и смещение своих правителей и высших чинов»[1].

Поскольку в состав армии входили части, сформированные из мусульман и индуистов, представительство в армейских комитетах распространялось и на них. Как мы узнаем дальше, правительство пытается избавиться от армии, совершившей, по мнению английского вице-короля Гардинга, не что иное, как «демократическую революцию»,—путем вывода войск из столицы и ссылки их на опасные окраины. Но армейские комитеты вполне понимали, что интерес обороны страны—это одно, а интересы государства и феодальной знати—совсем другое. Кеннигхэм сообщает, что «панчиаты принимали все меры к охране границ Пенджаба против афганских орд, и они уславливались между собой о регулярной смене частей в различных провинциях. Но с другой стороны, среди них господствовало убеждение, что раджа и его советники хотят разбросать сикхскую армию по всей стране и набрать одновременно новые полки из раджпутских горцев. И поэтому комитеты не позволяли выводить хотя бы один батальон из лагеря, пока они не убеждались в необходимости этой меры»[2]. Картина,—несколько напоминающая Ленинградский гарнизон после февральской революции.

Превосходно осведомленные английские политики, так и оценивали положение. В своей депеше от 20 октября 1843 г. лорд Элленборо указывает: «Совершился фактический переход всей власти к взбунтовавшейся армии, собравшейся в столице. В свою очередь армия осуществляет власть через комитеты различных корпусов, действующие совместно на основе общего решения»[3]. К сожалению подлинные архивы Пенджаба пока недоступны для марксистского исследователя, иначе их разработка бросила бы свет не только на внешнюю сторону событий, но и на общую политику, проводимую революционной армией «кхальсы». А что такая политика проводилась и очевидно проводилась с достаточной решительностью, наглядно свидетельствуют все растущий страх знати и верхов перед поднявшимся движением, все растущая их готовность продать независимость Пенджаба и опереться на английские штыки, лишь бы обеспечить свои имущественные интересы. В свою очередь, сближение отдельных министров и сановников с англичанами не ускользало от зоркого внимания панчиатов. В частности, премьер-министр Джевагир-Синг, пойманный с поличным, с

---

[1] «History of the Sikhs», op. cit. page 239—240.

[2] Ibid, —261.

[3] Депеша его в Лондон от 20 октября 1843 года. Цитирую по собранию документов, изданных Ramsay Muir «The Making of British India» Лондон, 1923 г.

одной стороны, на крупных растратах государственного имущества,
а с другой стороны, на том, что он находился в секретных сно-
шениях с английским дипломатическим агентом Бродфутом, был
судим панчиатами и расстрелян вместе с сообщниками. Как сооб-
щает очевидец, весь акт носил характер торжественности и сдер-
жанности, свойственным судебному процессу, с той однако раз-
ницей, что суд производился самим народом и в присутствии все-
го народа. Поскольку министр Джевагир Синг был не первым из
сановников, подвергшихся казни за измену, и сердары имели перед
собой пример Диан и Михаль-Синга, убитых, несмотря на высокое
звание магараджей, и Гуляб-Синга, едва уцелевшего в своем кня-
жестве Джуммы, становится понятным, что по существу никому
из сердаров не улыбалась перспектива стать министром или высту-
пать в качестве правителя рядом с могущественной организацией
крестьян, одетых в мундиры сикхской армии[1]. Как говорит Ке-
нингхэм, после казни Джевагир-Синга никто не желал брать в
руки верховную власть над государством или занимать команд-
ные посты во главе этой самодовлеющей армии, которая в течение
каких-нибудь восьми месяцев захватила в плен могущественного
раджу Джуммы, заставила подчиниться влиятельного губернато-
ра провинции Мултан, подавила восстание брата магарад-
жи и, наконец, судила и приговорила к казни премьер-
министра, при чем, несмотря на эту внутреннюю борьбу, сикх-
ская армия, без всяких видимых усилий охраняла северо-запад-
ную границу Индии против прославленных орд афганцев[2]. Оста-
валось только формально закрепить то, что было завоевано по
существу, а именно провозгласить кхальсу или сикхскую демо-
кратическую общину правительством, отказаться от призрака го-
сударя или магараджи в лице малолетнего Дулиб-Синга и, наконец,
выдвинуть своих военноначальников и министров вместо представ-
ителей враждебного класса феодалов. Другими словами, раз-
бить старый государственный аппарат и создать на его месте
свою новую власть. Но этого не произошло. Не произошло отчасти
потому, что религиозный характер идеологии безусловно затем-
нял классовый характер крестьянского движения, отчасти потому
что сикхское крестьянство все же сохраняло привилегированное
положение в государстве по сравнению с прочим крестьянством,
и таким образом имелась некоторая видимость общности интересов
и с сердарством. Но если революционная армия не отличалась
достаточно ясным сознанием своих классовых интересов как пред-
ставительница крестьянства, то сикхские сердары, аристократия,
купцы и высшие чиновники сразу сделали выбор в пользу англий-
ской интервенции, как сообщал английский дипломат Бродфут:
«Уже в 1843 г. купцы Амритсара ожидали английского вмешатель-
ства». А несколько позже, уже во время англо-сикхской войны

[1] Донесение Бродфута правительству Индии 26 сентября 1845 г.
[2] Кенингхэм, указан. соч., стр. 272.

сэр Робер Пиль в своей речи в палате общин характеризует положение в Пенджабе следующим образом: «Не может быть никаких сомнений, что основной целью сикхского правительства или дурбара, а также наиболее влиятельных земельных собственников, вождей аристократии этой страны была война с Англо-Индией, и притом война особого свойства. Эта война велась не для того, чтобы расширить границы Пенджаба, и не для того, чтобы поддержать высокую военную репутацию сикхов, но только для того, чтобы освободиться от подчинения разнузданной взбунтовавшейся солдатчины. Сикхская знать стремится избавиться от внутренней опасности, и она вызвала конфликт с Великобританией для того, чтобы хотя бы ценой громадных жертв устранить взбунтовавшуюся армию. Такова главная цель и странный принцип государственной политики, которым в течение последнего времени определяются решения и регулируются действия правителей Пенджаба»[1].

На самом деле властвующие классы старого общества, безразлично—феодальная ли аристократия или буржуазия,—всегда прибегают к помощи интервенции, когда внутренняя революция угрожает их священному праву собственности. Так было в Пенджабе, так было с русской буржуазией во времена интервенции, то же самое мы наблюдаем и в современном Китае.

Поскольку правительство британского капитала в Индии давно подготовлялось к захвату Пенджаба и своевременно сосредоточило на линии реки Сутледж сорокапятитысячную армию и поскольку главнокомандующий сикхской армии, Тедж-Синг, и премьер-министр Лаль-Синг ставили своей задачей всячески содействовать английской победе, судьба кампании 1845 г. была предрешена[2]. Предста-

---

[1] Речь Роберта Пиля. Цитирую по сборнику материалов и документов, «Expansion of British India» Лондон, 1918, составленному Prof. Anderson and M. Subedra. Установленным фактом представляется, что сикхская знать специально спровоцировала войну с Англией, как средство подавить английскими штыками революцию. Кроме Кеннигхэма, (см. официальный «Collection of Treaties, relating to India». Calcutta, 1909, Vol. VII, pp. 139—140 «Essays», Sir H. Lawrence, стр. 83, а также подлинные донесения Гардинга о переговорах с предателями, приведенные у B a s u. Указан. соч. стр. 165—167.

[2] Кроме обычного колониального аппетита к захвату Пенджаба в английской политике чувствуется боязнь что «демократическая революция» (выражение лорда Гардинга) из сикхского государства может перекинуться на остальную Индию. В своем донесении от 23 октября 1845 г. английский вице-король на это откровенно указывает: «интерес самосохранения вынуждает нас к разгрому сикхской армии; ужасное влияние этого примера можно себе представить» (the baneful influence of such an example is the evil most to be dreaded). Дальше он спрашивает: «Но как оправдать захват дружественной территории, когда сикхи еще так недавно (во время англо-афганской войны 1839 г. Мое примечание. И. Р.) помогли нам выбраться из опасного положения?». Английская дипломатия и предательство сикхской знати не замедлили создать такое положение, при котором «угрызения совести» Гардинга быстро исчезли, и он сам стал главным орудием захватнической войны.

вители революционной армии допустили к тому же громадную тактическую ошибку. В целях сохранения единства командования и руководства операцией, они полностью доверили это командование своим классовым врагам и упразднили на время войны солдатские комитеты или панчаяты. При таких условиях сикхская армия, проявившая даже по мнению английских военных историков величайшую выдержку, мужество и стойкость, была обречена на поражение. И после четырех битв, в которых сикхи неизменно добивались тактического превосходства над лучше вооруженной наемной англо-индийской армией, они никогда этих тактических успехов не развивали. 10 февраля 1846 г. наступила развязка. Сикхское верховное командование (Тедж-Синг, Лаль Синг и ряд других генералов) не только выдало англичанам все планы, но сговорилось с лордом Гардингом о том, что они поставят сикхскую армию в заранее условленном, неудобном для обороны месте и после этого перейдут сами на сторону англичан. Так произошло, и при Собрауне армия кхальса была истреблена. Пенджаб лишился своей независимости.

После разгрома при Собрауне последовала фактическая оккупация англичанами Пенджаба. Предатель Лаль-Синг получил пост главного министра (визиря) и председателя Совета регентства. Другому предателю, Гуль-Сингу, выкроили самостоятельное княжество Джамму и Кашмир. В течение трех лет (1846—1849 г.) английская политика строилась на союзе с феодальной аристократией против пенджабского крестьянства. Понадобилось новое восстание 1849 г., известное под названием Второй Англо-сикхской войны, чтобы преемник Гардинга, вице-король Дальхузи, воскликнул: «Туземная аристократия за нас, но к чему нам ее никчемная поддержка?»

После кровопролитного подавления восстания в 1849 г. последовала окончательная аннексия Пенджаба, и одновременно колониальные хозяева были вынуждены пойти на некоторые уступки крестьянству в своей земельной и налоговой политике. Пенджаб стал колонией и разделил общую судьбу Индии.

ГЛАВА III

Эпоха первоначального накопления

При изучении экономического строя современной Индии необходим исторический подход прежде всего для установления этапов колониальной эксплоатации по мере эволюции самого колониального паразита от торгово-хищнического, ранне-капиталистического государства начала XVIII столетия до современного загнивающего британского империализма. Вместе с тем, только такой исторический подход дает возможность выяснить наслоения от одной эпохи к другой, ибо каждый новый этап эксплоатации развивается на основе отношений, созданных его предшественником, в свою очередь приспособляя их к своим собственным нуждам. Так например, вне-экономические, т.-е. открыто-насильнические методы проходят красной нитью через всю историю английского господства. Но только в первый период колониальный грабеж открыто выступает в качестве такового, в то время как впоследствии насилие обязательно комбинируется с внешней «свободой» торговли между метрополией и колонией, с внешне-эквивалентным обменом индийского сырья на английские промтовары, с широчайшим развитием денежных меновых отношений[1].

Индия представляет классическую колонию прежде всего потому, что она прошла через все стадии колониальной эксплоатации, оставаясь все время придатком одного и того же британского капитала. Индия, хотя и является сейчас объектом ожесточенного соперничества держав, все время оставалась колонией, где нераздельно царит один английский капитал. Колониальная система находит свое завершение в аппарате политического насилия, открыто выступающем как диктатура иностранного капитала.

Период первоначального накопления английского капитала в Индии охватывает, примерно, столетие 1757—1857. Этот период грубо ограничен двумя хронологическими вехами: 1757 г. — битва при Плесси, положившая начало территориальному могуществу Ост-Индской компании (захват Бенгалии); 1857 г. — переход Индии из-под власти компании под власть короны после великого си-

---

[1] Необходимость различения основных стадий колониальной эксплоатации Индии в зависимости от эволюции английского капитализма, была выдвинута Мукарджи в его труде «Англия и Индия». Но этот же автор сумел совершенно извратить правильную методологическую установку и в конце концов скатился к прямой апологетике феодально-колониального режима.

пайского восстания. Когда мы говорим о периоде хищнического первоначального накопления, нужно иметь в виду, что Ост-Индская компания также обслуживала интересы поднимающегося промышленного капитала, но *своими методами*. Только постепенная отмена монопольных прав Ост-Индской компании, а затем ее окончательная ликвидация в 1857 г., при передаче контроля над Индией непосредственно буржуазно-парламентской машине, открывает широчайшую дорогу наступлению английского промышленного капитала на индийский рынок, открывает возможность перестройки системы колониальной эксплоатации на основе методов, специфически присущих промышленному капиталу.

Стержнем всей системы английского капитала в Индии выступает хищное первоначальное накопление, выкачивание сокровищ и товаров, вывоз ничем не компенсируемый ввозом. Пассивный торговый баланс проходит через все этапы колониальной эксплоатации, выступает однако только на первом из них, как непосредственный результат насилия и грабежа. Монополия английского капитала, опирающаяся на аппарат государственного насилия, раскрывается перед нами в явной и незамаскированной форме в качестве многочисленных монополий Ост-Индской компании. Это достопочтенное общество английских купцов, торгующих с Ост-Индией, осуществляет монопольное торговое посредничество между Индией и внешним миром, опирается на ряд монополий во внутренней торговле, как, например,— торговли и скупка сахара и табака, опиума, соли и пряностей. Хищнический торговый капитал захватывает командные высоты в экономике Индии, открыто утверждает собственное привилегированное положение, монополизирует в своих руках целиком всю внешнюю торговлю и наиболее прибыльные отрасли внутренней, отменяет внутренние таможни для собственных агентов и посредников (но сохраняет их для туземных купцов), резервирует в качестве своего исключительного права эксплоатацию целых отраслей кустарной и домашней промышленности, устанавливает многочисленные привилегии и изъятия декретируемые Ост-Индской компанией в качестве суверенной государственной власти во имя благой цели облегчения ее операций как коммерческой организации[1].

Грабеж и торговля здесь слиты воедино. Их нельзя разделить так же, как невозможно разграничить коммерческие и политические функции в деятельности самой компании. В этот период свобода торговли существует только для иностранного монополиста — Ост-Индской компании и ни для кого больше. Политическая и коммерческая деятельность компании так переплетены с финансовой системой Индии, что при настоящих условиях чрезвычайно трудно, чтобы не сказать — невозможно, рассматривать их в отдельности. По-

---

[1] Маркс характеризует этот период колониальной эксплоатации как господство иностранного торгового капитала над производством. Ср. «Капитал», т. III (англ. издание) стр. 357.

литические и коммерческие предприятия компании с самого начала были слиты воедино. Нет ни малейшей возможности для точного разделения политических и коммерческих доходов или расходов компании как в Англии, так и в Индии»[1].

Кроме монополии внешней торговли, Ост-Индской компании еще принадлежали соляная (сдавалась с торгов)—продажная цена соли была на 288% выше себестоимости; индиговая—приносила в среднем 300% дохода; монопольная торговля малабарским перцем и кардамоном; табачная монополия (себестоимость весовой единицы табака «канди»—22 рупии, продажная цена—175); наконец, опийная монополия. Особо прибыльной статьей «христианнейших» грабителей были, кроме того, особые таксы на индусские и мусульманские религиозные праздники и доля в храмовых доходах, не исключая священной проституции. При Ост-Индской компании вплоть до 40-х годов XIX столетия продолжали существовать не только таможенные границы между отдельными провинциями Британской Индии, но многочисленные таможенные сборы внутри каждой из провинций. Кроме того, проводилось таможенное обложение всех товаров, поступавших на городской рынок. Стеснительная система внутренних таможен сдавалась на откуп и служила мощным орудием феодального притеснения внутренней торговли. Внутренние таможенные сборы, доходившие до 17% с цены хлопка, 15% с цены кожи,—являлись серьезным препятствием для внутреннего товарооборота. Согласно меморандуму Холта Макензи на имя индийского правительства от 12 ноября 1825 г., «товары проходят через загородки десятка таможенных застав, прежде чем достигнут столицы президентства»[2].

По мнению английского исследователя Гамильтона, «восстановленные Ост-Индской компанией внутренние таможенные сборы создали более значительные препятствия для внутренней торговли, чем это было даже при старых индийских феодалах»[3]. Разумеется, английские товары, составлявшие собственность Ост-Индской компании или, наконец, направлявшиеся в ее адрес, не подлежали ни досмотру, ни обследованию. В депеше Совета директоров генерал-губернатору (1823 г.) читаем: «английская мануфактура платит меньше пошлины при ввозе в Индию, чем ткани туземного производства при транзите из одной провинции в другую».

Производится прямое разграбление сокровищ храмов и имущества феодальной верхушки. Широко используется налоговый пресс для экспроприации масс крестьянства. Монополия внешней торговли усиленно выкачивает денежное золото за границу (в этот период в Европе соотношение между золотом и серебром было 1 : 16, а в Индии 1 : 10 или 1 : 8). Бесчисленные монополии по

---

[1] Dr. Pramanthanth Banerjea «Financial System of East India Co.» p. 148.

[2] Цитируем по книге Ромеш Дат «Ранняя история английского владычества в Индии».

[3] C. J. Hamilton. «Trade relations between England and India», Calcutta. 1919. p. 101.

внутренней торговле позволяют вздувать цены на табак, сахар и соль на 200—400%. Насильственно прикрепляются целые округа с десятками тысяч ремесленников к факториям Ост-Индской компании. Широкая спекуляция идет на голоде, особенно во время бенгальского голода 1772 г.

Эти и другие многочисленные кровавые насильнические методы само собой не только обеспечивают колоссальные барыши Ост-Индской компании, но и создают золотой дождь, оплодотворяющий промышленный переворот в Англии. Разграбление Индии, рабский труд сахарных плантаций в Ост-Индии, морское пиратство — вот основные моменты кровавой эпохи первоначального накопления английского капитала[1]. Считают, что за этот период из Индии было выкачено ценностей на сумму от 10 до 18 миллиардов золотых рублей. Но не только эта сторона интересует нас здесь.

Колониальные грабители явились «невольным орудием истории», — они подорвали экономическую базу старого способа производства. И в этом — глубочайшее, принципиальное отличие английского завоевания Индии от всех других завоеваний ее персами, арабами или греками.

В знаменитой 24-й главе I тома «Капитала» Маркс ставит вопрос об основном содержании кровавого процесса первоначального накопления: «Итак, к чему же сводится первоначальное накопление, т.-е. его исторический источник? Поскольку оно не представляет непосредственного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих, поскольку оно, следовательно, не ограничивается простой сменой формы, оно сводится к экспроприации непосредственных производителей, т. е. к разложению частной собственности, покоющейся на собственном труде» («Капитал» I том, стр. 611.) Экспроприация непосредственных производителей, прежде всего крестьянства, также явилась основным содержанием процесса английского первоначального накопления в Индии, при чем этот грабеж однако создавал рынок не для индийской промышленности, а для английской промышленности. Насильственное отделение непосредственного производителя от средств и условий производства прежде всего осуществлялось путем открытого нападения колониальных хозяйств на старую систему собственности, обеспечивавшую крестьянству наследственное владение землей в рамках самодовлеющих общин. Как известно, феодальная собственность в Индии не исключила, а предполагала, что непосредственный производитель обладает орудиями производства, не может быть согнан с земли, пользуется на определенных условиях совместно с феодалом выгонами, пустошами, лесами. Первой задачей англий-

[1] «Открытие золота и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках — первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих, — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления». (Маркс «Капитал» I том, стр. 603).

ских колонизаторов и явилась экспроприация крестьянской земли, а также лишение крестьянства выгонов, пустошей, лесов. Таким образом разрушение старого общественного строя идет по двум направлениям. С одной стороны, английские колонизаторы разбивают старую систему земельных отношений, основанную на государственной собственности и общинном крестьянском владении землей; с другой,— развивается атака как на ремесло, соединенное с земледелием в рамках сельской общины, так и на городское ремесло и кустарные промыслы, стоящие вне сельской общины. Оба эти процесса неразрывно связаны между собой.

Маркс указывает: «Таким образом рука об руку с экспроприацией самостоятельного прежде крестьянства, с его отделением от средств производства совершается уничтожение сельской подсобной промышленности, процесс разделения мануфактуры и земледелия. И только уничтожение сельского домашнего производства может дать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, в которых нуждается капиталистический способ производства»[1].

Характер земельной политики Ост-Индской компании непосредственно определялся соображения фискального порядка. Налоговый пресс, унаследованный английским хищническим капиталом от старых азиатских деспотий, стал мощным орудием нажима на крестьянские массы, сначала с целью непосредственного извлечения ценностей, а впоследствии и для установления связей, вернее, зависимости сельского хозяйства от мирового рынка. Решительный перевод налога в денежную форму, беспощадная строгость его взыскания, отказ от старого азиатского правила, что хоть известная часть крестьянского поля остается необложенной, общее повышение ставок поземельного налога, конфискация в пользу колониального государства общинных выгонов и пустошей на всем юге Индии с последующим обложением их по нормам пахотной земли, создание английского чиновничьего аппарата и сосредоточение исполнительной и судебной власти в руках налогового диктатора — английского сборщика — вся совокупность этих мероприятий на первых порах диктовалась самой грубой, откровенной и беспощадной политикой налогового ограбления индийского крестьянства. На первом этапе колониальной эксплоатации налог, и в частности поземельный налог, дополненный многочисленными монополиями Ост-Индской компании, является основным орудием выжимания колониальной прибыли и открыто выступает в качестве такового. Налоговый аппарат прямо рассматривается в качестве доходного предприятия, и за покрытием непосредственных издержек по содержанию чиновничьего аппарата и армии излишки переводятся в Англию либо в денежной форме, либо в форме других товаров, закупленных на эти средства. Такая покупка товаров зовется системой «инвестмент» и широко практиковалась на протяжении это-

[1] «Капитал», I том, стр. 600.

рой половины XVIII и первой четверти XIX столетия[1]. Вне-экономическая насильственная природа колониальной торговли здесь открыто выступает перед нами. Вместе с тем, свирепый нажим налогового гнета является прямой причиной голода, сокращения производства в крестьянском хозяйстве, выпадения грандиозных площадей из обработки, превращения их в джунгли. Типичным примером может послужить бенгальский голод 1772 г. Как свидетельствует сам английский губернатор, «несмотря на смерть по крайней мере одной трети обитателей вверенной мне провинции и соответствующего уменьшения запашки, общий сбор налога превышает таковой же 1771 г. Сбор насильственными средствами был поддержан на высоте прежнего уровня». Голод открывал, кроме того, широкие возможности спекуляции как самой компании, так и ее чиновников на скупке зерна и риса по низким ценам и продаже его голодающему крестьянству по грабительски-высоким ценам[2]. Можно сказать, что всюду, где в Индии ступала нога английского сборщика налога, первым результатом являлось повышение ставок и частичное сокращение обработки земель[3].

К этому присоединялся еще один момент, а именно — развал ирригационной сети, обусловленный как гибелью самодовлеющей общины, так и заменой старого феодала, ответственного перед центральной властью за подведомственную ему оросительную сеть, совершенно безответственным помещиком, выжимателем ренты[1].

---

1 Только за двадцать лет 1760—1780 гг. в порядке «инвестмента» было вывезено товаров на 120 млн. золотых рублей.

2 W. W. Hunter «Annals of Rural Bengal». London, 1872, pages 39—64.

3 Маркс говорит о продуктовой ренте: «Последняя может быть такого размера, что является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и низводит непосредственного производителя к физическому минимуму средств существования. Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму находит и эксплуатирует завоевательная торговая нация, как например, англичане в Индии» (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 332).

1 «Каждая из многочисленных деспотий, последовательно расцветавших и склонявшихся к упадку в Персии и Индии, — пишет Энгельс, — знала очень хорошо, что она прежде всего является главным предпринимателем по орошению речных долин, без чего там было немыслимо и самое земледелие. Только просвещенные англичане сумели не понять этого обстоятельства в Индии; они запустили оросительные каналы и шлюзы, и лишь теперь, благодаря регулярно повторяющимся голодовкам, начинают соображать, что они пренебрегли единственной деятельностью, которая могла бы сделать их господство правомерным, хотя бы в такой степени, как господство их предшественников» (Маркс и Энгельс об Индии, стр. 8).

Разрушительные последствия английского хозяйничанья не изжиты и в настоящее время, в особенности на юге Индии. «В силу дезорганизации, создавшейся во время перехода власти к англичанам, разрушились многотысячные водоемы, в течение многих сотен и тысяч лет поддерживаемые и расширяемые трудом крестьянских общин. Водоемы [illegible], и [illegible] забились и [illegible] система [illegible], созданная крестьянским трудом на протяжении многих столетий, была разрушена [illegible], и потребуются расходы сотен миллионов рупий и пройдет долго[illegible]

Создание частной собственности на землю явилось результатом налоговой эксплоатации индийского крестьянства английским хищническим капиталом. Здесь же можно отметить, что созданная частная собственность на землю является, по выражению Маркса, лишь колониальной «карикатурой» как на крестьянское, так и на помещичье землевладение, поскольку она возникла в формах, определяемых прежде всего интересами Ост-Индской компании по части налоговой эксплоатации крестьянства. Как мы увидим дальше, частная собственность на землю как крестьянская (райотвари), так и помещичья (заминдари) остается под гнетом колониального государства, как всеобщего землевладельца.

«Заминдари и Райотвари» были обе аграрными революциями, проведенными английскими указами и противоположными друг другу— одна аристократическая, вторая демократическая. Одна—карикатура на английский лэндлордизм, вторая—на французскую мелко-крестьянскую собственность; но обе — злостные, обе—соединяющие в себе самые противоречивые черты, обе—проведенные не в интересах народа, обрабатывающего землю, не в интересах собственника, владеющего ею, а в интересах правительства, облагающего землю налогами» (Маркс).

Создание «карикатуры» частной собственности на землю дало английским колонизаторам возможность щедро наградить своих индийских союзников в лице представителей торгово-ростовщического капитала, превращая их непосредственно в помещиков, или обеспечивая им концентрацию в их руках крестьянской собственности на основе последующей купли-продажи крестьянской земли.

Этим путем Ост-Индская компания не только создавала условия для невиданного налогового нажима, но обеспечивала себе в лице новоявленного помещика прочную социальную опору в крестьянской Индии. Создание помещичьей собственности идет бок о бок с широчайшей системой сдачи налогов на откуп, хотя откуп получает преобладающее значение не столько в области поземельного налога, как при реализации внутренних таможенных сборов и всевозможных монополий.

Вопрос о том, кто явится помещиком и в какой форме превратится в опорную точку английского хищнического капитала в индийской деревне, т. е. вопрос о том, кому достанется создаваемая частная собственность на землю, решался Ост-Индской компанией по-разному, в зависимости от соотношения классовых сил, особенностей экономического строя тех или других районов Индии, и, наконец, непосредственного политического положения, остроты соперничества с Францией, напряженности борьбы с махратами, Майсором. И если при всех вариантах конечными результатами английской земельной политики в Индии везде и всегда являлось создание частной земельной собственности, пусть в карикатурно-

---

время, прежде чем удастся восстановить ее». S. Kesava Iyenger «Studies in Indian Rural Economics» London, 1927 г. p. 26 Сравн. также Royal Commission on Agricultur in India, Evidence taken befor the Commission, vol. III. Madras.

колониальном ее виде, то вместе с тем мы имеем самые разнообразные формы ее возникновения в зависимости от перечисленных условий. Немалую роль здесь играло также и то, что английские колонизаторы исходили из европейской практики, не были способны вообразить себе другого аграрного строя, как английского, с его категориями лэндлорда, капиталистического арендатора и сельскохозяйственного рабочего.

На всем протяжении Южной Индии, где феодальный строй был глубоко потрясен крестьянскими войнами, где его разложение зашло дальше под влиянием более развитых в приморском юге товарно-денежных отношений, Ост-Индская компания, как общее правило, хотя и не полностью, ликвидирует феодальных посредников между собой и мельчайшим крестьянским хозяйством. Налоговая эксплоатация организуется на первых порах при посредстве краткосрочного откупа, а потом и собственным налоговым аппаратом. Доля Ост-Индской компании в крестьянском урожае первоначально исчислялась в 50% на суходольных землях и в 75% на орошенных. Общинные выгоны и пустоши объявляются собственностью колониального государства и сдаются им в аренду на таких же основаниях, как пахотная земля. Ликвидируется общинное самоуправление, и каждый владелец надела попадает в непосредственное отношение зависимости от Ост-Индской компании. Эта система, известная под названием «райотвари»[1], на первых порах имеет элементы государственного крепостничества, т. е. насильственного прикрепления каждого отдельного крестьянина к земле. Ни один крестьянин, держатель надела, не имеет права самовольно покинуть землю, пока не уплатит налога; он не имеет права выбирать участок, а должен подчиняться произволу налогового чиновника; не имеет права забросить часть земли, а должен обрабатывать участок весь целиком. Разветвленный полицейский аппарат, хватавший беглых крестьян, является необходимой принадлежностью этой системы. Но какой бы карикатурой на крестьянскую парцеллярную собственность ни являлось райотвари, в какой бы степени рента-налог, взимаемая Ост-Индской компанией, ни исключала пока помещичьей ренты, земля здесь стала уже объектом купли-продажи, торгово-ростовщическому капиталу уже открыта возможность концентрации крестьянских наделов в своих руках, уже созданы предпосылки для диференциации в среде самого крестьянства. Последующее превращение Индии в аграрный придаток Манчестера и Бирмингама, последующая гибель городского и сельского ремесла и бурный процесс роста аграрного перенас-

[1] Райотвари (Ryotwary). Этот вид налогового обложения охватывает Мадрас, Бомбей, Синд, Берар, Ассам и Бирму, всего около 50% обрабатываемой площади. Райотвари характеризуется тем, что: 1) за налог отвечает фактический собственник, все равно, будет ли он помещиком или крестьянином; 2) право такого собственника целиком и полностью уничтожает все другие права на землю или доход с нее; 3) налог время от времени повышается.

ления в результате торможения колониальным паразитом развития фабричной промышленности в самой Индии — создадут впоследствии те экономические предпосылки, при которых земельная собственность станет самым ходким товаром, обеспечит не только долю колониального государства в крестьянском урожае, но также долю ростовщика и нового помещика, и мы также увидим впоследствии постепенное, хотя и неполное исчезновение элементов государственной собственности, снижение доли колониального землевладельца до 18-20% валового урожая, отмену ряда других ограничений, ставших ненужными и излишними по мере того, как фарм денежного налога уже сыграл свою историческую роль, разбив сельскую общину, вынудив индийского крестьянина выбрасывать свою продукцию на рынок. Непосредственное насилие английского налогового чиновника дополнится впоследствии принуждением помещика и ростовщика, буржуазного интеллигента или торговца, завладевшего крестьянской землей.

На севере Индии земельная политика Ост-Индской компании не только создала предпосылки для последующего возникновения помещичьей собственности, для последующей концентрации земли в руках владельца денег на основе акта купли-продажи, но прямо и непосредственно экспроприировала крестьянство, прямо и непосредственно создала самую помещичью собственность. Система заминдари в двух ее вариантах (постоянное и временное заминдари или махальвари) являются именно карикатурным, искусственным созданием помещичьей собственности. Система заминдари была декретирована в тех районах Индии, где гражданская война XVII и XVIII столетий не привела крестьянство к победе, где феодальный строй не был так глубоко подорван торгово-ростовщическим капиталом, где вместе с тем Ост-Индская компания не могла по ряду причин долго медлить с награждением своего союзника — индийского торгового капиталиста, должно было сразу вознаградить его жирным куском крестьянской ренты. Но и здесь новый помещик остается пока под гнетом всеобщего помещика — колониального государства. Новый помещик может драть сколько ему заблагорассудится со своих крестьян, но первоначально от 80 до 90% собранной ренты составляют долю Ост-Индской компании. В одном варианте доля колониального паразита фиксирована на вечные времена, и английский налоговый аппарат лишен возможности периодически увеличивать свою долю по мере того, как увеличивается рента, выжимаемая помещиком из крестьянства. Это и есть система постоянного заминдари[1].

---

[1] «Постоянное заминдари» (Permanent Settlement). Оно преобладает в провинциях Бенгаль, Бихар, Орисса, захватывая 1/4 часть Мадраса и 1/10 часть Соединенных провинций, всего около 20% обрабатываемой площади Индии. Здесь ставка налога фиксирована на вечные времена и не может быть повышена. Единолично ответственным за налог является помещик-заминдар, ниже которого однако слагается целая лестница подчиненных владельцев и крестьян-арендаторов с различными правами, отчасти регулируемыми правительством. Это самый ранний эксперимент англий-

По другому варианту, известному под названием «временного заминдари», или «махальвари», колониальное государство заставляет помещика периодически делиться с ним каждым повышением ренты, урывает свою долю с каждой рупии, уплачиваемой крестьянином помещику[1]. В основном Ост-Индская компания создала здесь нового помещика из откупщиков налога, торговцев, купцов, превратив одним росчерком пера налоговые округа в грандиозные помещичьи латифундии, превратив тем самым налогоплательщиков-крестьян в абсолютно бесправных арендаторов, отдав тем самым все общинные выгоны, пустоши и леса в собственность помещиков. Одним росчерком пера индийские торговцы, ростовщики, банкиры, откупщики налога были превращены в новых полуфеодальных помещиков. Основная ставка английской политики была именно на замену прежнего феодала новым путем превращения части торговцев и ростовщиков в помещиков. На нового помещика были автоматически перенесены все феодальные повинности, которыми крестьянство было прежде обязано в отношении феодального государства или отдельных феодалов; в ряде провинций на разный манер был осуществлен перевод тех или иных звеньев старой феодальной иерархии на рельсы помещичьего землевладения (главным образом, Соединенные провинции Ауда и Агры, отчасти в Бихаре и Ориссе). Из самого характера феодальной иерархии Индии, из самого характера старого аппарата по сбору налога, превращенного англичанами в лестницу помещичьего землевладения, неминуемо вытекает то, что в областях заминдаря создались целые ярусы помещичьего землевладения, создалась феодальная иерархия, наверху которой водрузился заминдар, распре-

---

[illegible] введенный ими в 1794 г. после того, как [illegible] пахотной земли в Бенгалии были заброшены и заросли джунглями в результате [illegible] Ост-Индской компании в предшествующие 50 лет (1757—1794). За основу было взято: 1) замена старых феодалов [illegible] слоем [illegible] спекулянтов и купцов; 2) превращение последних в помещиков; 3) фиксирование ставки поземельного налога [illegible] в 1794 г. с крестьян; 4) крестьяне превращаются в бесправных арендаторов. Заминдар вправе согнать их с земли и повышать ренту по своему усмотрению.

[illegible] превращены в арендаторов. [illegible] фиксировалось доходом в 10% с налога [illegible], стал теперь помещиком. Его налог фиксирован на вечные времена, между тем, как он сам может брать с крестьян сколько [illegible].

[1] [illegible] налогового обложения охватывает [illegible] Центральные провинции, все [illegible] Здесь отличительным признаком [illegible] повышение налога через каждые 20—30 лет [illegible]. Последняя охватывает в провинции [illegible] крестьян-собственников, а в соседней провинции Агра [illegible] корпорацию помещиков [illegible] над крестьянами-арендаторами [illegible] официальная статистика относит также провинцию Ауда, где за налог единолично отвечает помещик — талукдар.

делившиий сбор ренты на своей земле между подручными заминдарами или субзаминдарами, при чем эти, в свою очередь, создают дальнейшие ярусы уже подчиненного им помещичьего землевладения[1]. Если созданная английским торговым капиталом помещичья собственность принимает черты феодальной иерархии и в структуре устанавливаемых ею экономических отношений содержатся целые пласты феодальных пережитков, то в то же время эта форма землевладения отличается от прежней тем, что она больше не составляет монополии дворянской касты или сословия и может быть приобретена всяким, кто имеет деньги. И дальнейший процесс также сводится в основном к вытеснению старой знати торговцами, ростовщиками, городскими интеллигентами. Если в Бенгалии мы имеем образец мало замаскированной экспроприации старой знати, то в других провинциях эта же экспроприация происходила при посредстве английских законов о сборе поземельного налога, в высокой степени облегчающих мобилизацию земельной собственности именно при посредстве торгово-ростовщического капитала. Невзнос нескольких рупий поземельного налога влек за собой продажу помещичьего имения с торгов, при чем именно торгово-ростовщический капитал, тесно связанный с откупом налога, тесно связанный с аппаратом английского господства, обладавший также знанием английского законодательства, с легкостью экспроприировал мусульманских и индусских феодалов, целые кланы и их роды, превращенные было англичанами в коллективных помещиков.

Налоговая и аграрная политика Ост-Индской компании, создавая частную собственность на землю, неслыханно усиливая налоговую эксплоатацию крестьянства, разбивая общину, тем самым

точная копия бенгальского заминдара, с той разницей, что правительство может повышать налог. Как общее правило, права высшего владельца в Ауде, Агре и Центральных провинциях целиком не [illegible] прав нижестоящих владельцев и арендаторов, обеспечиваемых особыми законами.

[1] Заминдар Бурдвана разделил свои поместья на ряд округов, обозначив их „путни" или „первичные", и установил свой ежегодный доход в [illegible] который сам он уплачивает правительству. Округа или путни заминдар роздал новому классу им созданных наследственных субзаминдаров, предоставив им на вечные времена право собирать ренту с крестьян в пределах округа при условии взноса определенной суммы в его (заминдара) пользу. Большинство субзаминдаров, следуя примеру своего господина, разбили свои округа на новые деления, обозначив их „дур-путни" или „вторичные", и предоставили дур-путни на тех же основаниях в наследственные наделы уже ими созданным суб-субзаминдарам, при условии взноса определенной суммы в его (субзаминдара) пользу. Сумма эта однако превышала размер платежей, которые сами субзаминдары обязаны вносить заминдару. Многие из суб-субзаминдаров, в свою очередь, разбили свои наделы на новые территориальные единицы — се-путни или третичные, и создали таким образом [illegible] ярус [illegible] [illegible] III (Revenue) p. 16]. В современной Бенгалии, как общее правило, насчитывается 5 и больше ярусов собственников, а именно: заминдар, путнидар, дур-путнидар, се-путнидар, и [illegible]дар, но [illegible] крестьянина, буквально — один с сошкой, а семеро с ложкой.

пролагала широкую дорогу атаке промышленного капитала. Англии на индийский рынок, атаке английской промышленности на домашние и кустарные промыслы индийского крестьянства. Маркс пишет следующее о гибели индийской общины: «Эти мелкие стереотипные формы социального организма были большей частью разрушены и скоро совсем исчезнут, но не столько вследствие грубого вмешательства британского сборщика податей и британских солдат, сколько благодаря влиянию английской паровой машины и английской свободной торговли. Такие семейные общины зиждились на кустарной промышленности, на специфическом объединении ручного тканья, ручного прядения и ручного земледелия, которое делало их самодовлеющими. Английское вмешательство, которое перебросило прядильщика в Ланкашир, ткача в Бенгал, а затем выбросило обоих — и индуса-прядильщика и индуса-ткача, разложило эти маленькие полуварварские, полуцивилизованные общины, взорвав их экономическую основу, и таким образом совершило величайшую, в сущности, единственную социальную революцию, которую когда-либо Азии пришлось пережить»[1].

Процесс разрушения сельского и городского ремесла под ударами импортации английских товаров фабричного производства начался еще в первой четверти XIX столетия, но получает [illegible] значение только в 1830—1850 гг. В 1815 г. в Индию было ввезено английской мануфактуры всего на 26 000 ф. стерл., в 1832 г. — уже на [illegible] ф. стерл., в [illegible] г. — на 3 131 000 ф. стерл., в [illegible] г. — на [illegible] стерл. и в 1856 г. — на 6 [illegible] ф. стерл. Следующая таблица наглядно рисует процесс падения экспорта индийских тканей ручного производства и одновременного бурного роста ввоза английской мануфактуры на индийский рынок[2].

Годы	Вывоз индийских тканей	Ввоз английской мануфактуры
1814	1 266 608 кусков	818 208 ярдов
1821	534 495 »	19 138 726 »
1828	422 504 »	42 822 077 »
1835	306 086 »	51 777 277 »

Со своими открыто насильническими методами Ост-Индская компания здесь также выступила в качестве повивальной бабки, [illegible] «свободной торговли» Манчестера с Индией. Прежде всего отметим, что до развития железнодорожного строительства в Индии, а оно началось по-настоящему только в 1850—1860-х гг., — самая возможность широкого проникновения английских товаров была ограничена недостатком путей сообщения. На первых порах борьба развивалась не за деревенский, а за городской рынок. Еще в 1830-х г. полковник Берд Смит отмечает в своем специальном отчете: «Главным потребителем английской мануфактуры является все население, живущее вдоль

[1] Маркс и Энгельс об Индии. [illegible]. Стр. 20.
[2] (Из показаний директора Ост-Индской компании г. де-Ларпента перед парламентской комиссией в 1840 г.).

удобных и открытых линий сообщения, верхи земледельческого населения, даже в стороне от путей сообщения, и подавляющая масса городского населения. Масса же среднего и беднейшего земледельческого населения отнюдь не является потребителем товара из Манчестера. Индийский крестьянин пока еще одевается в ткани собственного производства». Это было написано в 1861 г. о Соединенных провинциях, расположенных на удобной водной артерии Ганга.

Борьба за городской рынок в самой Индии, полное вытеснение индийской мануфактуры ручного производства с внешних рынков — вот примерная картина развития до начала бурного строительства железнодорожной сети после Сипайского восстания 1857 г. Разгром целых районов индийских ткачей Дакки, Масулипатама, Каликутта, Гуджарата, специализировавшихся как на снабжении городского потребления,—в первую очередь феодальной знати,—так и на работе для экспорта (в результате многих столетий связи с рынками Сиама, Индо-Китая, Африки, Персии и т. д. индийские ткачи разных районов вырабатывали различные специальные ткани, потребные для отдельных экспортных рынков), крайне облегчался тем обстоятельством, что в руках Ост-Индской компании находилась монополия внешней торговли Индии и ряд монополий внутренней торговли, мощный регулятор меж-провинциальных и внутри-провинциальных таможенных границ.

«Английская мануфактура платит меньше пошлины при ввозе в Индию, чем изделия туземного ткачества при транзите из провинции в провинцию». (Донесение ген.-губернатора Совету директоров Ост-Индской компании, 11-го июня 1823 г.). И если раньше в Англии приходилось в начале XVIII столетия платить штрафы по несколько сотен фунтов за ношение индийских тканей и хлопчато-бумажных изделий, если раньше приходилось принимать покровительственные пошлины для защиты английского внутреннего рынка от экспорта тканей из Индии, если раньше английская промышленная и финансовая олигархия всячески поощряла вывоз индийских товаров на другие европейские рынки, кроме английского, то впоследствии монополии Ост-Индской компании дали в руки английского капитала оружие несравненно большей мощности и силы. Вместе с тем Ост-Индская компания для снабжения тех отдельных внешних рынков, где английская фабричная мануфактура не конкурировала еще с индийскими тканями, организует особые фактории в Индии, заставляя индийских ремесленников под ударами кнута и палки снабжать компанию необходимой мануфактурой по пониженной цене.

Система факторий, собственно говоря, разорвала связь между городским ремеслом и кустарями специализированных районов, с одной стороны, и индийским торговым капиталом, с другой,— поставила ремесленников в исключительную зависимость непосредственно от Ост-Индской компании, а тем самым облегчила последующий разгром ремесла. И по мере того как усиливается темп

ввоза английских хлопчато-бумажных товаров в Индию, Ост-Индская компания забрасывает свои фактории и окончательно разоряет многие сотни тысяч ремесленников, связанных с этими факториями. Маркс отмечает: «Англия начала с того, что вытеснила с европейского рынка индийские хлопчато-бумажные изделия. Затем она стала ввозить пряжу в Индостан и, наконец, запрудила первоначальную родину хлопка хлопчато-бумажными изделиями. С 1818 по 1837 гг. вывоз пряжи из Великобритании в Индию возрос в отношении 1 : 5200. В 1824 г. вывоз британских муслиновых изделий в Индию едва достигал 1 млн. ярдов, тогда как в 1837 г. вывоз уже перешагнул за 64 млн. ярдов. Одновременно с этим население Дакки уменьшилось с 150 тыс. до 20 тыс. человек. Однако этот упадок индийских городов, некогда славившихся своими изделиями, далеко еще не был худшим последствием. Британская паровая энергия и британская наука во всем Индостане разрушили союз сельского хозяйства с мануфактурой»[1].

Отчет Берд-Смита говорит про ткачей Гхазипура: «Там, где 30 лет назад была твердыня туземных ткачей и работало свыше 3000 станков, там сейчас 62 человека на каждую сотню одеты исключительно в английские ткани»[2].

Подведем некоторый общий итог первому этапу колониальной эксплоатации. Политическая власть, командные высоты экономики уже захвачены иностранным капиталом. Выкачанные ценности стали стимулом развития английской промышленности. Передовой слой крупного туземного торгового капитала, ближайшего исторического предшественника промышленного, был отрезан от мирового рынка и подавлен на внутреннем рынке монопольным положением Ост-Индской компании. Торгово-ростовщический капитал уже выступает политическим и экономическим секундантом колониального режима или в виде его торгово-скупщицкой агентуры или в своем новом качестве полуфеодального помещика, — [illegible] английского режима.

«Необходимо признать, что целью нашей системы явилось разорение держателей обширных феодальных имений и наделов. Создался новый класс помещиков, рекрутируемый главным образом из торговцев, ростовщиков, откупщиков налогов, стряпчих туземных судов. Общим результатом нашей системы явилось, кроме того то, что она направила торговый капитал и предприимчивость в русло землевладения»[3].

Разлагается деревенская община. Крестьянство в значительной мере лишено земли. Основным результатом английской аграрной политики, провозгласившей частную собственность на землю, явилось или непосредственное создание полуфеодального помещичьего землевладения (в области заминдари), или же создание предпо-

---

1 «Маркс и Энгельс об Индии». Письмо 1-ое, стр. 18.

2 Report of Colonel Bird-Smith on commercial conditions of the North-Western Provinces of India. 12 Feb. 1861, p. 17.

3 Гастингс. Докладная записка по вопросу о налоге, от 21 сентября 1815 г.

сылок для последующего оседания купца, ростовщика и скупщика на землю, в качестве полуфеодального помещика (в области райотвари).

Возникшая частная собственность на землю ни в коей мере не отвечает запросам и потребностям капиталистического земледелия. Колониальный паразит, обеспечив себе социальную опору в виде помещика, не только создал, но и подавлял созданную им частную собственность на землю в качестве всеобщего землевладельца, приспособив ее (частную собственность) для целей непосредственной налоговой эксплоатации. Крестьянство не было освобождено из оков феодализма. На нового помещика были целиком перенесены все старые феодальные повинности, а сама Ост-Индская компания выступает в роли всеобщего землевладельца на правах достойного преемника азиатских деспотий. Беспощадно раздавлена городская домашняя промышленность. Зачатки индийской мануфактуры принесены в жертву английской фабрике. Начался процесс выталкивания ремесленников обратно в деревню, началась атака на домашние промыслы крестьянства. Увеличилась скученность населения на земле. Развалилась оросительная сеть, запустели и целые области Индии.

Сущность колониального переворота состоит не только в том, что подорвана экономическая основа старого строя, а в том, что с самого начала развитие капитализма в колониальной Индии подчинено развитию капитализма в промышленной Англии. Колониальное подчинение Индии означает прежде всего трудность или невозможность развития собственной фабричной промышленности, разрыв между процессом экспроприации непосредственных производителей (крестьян и ремесленников) и противопоставления им средств производства, превращенных в капитал. Захват политической власти и командных высот экономики Ост-Индской компанией создает исключительно благоприятные условия для последующей эксплоатации Индии английским промышленным капиталом (как мы видели, этот процесс начался уже при господстве Ост-Индской компании), но он затрудняет возможность развития собственной фабричной промышленности в Индии, отрицая «нормальную эволюцию» домашней промышленности через мануфактуру к фабрике. Возможность такой эволюции затрудняется не только выкачиванием ценностей (они уплывают из Индии, чтобы оплодотворить английский промышленный переворот), но и всей совокупностью экономических и политических отношений, установленных иностранным капиталом в его колонии. Таким образом колониальный захват Индии Великобританией предопределил разрушительные последствия и уродливый характер развития капиталистических отношений в колониальной Индии. Из реальных классовых противоречий, складывающихся на основе этого развития, создаются предпосылки индийской революции. Отдавая сельскую Индию на разграбление ростовщику и помещику, иностранный капитал

создает тем самым их классового антипода в лице разоряемого и расслаиваемого крестьянства.

Завоевав Индию в целях грабежа, колониальный хозяин по мере собственной эволюции, начинает превращать эту величайшую из колоний в рынок для своих фабрикатов, в источник сырья для своей промышленности, а в дальнейшем и сферу приложения капиталов и т. д. Организуя массовую торговлю, он не только превратил в объект купли и продажи землю и важнейшие продукты крестьянского производства, но превратил рабочую силу в товар, вызвав к жизни как буржуазию, так и ее могильщика—рабочий класс, гегемона индийской революции.

В оценке ренегата Роя, захват и эксплоатация Индии английским хищническим капиталом изображается в качестве подлинной буржуазно-демократической революции, низвергнувшей феодальный строй. Рой пишет: «Грандиозную историческую задачу освобождения народа от цепей феодализма не суждено было выполнить демократическому среднему классу Индии. Это сделала английская буржуазия в лице Ост-Индской компании»[1].

Ренегат Рой подменивает понятием буржуазной революции захват власти иностранным капиталом. Английский капитал отнюдь не уничтожает феодализм и феодальную эксплоатацию. Колониальный режим тормозит капиталистическое развитие Индии. Английский империализм проводит ряд мероприятий, с самого начала подчиняющих капиталистическое развитие колониальной Индии интересам капиталистического развития промышленной метрополии. Колониальный переворот, колониальное проникновение не есть буржуазная революция. Иностранный капитал является невольным орудием истории в том смысле, что он невольно создает предпосылки индийской революции, направленной и против феодальных остатков и против него самого.

Так и только так понимал Маркс социальную революцию, произведенную англичанами в Индии. Точка зрения Роя целиком стирает различие между колониальной Индией и угнетающим ее колониальным паразитом, смазывает вместе с тем различный характер капиталистического развития в колонии и в метрополии, проводит знак равенства между буржуазной революцией, насильственным путем ниспровергающей феодальный строй, и колониальным переворотом, который, подрывая экономическую основу феодализма, в то же время возрождает и консервирует феодальные пережитки и феодальные методы эксплоатации, создает в придачу к старым эксплоататорам грандиозные пласты нового полуфеодального помещичьего землевладения.

---

1 Рой, «Новая Индия», стр. 124.

ГЛАВА IV

Сипайское восстание[1]

Стремительные темпы индустриализации Англии, растущая зависимость английской фабрики от индийского сырья (главным образом хлопка), растущее значение индийского рынка для Ланкашира, окончательное утверждение гегемонии промышленной буржуазии в политической жизни Англии — открывают новый этап колониальной эксплоатации. Грабительская Ост-Индская компания в основном вывозила товары и ценности, представлявшие непосредственный или во всяком случае мало замаскированный результат прямого насилия. Нельзя же в самом деле серьезно называть торговлей продажу индийских тканей, выработанных ремесленниками за треть или полцены на факториях компании при прямой аргументации штыка; нельзя называть торговлей систему «инвестмент», когда выжатые из крестьянства путем налоговой эксплоатации суммы переводятся в Англию в форме ценностей или других товаров, закупленных на эти суммы. Самая торговля мало чем отличалась от насилия. Вот как описывает один из англичан — очевидец деятельности гомастов — туземных торговых агентов Ост-Индской компании: «Гомасты насильственно присваивают товары и предметы потребления у купечества и крестьянства, уплачивая в лучшем случае лишь четверть цены; они же путем прямого насилия принуждают крестьян платить 5 или 8 рупий за безделушку, решительно никому не нужную». Такая «торговля» была удобна, пока дело шло о непосредственном выкачивании ценностей из Индии, получении небольшого количества дорогого экспортного сырья для отравления китайцев опиумом.

Превращение Индии в грандиозный рынок для английской промышленности, в источник сырья, в аграрный придаток промышленной Англии, должно было неминуемо привести к некоторому пересмотру старой системы эксплоатации и связанной с ней монополии Ост-Индской компании[2]. Для того, чтобы стать массовым потребителем английских товаров, индийский крестьянин должен был стать также массовым поставщиком сырья и продовольствия на мировой рынок. За период 1833—1844 гг. вывоз хлопка-сырца

---

[1] Сипайское восстание от слова «сипай», что значит солдат, боец. Так называли солдат наемной англо-индийской армии, набиравшейся главным образом из коренных жителей Индии.

[2] А впоследствии и в сферу приложения капиталов.

[2] А впоследствии и в сферу приложения капиталов.

из Индии поднялся с 32 до 88 млн. фунтов, и если сейчас индийский хлопок составляет около 2% потребления английской текстильной промышленности, то тогда он составлял от 8 до 15% ее потребления. В половине XIX столетия Индия дает Англии 25% всего потребного ей сахара. Растет вывоз пшеницы, опия. Впервые налаживается вывоз джута. Особенно стремительно растет торговля на протяжении восьмилетнего правления Дальхузи, непосредственно предшествовавшего сипайскому восстанию. Импорт английской мануфактуры и пряжи удвоился (1848 г.—3 млн. ф. стерл. и $6\frac{1}{3}$ млн. ф. стерл. в 1856 г.). Экспорт хлопка-сырца вырос в $2\frac{1}{2}$ раза, а экспорт пшеницы—в три раза. Появились первые английские банки. Была закончена проводка 4000 миль телеграфа, усовершенствована почтовая связь, открыта первая железная дорога.

Отсюда и те новые «качества», которые получает политика Ост-Индской компании 1840—1850-х гг. Борьба английского промышленного капитала за овладение аппаратом политического господства над Индией проходит через ряд этапов. Прежде всего устраняется Ост-Индская компания в качестве монопольного посредника между индийским и английским рынками. Уже в 1813 г. отменяется исключительная монополия Ост-Индской компании и разрешается частная торговля английских купцов в Индии. В 1823 г. Ост-Индская компания перестает ввозить английские товары в Индию, а в 1833 г. она вообще перестает заниматься торговлей, становится своеобразным предприятием, управляющим Индией, правда, при тесном контроле со стороны английского парламента и статс-секретаря по делам Индии, в интересах частного обогащения своих пайщиков. Наконец, 1857 г. окончательно превращает Индию в колонию английского промышленного капитала, передает управление ею в общие организации класса английских капиталистов в лице парламента и кабинета министров.

Постепенно подчиняя себе аппарат Ост-Индской компании английский промышленный капитал начинает «делать свою политику в Индии».

Английский промышленный капитал необходимо должен был поставить себе задачу государственного объединения Индии. Сколоченная в единое целое английскими штыками, прорезанная сетью железнодорожных путей, крепко связанная линиями телеграфа, она должна была стать величайшим рынком сбыта, грандиозным источником сырья[1]. Объединительная политика Ост-Индской компании имеет две стороны. Прежде всего исчезает таможенная обособленность различных провинций Британской Индии, ликвидируются как междупровинциальные, так и внутрипровинциальные таможенные барьеры. Решительно ведется курс на уничтожение оставшихся туземных княжеств, присоединение их территории к Британской Индии.

[1] А на последующих этапах и сферой инвестиции капиталов.

Дальхузе — отнюдь не либерал типа Комбена и Брайта, безусловно представлял объективные интересы английского промышленного капитала в деле эксплоатации Индии. Он открыто провозглашает: «Мы должны пользоваться всяким случаем, который нам представляется, чтобы расширить наши территории, захватывая туземные государства, лежащие среди наших владений. Таким образом мы, наконец, избавимся от этих жалких княжеств, причиняющих одни неприятности. Я думаю, никто не станет отрицать, что они — лишь источник нашей слабости; между тем, распространяя всеобщее применение нашей системы, мы не только увеличим доходы казначейства, но обеспечим, как я искренно убежден, интересы самого населения». Дело, конечно, шло не об интересах масс индийского крестьянства, а об интересах колониальных эксплоататоров. Английские колонизаторы периода Дальхузи отнюдь не отказываются от экспроприации старой феодальной верхушки; они не забывают и налогового пресса как мощного орудия экспроприации крестьянских масс; но, в основном, политика аннексий диктуется теперь стремлением открыть новые рынки, захватить именно те куски Индии, где с успехом могут произрастать хлопок и промышленные культуры, нужные английской фабрике. Политика экспансий, временно разрешая вопрос о новых рынках, вместе с тем избавляла Ост-Индскую компанию от необходимости лечить раны, нанесенные хозяйству старых, давно освоенных областей Британской Индии. Присоединение свежих территорий, захват новых княжеств — также отодвигали необходимость восстановления оросительной системы, разваленной английским хозяйничанием на юге Индии и в Индо-Гангской долине. За восьмилетнее правление Дальхузи были захвачены Пенджаб (1849), Бирма (1852), Нагпур (1853), Ауд (1856), Сатара (1848), не считая ряда мелких туземных государств. К Британской Индии было прирезано 150 тыс. кв. миль новых территорий с налоговым доходом 4 330 тыс. ф. стерл. Ост-Индская компания стала хозяином Берара, Нагпура и ряда областей, имевших исключительное значение в развитии хлопководства.

Не стесняясь «святостью договоров», пользуясь всяким удобным случаем для новых захватов, третируя старых раджей и феодалов, как помеху для победоносного движения английской мануфактуры вглубь Индии, Ост-Индская компания твердо шла к поставленной цели[1]. «Если бы не Сипайское восстание», — пишет

---

[1] Историк сипайской войны, Кэй, следующим образом характеризует английскую политику этого периода: «Подчинить непосредственной власти Британского правительства массы индийского крестьянства, устранить посредничество влиятельных групп туземного общества между нашим правительством и его подданными, полностью игнорировать господствующие классы старой Индии — вот, что казалось тогда идеальной системой управления Индией»... «Бесполезность и ничтожность туземных феодалов была аксиомой нашей политики: уничтожение туземной аристократии представлялось величайшим благодеянием, которое британская власть способна принести индийскому народу. Мы не ограничивались присоединением туземных кня

в своих воспоминаниях Джон Лоренс, губернатор Пенджаба и впоследствии вице-король,—«в Индии не осталось бы ни одного раджи и принца». Их место заняли бы новые помещики.

Мы уже подчеркивали, что если в основном эта политика была связана именно с интересами английского промышленного капитала, то она вместе с тем открывала широкое поле непосредственного грабежа для армии и верхушки чиновничества, рекрутируемой из младших сынков английской земельной аристократии и по доброму старому принципу «война питает войну» штопала прорехи бюджета Ост-Индской компании.

Следующие документы наглядно вскрывают мотивы территориальных захватов Дальхузи. Прежде всего приведем объявление в „Calcutta Morning Chronicle" от 12/X—1855 г., вскрывающее ближайшее родство «просвещенного» Дальхузи с грабителями типа Клайва и Гастингса: «Грандиозный аукцион сокровищ и драгоценностей Нагпурского королевства. Ювелирная фирма Гамильтон и К° имеет честь объявить, что по поручению правительства Индии им доверено проведение аукциона всех драгоценностей и сокровищ, поступивших в связи с аннексией Нагпурского королевства»[1].

Но эта же политика отражает интересы промышленного капитала в поисках рынка. В журнале «Calcutta Review» за июнь 1856 г. мы читаем: «Предприимчивый купец, устанавливающий связи с отдельными рынками Индии, способствующий завозу мануфактуры и вывозу хлопка, не будет больше затруднен неприятными придирками со стороны старых феодалов и раджей, ранее мешавших нашему проникновению». Наконец в «Синей книге», сборнике документов, изданном в связи с аннексией княжества Сатары (1-го марта 1849 г.), можно найти докладную записку члена губернаторского совета, Вилогби: «По финансовым соображениям при наличии дефицита в 1.391 тыс. ф. стерл. за период 1843—1846 гг. мы можем только приветствовать обращение в общую казну правительства Индии налоговых доходов княжества Сатары, исчисляемых в 150 тыс. ф. стерл. ежегодно». (стр. 73).

Аграрная политика колониальных хозяев также получает новые оттенки. Если раньше были превращены в помещиков их

...истребление феодалов внутри старых областей Британской Индии... Наиболее важной тенденцией нашей системы явилось уничтожение старых земледержателей-феодалов. Старый феодал, обладатель гигантского поместья, превращался в жалкого мелкого собственника, владельца глиняной хижины на нескольких акрах земли». («History of Sepoy War» Кайе, том I. 1864 г. стр. 154—157). Апологет английского владычества, Кайе, вскрывая противоречие между феодалами и английской системой до 1857 г., полностью игнорирует основной факт, что английская политика не имела опоры в крестьянской массе, что крестьянство уже начало подниматься на борьбу и против нового помещика и против англичан, что, наконец, начатое под феодальным руководством сипайское восстание стало приобретать «новые качества» в ходе борьбы крестьянских масс и городской бедноты против англичан.

[1] Цитируем из «Империя в Азии» В. М. Торренса, стр. 372.

только английские классовые союзники из лагеря торгово-ростовщического капитала, но и довольно многочисленные представители старых феодалов, особенно в северной Индии, то сейчас делается известное ударение на устранение феодальных посредников между английским налоговым аппаратом и индивидуальным крестьянским хозяйством. Эти реформы прокладывают широкую дорогу торгово-ростовщическому капиталу. Создаются условия, которые в максимальной степени облегчают насильственную товаризацию крестьянского хозяйства, подчиняя его торгово-ростовщическому капиталу на основе захвата торговцем и ростовщиком крестьянской земли, на основе мобилизации земельной собственности в руках этих эксплоататорских групп — английской агентуры. Стремясь к превращению основных продуктов индийского сельского хозяйства в товар, стремясь к созданию максимальных связей между Индией и мировым рынком, колониальные хозяева должны были неминуемо превратить и землю в ходкий товар. И политика Дальхузи, которая, с одной стороны, несколько суживает старые права Ост-Индской компании в качестве всеобщего земвевладельца в областях «районтвари», с другой, принимается за выкорчевывание старой поземельной знати во вновь захваченных районах, а также там, где феодалы были уже раньше превращены в помещиков[1]. Мы не будем здесь останавливаться на самых методах этой политики, которая открыто использует суд как орудие классовой аграрной политики английских колонизаторов, которая далее пользуется периодическим пересмотром ставок поземельного налога, чтобы безжалостно вышибать старых феодалов из их насиженных гнезд. «Лишить феодала его поместья почиталось таким же хорошим делом, как застрелить тигра», — указывает крупный английский чиновник, Томасон,—«и это делается с таким же сознанием пользы для всего населения округа, как-будто дело действительно шло об истреблении хищного жестокого зверя»[2].

Здесь важно отметить тот основной факт, что аграрная политика Ост-Индской компании отнюдь не представляла собой политики развязывания производительных сил сельского хозяйства на основе эволюции индийского полукрепостного крестьянина

---

[1] Недурно работала английская классовая юстиция. «Департамент Юстиции делал свое дело как полезный союзник в войне по истреблению феодалов. Немало старых владельцев земли были обобраны до нитки приговорами наших гражданских судов». (Кэй. «History of Sepoy War», стр. 177). Одновременно в казну отбирались церковные земли и земли т. наз. привилегированных владельцев, «инам». Особая комиссия по пересмотру инамов в Бомбее за период 1852—1857 гг. отобрала 21 тыс. из 35 тыс. инамов, т.-е. 60% общего числа инамов.

[2] Наша налоговая система носит разрушительный характер: она стремится придавить все туземное общество, лишить его старых вождей и руководителей, создать однообразную массу крестьянства, над которой господствует непосредственным образом наша бюрократическая система. Thomason «Report» April 15, 1842.

в капиталистического фермера. Политика Дальхузи преследовала не только цели выкорчевывания старых феодальных владельцев, но и цели подчинения крестьянского хозяйства ростовщику и торговцу на основе превращения последних в полуфеодальных помещиков. Политика Дальхузи преследовала отнюдь не крестьянские интересы, а интересы английского промышленного капитала и его агентуры — индийского торгово-ростовщического капитала. И хотя безусловно есть известная количественная разница между механическим закреплением старых феодальных привилегий, между превращением старого феодала в помещика, между подчинением мелкого крестьянского хозяйства колониальной системе при посредстве перевода старого феодального земледержания в категорию частной помещичьей собственности и системой райотвари, никакой качественной, принципиальной, решающей разницы между обеими системами нет. Захват ростовщиком и торговцем крестьянской земли неминуемо возродит полуфеодальные порядки, возродит долговое рабство, создает полурабскую издольщину как основную форму эксплоатации крестьянства помещиком новой формации.

Таким образом, при оценке английской аграрной политики в период, непосредственно предшествующий Сипайскому восстанию, необходимо подчеркнуть, что эта политика велась не в интересах крестьянских масс, что она не имела опоры в индийском крестьянстве, что индийский крестьянин, испытавший все прелести системы райотвари, противопоставленный английскому налоговому аппарату и туземному ростовщическому капиталу, отнюдь не был опорой английского владычества. Как мы увидим ниже, история сипайского восстания показывает, что это основное противоречие между колониальным режимом и крестьянскими массами Индии уже проявило себя в развернувшейся в 1857 г. борьбе, хотя и в незрелой форме. Здесь же пока ограничимся указанием на то, что даже в расцвет верхушечных реформ Дальхузи английские колонизаторы никогда не ставили себе задачи радикальной переделки старого строя, которая вместе с тем закладывала бы предпосылки «американского пути развития» индийского сельского хозяйства, превращения полуфеодального крестьянина в капиталистического фермера.

Английский промышленный капитал был заинтересован в товарном выходе индийского сырья, в превращении индийского крестьянина в покупателя английской мануфактуры; был заинтересован в том, чтобы наибольшая возможная доля ренты, выжатой из крестьянства, попала в государственное казначейство, а не в карманы старого феодала, ставшего помещиком.

Система райотвари безусловно являлась «идеалом» аграрной системы английского промышленного капитала в Индии. Она отдавала в руки английского сборщика налога максимальную долю не только прибавочного, но и необходимого крестьянского продукта; она максимально освобождала крестьянское хозяйство от старых скреп общины и ставила его в прямую зависимость от рынка и господ-

ствующего на нем скупщика и ростовщика; она создавала наиболее благоприятные условия для быстрой мобилизации земельной собственности английской агентурой — индийским торгово-ростовщическим капиталом; она ставила всю систему земельных отношений в наибольшую зависимость от самих колониальных хозяев. И мы не удивимся, если Дальхузи во всех захваченных территориях решительно вводит райотвари, если и в старых районах английского господства, как Соединенные провинции Ауда и Агры, ведется значительная переделка аграрных отношений под углом их приближения к райотвари. Но в то же время мы должны помнить, что старый феодальный, превращен в помещика так же хорошо мог стать английским орудием, как и новый помещик из торговцев, ростовщиков и городских интеллигентов; что сохранение старых феодальных привилегий, долгового рабства всяческих повинностей великолепно могло ужиться с развитием товарности крестьянского хозяйства; что нет никакой непреодолимой пропасти между тем и другим типом эволюции земельных отношений.

Для обоих типов эволюции решающим является подчинение аграрных распорядков потребностям и интересам иностранного капитала, который так или иначе добирается до крестьянского хозяйства при посредстве ли старого феодала, дополненного торговцем и ростовщиком, или же при посредстве торговца и ростовщика, превращенного в помещика. Но вместе с тем не приходится отрицать и того, что система райотвари относительно ускоряла процесс классовой диференциации деревни и, создавая одну образцовую систему аграрных отношений во всей Индии, тем самым ярче противопоставляла эксплоататоров эксплоатируемым, создавала относительно более благоприятные условия для развертывания революционной борьбы крестьянства против помещика-ростовщика и английского колониального режима. Но задача создания аграрных распорядков, «идеально» отвечавших интересам английского промышленного капитала, так же как задача государственного объединения Индии, «идеально» отвечавшего интересам эксплоатации Индии как единого рынка, оказалась не под силу английскому промышленному капиталу даже в тот период, когда Англия выступала в качестве самой передовой капиталистической страны.

Отсюда получается весьма полезный урок о весьма узких пределах, которыми исчерпывается реформаторская роль иностранного капитала по переделке и приспособлению старых феодальных отношений к собственным потребностям и которыми вместе с тем целиком исчерпываются противоречия между колониальными эксплоататорами и феодалами. Решающее значение для превращения вчерашних антагонистов в теснейших союзников, для превращения феодалов и попов в основную опору колониального господства, безусловно имеет развитие основного противоречия между крестьянскими массами и колониальной системой в целом, между индийским крестьянином, с одной стороны, и помещиком-

феодалом, ростовщиком, колониальным государством, с другой. И в ходе Сипайского восстания это противоречие уже даст себя почувствовать колониальным хозяевам, хотя превращение Индии в колонию английского промышленного капитала только начиналось; оно дало себя почувствовать и феодалам, стоявшим во главе крестьянского движения во время Сипайского восстания. Это противоречие положит предел не только нападению Ост-Индской компании на старую феодальную собственность и привилегии, но и выступлению самих феодалов против господства иностранного капитала над Индией.

Ясное дело, что и политика территориальной экспансии и политика известной переделки аграрного строя имели свой смысл лишь в такой мере, в какой сама Индия превращалась в рынок и источник сырья для английской промышленности. Это необходимо требовало не только ее административного объединения, но и создания транспортных возможностей для массовой переброски товаров, постройки железнодорожных путей от портов вглубь страны, к хлопковым и пшеничным районам. Дальхузи выступает инициатором широчайшего развертывания железнодорожного строительства, разумеется, не в интересах развития в Индии своего капитализма, а в целях ее эксплоатации, как аграрно-сырьевого придатка английской промышленности [1].

Вот что писал Дальхузи в докладной записке Совету директоров в Англию:

Экономические и социальные выгоды, которые Индия приобретет от постройки железных дорог, невозможно даже предусмотреть, настолько они велики. Обширные районы обладают небывалой продукцией, которая однако гниет в силу недостатка хлопка, который Индия уже производит в известном количестве и могла бы производить в количестве, вполне достаточном для английских нужд, если бы только нам удалось наладить транспорт хлопка из отдаленных районов к основным портам, приспособленным для разгрузки и нагрузки морских судов. Увеличение транспортных возможностей неминуемо влечет за собой возрастающий спрос на товары европейского производства в самых отдаленных частях страны. Корабли всех частей земли притекут в наши порты в поисках сырья, которое мы имеем, или которое мы сможем получить из внутренних частей Индии. Для английской предприимчивости открывается новый грандиозный рынок. Даже самый умный и предусмотрительный из людей не смо-

[1] «Вряд ли есть другая причина, от которой так сильно зависит распространение манчестерских товаров, как развитие путей сообщения в Индии. Только вдоль лучших дорог и путей сумели наши английские товары завоевать себе рынок, и можно сказать, что промышленные районы Англии лично и непосредственно заинтересованы в развитии водных и ж.-д. путей Индии». Bell Smith. «Синяя книга» 1862 г. Отчет об экономическом положении северо-зап. провинций (East India. Papers), стр. 15.

жет предусмотреть все значение будущих связей, весь размах и объем будущей торговли между Индией и Англией».

Нельзя с большей откровенностью выразить содержание нового этапа колониальной эксплоатации. Оценку этому этапу дает Маркс в своем 3-ем письме об Индии: Господствующие классы Великобритании до сих пор были заинтересованы в успехах Индии лишь от случая к случаю, мимоходом и в виде исключения. Аристократия хотела ее завоевать, плутократия — ограбить, а крупные капиталисты подчинить себе. Но теперь страница перевернута. Крупные капиталисты обнаружили, что превращение Индии в производящую страну приобрело для них жизненное значение, и что поэтому необходимо прежде всего снабдить ее средствами для устройства искусственного орошения и проведения внутренних путей сообщения. В настоящее время они намереваются покрыть всю Индию сетью железных дорог. И они это сделают. Последствия этого будут громадны»[1].

И тот же Маркс пророчески указал, что, введя механический двигатель для обслуживания транспорта, провести железные дороги для обслуживания собственных интересов, английские капиталисты создают тем самым условия для применения механических двигателей и в других отраслях производства, т. е. для развития промышленности, какой бы уродливый характер это развитие ни приняло при наличии тормозов со стороны английских колониальных монополистов. «Раз в транспорте какой-либо страны, обладающей железом и углем, стали применяться машины, то такую страну невозможно удержать от изготовления машин на месте. В стране таких колоссальных размеров нельзя содержать железнодорожную сеть, не создавая одновременно все те виды промышленности, которые необходимы для непосредственных и текущих нужд железнодорожной сети. А это повлечет за собой применение машин в тех отраслях промышленности, которые и не связаны непосредственно с железной дорогой. Таким образом, железнодорожная сеть в Индии станет фактически предтечей современной промышленности»[2].

Пророческие слова Маркса оправдались. В Индии создалась крупная фабричная промышленность, а с ней вместе и пролетариат, верный могильщик колониально-феодального, а затем и всего капиталистического режима, руководитель борьбы многомиллионных крестьянских масс.

Понятно, что английский промышленный капитал должен был поставить также вопрос о внедрении некоторых начатков европейского образования в Индии, прежде всего для обслуживания собственных потребностей в сравнительно квалифицированном чиновничестве, а также в необходимой ему интеллигентской прослойке.

---

[1] «Маркс и Энгельс об Индии». Стр. 32.
[2] Маркс 2-е письмо об Индии, стр. 34.

Уже в 1833 г. Маколей провозглашает, что вся старая индийская наука и литература не стоят одной полки английских книг. Берется решительный курс на перевод всего высшего и отчасти среднего образования на английский язык. Самая система образования складывается как прямой придаток колониальной системы, приобретает характер искусственной пересадки английского классического образования, основанного на старых латинских и греческих образцах, на индийскую почву. Прямо содействуя безграмотности масс, колониальные хозяева одновременно насаждают высшее образование на иностранном языке, с гуманитарно-классическим уклоном, почти целиком вытравляя технику и естественные науки, отрывая туземную интеллигенцию от народных масс. Впоследствии один из талантливейших английских реакционеров, сэр Валентайн Чироль, желая дать среднему англичанину представление о той системе образования, которую насаждало британское правительство в Индии, предлагал вообразить, что Англия завоевана китайцами, и для всех англичан, желающих получить доступ в университет, введен обязательный экзамен на китайском языке на ту или другую степень мандарината.

В этот период известных бюрократических реформ английские колонизаторы в области идеологии и быта противопоставляют свою буржуазную мораль, свою буржуазную идеологию всему комплексу идей, воспитанному в Индии тысячелетним господством каст и феодализма. Эти реформы не идут далеко. Они в такой же мере отличаются от буржуазной революции в области культуры и быта, как английская аграрная политика отличается от революционного выкорчевывания феодальных остатков. Но все же здесь необходимо констатировать определенную разницу с периодом господства над Индией Ост-Индской компании. Тогда христианнейшие чиновники и агенты Ост-Индской компании запрещали въезд миссионерам в Индию, боясь испортить отношения с индийским населением; тогда Ост-Индская компания получала свою долю дохода с каждого жертвоприношения в индусском «языческом» храме, с каждого религиозного праздника, с каждой рупии, заработанной храмовыми баядерками. Дело доходило до того, что английские чиновники в полной форме присутствовали на важнейших мусульманских и индусских праздниках, а английские законы и полицейский аппарат стояли на-страже того, чтобы христиане-туземцы (такие есть в Индии, главным образом, несторианского толка, занесенного в Индию задолго до английского прихода) в знак особого унижения впрягались в колесницу Джаггернаута, о чем не без иронии рассказывает в своих «Азиатских Студиях» Альфред Лайель. Наоборот, в период краткого десятилетия, предшествовавшего Сипайской войне, устанавливается единое здание суда для всех индийцев без различия каст, отменяются отдельные места заключения для различных каст.

Дело не ограничивается отменой кастовых привилегий в английской тюрьме и перед полицейской палкой, стоящей на-страже

английского закона. Разрабатывается законопроект, разрешающий индийским вдовам вторичное вступление в брак вопреки религиозному запрету индуизма. Английский суд далее декретирует, что перемена религии не лишает индуса или мусульманина права наследования в отношении его правоверных родителей или родственников. Еще в 1830 г. вводится запрет сожжения вдов (сутти), в 1840 г. декретируется отмена рабства в британских провинциях Индии.

Следует иметь в виду, что эти отдельные буржуазные реформы пошли на смарку после общего компромисса колониального правительства с феодалами после подавления Сипайского восстания. И если Дальхузи ставил в 1850 г. вопрос о введении гражданского брака, то в настоящее время английский закон отрицает правовой характер брака между лицами различных религий в Индии. Английские колонизаторы фактически запрещают браки между членами различных религий. И если Дальхузи сделал кое-что по реформированию быта, и в частности кастовых различий, то в настоящее время империалистическое законодательство и полицейская палка стоят на-страже неприкосновенности каст, подвергают уголовной каре парию, который за 30 шагов не свернет с дороги, чтобы очистить путь жрецу-брахману или члену высшей касты. Если Дальхузи с нескрываемым пренебрежением третировал туземных попов и считал, что ничто не может быть лучше христианской церкви и попов, а посему довольно бесцеремонно отнимал в английскую казну мусульманские вакуфы и индусские храмовые земли, то в настоящее время «доброе» империалистическое правительство не ограничивается покровительством только христианскому поповству, но одинаково щедро одаряет землями и доходами индусских, мусульманских и буддистских попов.

Грабительская Ост-Индская компания вовсе не заботилась о быте и просвещении населения. Лишая феодала или храм части и притом значительной части дохода, она оставляла им в неприкосновенности остальную. Английский промышленный капитал более основательно взялся за экспроприацию старых феодалов, поставив в порядок дня бюрократическую переделку туземного общества, при чем лимиты и характер этой переделки определялись установкой—создать в Индии условия, максимально облегчавшие ее эксплоатацию промышленной Англией. Первая же серьезная проба классовых сил выявляет верхушечный характер этих потуг к реформам, ограничивает их общим компромиссом с феодалами и феодальными остатками после 1857 года.

Бытовые и идеологические реформы, как и экспроприация старых феодалов с последующей заменой их помещиком новой формации, не затрагивали решающих интересов колониального режима и его основной функции—эксплоатации трудящихся масс Индии. Наоборот, Сипайское восстание показало, что все попытки создать «идеальную систему», полностью и целиком отвечавшую запросам

английского промышленного капитала, попытки рационализировать колониальную эксплоатацию, перестроить ее, исходя из абстрактной всеобъемлющей схемы, неминуемо должны были поссорить Ост-Индскую компанию с попами и феодалами в период, когда уже начала подниматься мужицкая стихия, когда атаки Дальгузи на феодальную собственность раджей и храмов могли стать хорошим примером для революционной атаки крестьянства и на помещичью собственность и на весь колониальный режим.

Красивые схемы бюрократических реформ быстро уступали место практической потребности в создании единого фронта феодалов, попов и иностранного капитала против крестьянских и ремесленных масс Индии.

Самый характер настоящей работы исключает возможность более углубленного подхода к движущим классовым силам великого Сипайского восстания. На событиях 1857 г. мы остановимся лишь в такой мере, какая позволит выяснить причины и характер компромисса, или, вернее, союза между английскими колониальными хозяевами и феодалами, какая вместе с тем позволит установить характер крестьянских движений этого периода, ибо они не заглохнут и дадут в период 1860—1880 гг. основной классовый фон национальному движению индийской буржуазии, которая в лице своих национальных конгрессов будет самоопределяться не только в отношении колониального режима, но также и против собственного пролетариата и крестьянства.

При определении характера классовой борьбы необходимо иметь в виду, что экономический строй тех или других районов Индии далеко не в одинаковой степени был задет английской колониальной политикой. Необходимо также учесть, что при отсутствии развитых путей сообщения, индийский полуконтинент представлял в этот период ряд обособленных районов, по-разному испытавших на себе внедрение колониальных паразитов и по-разному реагировавших на это внедрение. И это прежде всего сказалось на степени зрелости крестьянского движения. В Бенгалии, а также в районах индиговых плантаций Бихара и Бенгала крестьянство уже начинает подниматься на борьбу против насаженного англичанами заминдара, а также против ростовщика и английского сборщика налогов. В этих районах давно исчезла память о старых феодалах до-английской формации. Их влияние на крестьянство относительно слабо, и поповское реакционное руководство крестьянством здесь почти отсутствует.

Другую картину мы найдем на юге Индии и в северо-западной части Индо-Гангской равнины, а также в Пенджабе.

Среднее течение Ганга и в частности нынешние соединенные провинции Ауда и Агры были центром движения. Борьба за Дели и за Лукноу была решающей для всего исхода восстания. Но именно в этих районах мы находим другую расстановку классовых сил. Здесь не только не закончилась экспроприация старых феодалов в пользу нового помещичьего землевла-

дения, но она во многих случаях только начиналась. В частности, это касается королевства Ауда, аннексированного буквально накануне восстания, где многочисленные владетельные феодалы, экспроприированные жесткой работой английских налоговых чиновников, оказались во главе движения крестьянских масс, а также движения городской бедноты, по крайней мере, на первых этапах восстания. Здесь мы имеем на первых порах единый фронт старой феодальной аристократии и поповства вместе с крестьянством и городской беднотой, городскими кустарями и ремесленниками как против нового помещика, посаженного англичанами, так и против английского господства. Этот антианглийский фронт конечно не мог быть прочным в силу различных интересов составляющих его классов. В общем крестьянские массы северной Индии, кроме Пенджаба, если не везде поддержали восстание открытой борьбой, то во всяком случае сочувствовали ему, оказывали ему посильную поддержку, переходили в отдельных районах к методам партизанской войны[1].

Выдержка из прокламаций, распространявшихся повстанцами, дает общее представление о внешне религиозной идеологии движения: «Братья, индусы и мусульмане,—восстаньте! Лучший из даров бога—свобода. Удастся ли демонам-угнетателям навсегда лишить нас этого права? Кроме того, угнетатели стремятся осквернить вашу религию. Останетесь ли вы теперь бездельными и смиренными? Бог не желает вашего смирения перед английскими угнетателями. Разве он не вдохнул одинаково в сердца индусов и мусульман горячего желания изгнать англичан из пределов нашей родины? Все, кто поднимут меч в этой священной войне в защиту религии, да прославятся, и на них пребудет благословение божье»[2].

[1] Маркс в своей статье в «New York Tribune» от 29/VIII 1857 г. определенно указывает: «Трудности английского транспорта и поддержания коммуникационных линий не свидетельствуют о добрых чувствах индийского крестьянства» (к англичанам). Приводим показания английского очевидца: «Это больше, чем военный бунт; с самого начала восстание все более принимало характер восстания,—восстания, в которое были втянуты громадные массы, а не только сипайские войска; борьба же британского правительства никогда не ограничивалась задачей подавления мятежных сипаев; и тем менее она ограничивается этой задачей сейчас (после взятия англичанами Дэли и Лукнова. И. Р.). «Не успели мы разгромить врага, отнять у него пушки, как он снова готов к борьбе; едва успеем освободить один город, подать помощь второму, как опасность неожиданно появляется в третьем месте; только закончим подчинение одного района, как волнения вспыхивают в соседнем; только установим безопасность сообщения между важными стратегическими пунктами, как дороги снова становятся недоступными; только уничтожим крупный отряд бунтовщиков и повстанцев, как они появляются снова, с удвоенными и утроенными силами» Aldr. Duff. Письма об индийском восстании. (Цитир. по хрестоматии Anderson «Expansion of British India» стр. 182). Об этом же можно найти обширный материал у Roberts, «Forty one year in India», L. Trotter «History of India», vol. II.

[2] Цитирую по конфискованной в Индии книге «Indian War of Independence». By V. Savarkar стр. 4 и 10.

Являясь еще классом феодального общества, едва затронутого капиталистическим влиянием, крестьянство северной Индии поднялось на борьбу против ненавистного колониального режима, воплощенного в английском чиновнике, новом помещике-торговце, скупщике и ростовщике. Лозунгами движения становятся лозунги возврата к старине, защиты религии против надвигающейся «христианской капиталистической культуры». Но в то же время нельзя преуменьшать или замазывать противоречия между крестьянством и его собственными феодалами. Английское проникновение даже там, где оно еще не привело к окончательному захвату того или другого феодального княжества, везде усиливало феодальный нажим на крестьянство, везде увеличивало тяготы и повинности, налагаемые князьями и феодалами на плечи индийского крестьянина. Феодал был вынужден против воли делиться значительной долей дохода с английскими колониальными хозяевами. Но он всегда стремился вознаградить себя, увеличивая нажим на крестьянство. И если крестьянство на первых порах встало под знамена феодально-поповской реакции, то оно в лозунг восстановления старых порядков вкладывало содержание, отличное от того, которое предлагалось феодально-поповским руководством. Под этим возвратом оно понимало восстановление патриархальных порядков, когда феодального гнета или совсем не было, или он был легче. При дальнейшей затяжке борьбы, при наличии относительно более зрелых крестьянских движений Бенгалии и Бихара, наконец, при наличии руководства крестьянским движением со стороны других классов, толкавших эту борьбу вперед, безусловно была возможность перехода движения на высшую ступень и в Ауде и в Агре.

Были ли другие классы, заинтересованные в углублении крестьянской борьбы? Безусловно были. Если новые помещики и узкая прослойка компрадорской буржуазии в портах находились вместе с европеизированной интеллигенцией всецело на английской стороне, то именно в городских центрах северной Индии имелись значительные группы мелкой городской буржуазии и предпролетариата, принявшие самое широкое участие в восстании, однако не выступившие основной его движущей силой[1]. Городские ремесленники и кустари достаточно пострадали от конкуренции английских фабричных товаров и мануфактуры и испытали на собственном разорении последствия колониального порабощения Индии. Городская мелкая буржуазия, городской предпролетариат были душой отчаянной борьбы в Лакхнау, Дели, Канпуре и отстаивали эти города против английских батальонов в ожесточенных баррикадных боях, которые Маркс сравнивал с баррикадными боями 1848 года в Европе. Именно городская мелкая буржуазия, городские ремесленники и кустари были не-

[1] О Дели интересный материал есть у F. de Lanoye, L'Inde Contemporaine. Paris, 1858, p. 552.

посредственно задеты внедрением в Индию фабричных товаров, поскольку в 1850—1860 гг. атака Ланкашира развивалась главным образом на городских рынках Индии и вдоль основных артерий сообщения, какими в тот период прежде всего являлись водные пути и в частности могучий судоходный Ганг.

В решающих городских центрах обороны—в Дэли и Лукнове дело дошло до открытого разрыва между феодально-поповским руководством и этой массой городской и ремесленной бедноты, выделивших своих вождей, которые стояли за борьбу с англичанами не на жизнь, а на смерть, в то время как феодально-поповское руководство стремилось к компромиссу. Эта тенденция усиливалась по мере дальнейшего втягивания крестьянства в борьбу, по мере назревания разрыва феодалов с ремесленными массами.

И в Дэли, и в Лукнове, правда, только к концу кровопролитной осады этих городов англичанами, руководство частично перешло к вождям, выдвинутым в ходе восстания из рядов ремесленников и мелкой буржуазии. Характер требований, предъявленных мелко-буржуазным руководством, самый характер столкновений этого руководства с поповско-феодальными вождями, все эти вопросы, имеющие глубочайшее значение для выявления движущих классовых сил восстания, невозможно выяснить на основании скудных, недостаточных материалов, сосредоточенных в книгохранилищах СССР.

Но если в городах развитие классовой борьбы внутри повстанческого лагеря привело к определенному размежеванию между феодалами и городской мелкой буржуазией, то, насколько нам известно из источников,—крестьянские массы северной Индии так и не сумели вырваться из-под влияния феодалов, мусульманских и индусских попов, всего социального хлама феодальной Индии, вынесенного на гребне массового движения.

Если в Бенгале, в плантационных районах Бихара и Ориссы, в районах сахарных плантаций Соединенных провинций, т. е. там, где проникновение капитализма достаточно глубоко обнажило классовое противоречие между массами крестьянства, с одной стороны, новым помещиком и английским колониальным режимом, с другой,—движение переросло в крестьянскую войну, то нельзя распространять эту характеристику на все восстание в целом, а тем более на его решающие районы в северной Индии[1]. Здесь крестьянство сплошь и рядом выступало против нового помещика,

---

[1] [illegible] Soc. War, том II, стр. 279. [illegible] Крестьянство так сильно пострадало в Бенгалии от новых [illegible] [illegible] в районах индиговых плантаций во время восстания [illegible] дают «Синяя Книга»—«Indigo in Bengal» East India Paper 1891 г., стр. 82—[illegible].

и под руководством[1] старого феодала. Победа повстанцев закончилась не только временным уничтожением новых помещиков, но также реставрацией старых феодалов в их насиженных гнездах[2]. Именно такой незрелый, несамостоятельный характер крестьянских выступлений является типичным для крестьянских движений этого периода. Восстание охватило именно северную Индию, где его предпосылкой было недовольство не только крестьянских масс, но и лишенных жирных вакуфных и храмовых доходов феодалов и попов, у которых проникновение европейского образования к тому же грозило отнять их старые монополии в области просвещения и суда.

Крестьянство областей райотвари осталось в основном пассивным. Здесь, очевидно, сказалось снижение поземельного налога, проведенное в 1852 г., а также отмена полукрепостной зависимости крестьянства в отношении колониального государства. С 1852 г. держатели наделов впервые получили право самим выбирать ассортимент земли в своем участке (например, отказаться сохранить поливную); а вскоре затем английский закон провозгласил, что согласно системе райотвари, всякий зарегистрированный владелец участка (патта) признается собственником, который вправе сдать свою собственность в аренду, подарить, заложить или продать ее („Settlement Manuel“, стр. 3). Ослабление непосредственного налогового нажима Ост-Индской компании на крестьянство, дальнейшее развитие частной собственности на землю, создавшее перспективы для быстрого освоения крестьянской земли торговцем и ростовщиком, воспринималось крестьянством на первых порах как некоторое облегчение. И в период Сипайского восстания, когда захват крестьянской земли новым помещиком из торговцев и ростовщиков был скорее перспективой, чем совершившимся фактом, крестьянство южной Индии не пошло за феодально-поповским руководством и осталось в громадной своей массе пассивным зрителем происходившей борьбы.

---

[1] Большой фактический материал у корреспондента «Times»—William Russel «My Diary in India 1858-59», London. 1860, p. 244—274.

[2] В результате восстания, изгнавшего и истребившего новых помещиков, владевших бывшими поместьями, на свои насиженные места вернулись старые представители поземельной знати [illegible] стр. [illegible]. А вот свидетельство очевидца: «Во время восстания в Буданне старые владельцы [illegible] возможности, чтобы истребить и изгнать купцов и ростовщиков, и вернулись в свои наследственные имения» [illegible] стр. 257, т. II. [illegible] вернуть свои утраченные поместья [illegible]. На это же указывает и [illegible] p. [illegible] «В районе английского восстания [illegible] во многих случаях замечалось, что изгнанные землевладельцы снова вступали во владение своими поместьями, и их бывшие крестьяне не только не [illegible], но активно поддерживали их против новых помещиков».

Если колониальные хозяева имели относительно спокойный тыл в южной Индии, где не только не поднялись крестьянские массы, но где англичанам удалось удержать на своей стороне наемные сипайские войска, то еще более благоприятное положение сложилось в Пенджабе. Пенджаб стал опорной точкой английских операций, направленных против центра восстания — против Дэли. Никольсону и Джону Лоренсу удалось сформировать многочисленные туземные отряды из сикхских крестьян, сыгравших значительную роль в быстрой изоляции, а потом и взятии Дэли. Нетрудно выяснить причины, обусловившие спокойствие Пенджаба в целом, готовность известной части крестьянства, главным образом сикхского, бороться под знаменами Ост-Индской компании против феодалов в лице Бахадур-Шаха, восстановленного было на призрачном троне Великих Моголов в Дэли.

Английская политика в Пенджабе прошла со времени оккупации этой провинции в 1845 г. через ряд зигзагов. Первая англо-сикхская война 1845 г. была по сути дела не чем иным, как английской интервенцией, состоявшейся по приглашению пенджабских феодалов-сердаров, противостоявших взбунтовавшейся сикхской армии и неспокойным массам крестьянства. Дело дошло здесь до образования солдатских советов, и английский генерал-губернатор Гардинг в панике указывал на ту возможность, что «ужасный пример демократической революции в Пенджабе сможет перекинуться на провинции Британской Индии». К взаимному удовлетворению английских интервентов и пенджабских феодалов была спровоцирована англо-сикхская война 1845 г., в которой сикхская армия, проданная своими феодальными вождями, была, несмотря на ряд побед и героическую борьбу, в конце концов разгромлена при Собрауне. Английская политика первоначально строилась в Пенджабе на поддержке феодалов против крестьянства, на реставрации сердаров-феодалов в их старых земледержаниях, на теснейшем сотрудничестве с феодальной верхушкой. Разразилось еще одно грандиозное восстание 1849 г., после чего лорд Дельхузи воскликнул: «Сердары и аристократия на нашей стороне, но к чему нам их импотентная поддержка?».

Подавив вооруженной силой массовое восстание 1849 г., колониальные хозяева трезво учли реальное соотношение сил и были вынуждены пойти на известные уступки в отношении крестьянства. Английская земельная политика взяла за основу податного обложения не феодальное имение, а крестьянскую общину. В отличие от системы райотвари, в Пенджабе поземельной общине были оставлены выгоны, пустоши и луга, а сама она была сохранена в качестве фискальной единицы. Было сохранено и общинное самоуправление. И поскольку Пенджаб составлял крайний северо-западный угол британских владений, поскольку он являлся трамплином дальнейшей английской экспансии в Афганистане, поскольку над северо-западной границей Индии уже нависла тень, отбрасываемая царской политикой захватов в Ср. Азии, постольку Ост-Индская

компания была заинтересована в том, чтобы сразу не слишком обострять отношения с крестьянством Пенджаба. Налоговый нажим здесь на первых порах изымал лишь 10-15% валовой продукции крестьянского поля, в то время как в областях райотвари, как мы помним, брали половину, а то и $^{3}/_{4}$ крестьянского урожая. И сикхскому крестьянству, воспитанному в революционных традициях старой ненависти к мусульманским ханам и индусским раджам, (наследие войн XVIII столетия), реставрация Великих Моголов и феодальное руководство Сипайского движения представлялись гораздо большим злом, чем господство Ост-Индской компании. Пенджаб стал опорным пунктом английских операций против Дэли. Из Пенджаба удалось стянуть все английские войска для борьбы с восстанием. Наконец, как мы указывали, удалось сформировать значительные контингенты туземных войск в Пенджабе, которые оказали не малую помощь.

Антагонизм между Ост-Индской компанией и феодалами и попами возник по шкурному вопросу о землевладении и ренте. Только ожесточенная экспроприация феодальных и храмовых земель и проводимая на протяжении правления Дальхузи последовательная политика аннексий, только крепнущее убеждение, что англичане, пользуясь своим налоговым аппаратом, гражданским судом и вооруженной силой, стремятся к экспроприации старых феодалов на всем протяжении Индии, могло толкнуть силы туземной реакции на открытую борьбу. Английская политика накануне восстания 1857 года действительно «зарвалась», действовала вне учета реальных классовых сил. Имея против себя крестьянство, она одновременно обострила отношения с феодально-поповской Индией. Если раньше Ост-Индская компания всегда опиралась на одних феодальных князей против других, балансируя между наиболее крупными государствами феодальной Индии, разжигая и используя разделяющие их противоречия к собственной выгоде, то к 1850 г. положение резко изменилось.

Ост-Индская компания уже одна выступает верховной силой и ведет политику, которая неминуемо должна была сгладить расовые и религиозные антагонизмы между отдельными феодалами, объединяя их на общей почве защиты своих владений и доходов. Кратковременный разрыв между колониальным режимом и феодалами падает однако на тот исторический период, когда в большей или меньшей степени для различных районов Индии обнаруживается основное противоречие как между крестьянством и собственными феодалами, так и между крестьянством и колониальным режимом. Это революционный момент, который в конечном счете определяет неизбежное объединение феодалов и иностранного капитала против крестьянства. Но эта перегруппировка, точнее, переход феодалов на английскую сторону, происходит уже во время самого восстания, или непосредственно после него.

Вот как рисуются правительству Гвалиорского княжества причины восстания. Мы приводим здесь докладную записку Гвали-

орского дурбара имя лорда Каннига от 10 февраля 1857 года.

«Основные причины восстания заключаются, по нашему мнению, в следующем: 1) уничтожение туземных государств и английская политика аннексий; 2) подавление вождей и глав туземного общества, низведение их на положение простых подданных; 3) конфискация или замена пожизненным владением наследственной свободной от налога собственности вождей и феодалов; отказ английского правительства признавать привилегии, связанные с землевладением, или облегчить налоговое обложение на землях вождей и принцев; 4) продажа помещичьих земель по приговорам гражданских судов в случае неуплаты поземельного налога; 5) отказ английского правительства подтвердить жалованные земли или почести за услуги, оказанные старым туземным государям; 6) отсутствие личного контакта между английскими чиновниками и главами туземного общества; презрительное и высокомерное отношение к ним со стороны некоторых английских чиновников»[1].

Смещенные князья боролись за возвращение своих княжеств, феодалы—за реставрацию своих поместий, попы—за утерянные доходы, за утраченную монополию просвещения и суда. Таковы были причины их враждебного отношения к колониальному правительству. Феодалы не могли быть сколько-нибудь успешными организаторами массового движения прежде всего потому, что движение ремесленников и самого крестьянства шло дальше, чем того хотелось бы феодальной верхушке, выходило из-под ее контроля, отнюдь не ограничивалось программой реставрации феодальной собственности. Отсюда нерешительность, колебания, готовность к компромиссу феодальной верхушки, стремление пойти на сделку с англичанами при первом же заверении со стороны вице-короля об отказе от дальнейших захватов туземных княжеств, от дальнейшей экспроприации феодалов. И английское правительство с самого начала дало такие заверения ряду туземных князей и сумело перетянуть их на свою сторону.

Вице-король Канниг рассказывает в своих воспоминаниях: «Как только я обещал князю Гвалиора, что ему будет разрешено передать трон приемному сыну, и его княжество, несмотря на отсутствие прямых наследников, все же не будет присоединено к английской территории, он расплакался, как дитя, и выразил готовность помочь всеми силами и ресурсами против бунтовщиков».

В этом же порядке англичане сразу привлекли на свою сторону князей Нахбы, Патиалы, Джинда, Карпуталы, использовали многочисленный контингент махараджи Непальского и т. д.[2] С [illegible]

---

[1] Синяя книга. East India Papers. Honours and rewards bestowed on native princes of India after the mutiny. Остатки феодальной аристократии были лишены своих барских владений, и [illegible] было [illegible] (Стр. [illegible]).

Меморандум [illegible] Совету директоров Ост-Инд. [illegible] 18 августа 1854 г.

[2] [illegible] были Рева, Рампур, Гвалиор, Индор, Барода [illegible] и др. раджпутских князей.

мого начала единый фронт феодальной Индии против английского господства был разбит. Английские политики вовсе не собирались жертвовать европейскими войсками во имя проведения схемы Дальхузи и с первых дней восстания пошли на широкий компромисс с рядом феодальных князей. Из тактического приема это стало общей линией политики. Крестьянские восстания в Бенгалии и Бихаре, ряд вспышек в южной Индии ясно показали отсутствие или слабость классовой опоры у колониального режима, выявили необходимость прочного союза с феодалами против крестьянства, о чем давно предупреждали не только дальновидные чиновники, в роде Слимана и Генри Лоренса, но и влиятельнейшие либералы и в частности Кобден.

В самом ходе восстания феодалы и попы обнаружили полное отсутствие единства. Каждый из князей стремился отхватить определенный кусок территории, подчинить его себе, обособить от остальной Индии. Великолепные сипайские батальоны, получившие от англичан не только превосходную артиллерию, мушкеты Минье и ружье Энфильда, но и хорошую военную муштру, были раздерганы феодально-поповским руководством на отдельные части, прикреплены к тем или другим объектам пассивной обороны[1]. В начале восстания, когда на пространстве почти 600 миль от Мирута до Калькутты повстанцы располагали 50 тысячами штыков против четырех английских полков, и не было никаких стратегических препятствий победоносному движению на Калькутту, сипайские армии ограничивались пассивным стоянием под стенами Дели и Канпура. Английское командование получило возможность накапливать войска в Калькутте, откуда еще так недавно члены вице-королевского совета, опасаясь восстания в самом городе, бежали в нижнем белье на английские корабли. Сипайская армия была раздергана на части и разбита по частям; борьба вылилась в ряд разрозненных военных конфликтов, и только к концу ее под руководством Тантиа-Топи начали было складываться новые методы повстанческой борьбы, нового командования.

Солдатские бунты в туземных войсках Ост-Индской компании имели крупное значение в событиях 1857 года. Туземная наемная армия, которая до этого времени была надежным оружием в руках английских колонизаторов, неожиданно обратилась против них[2]. Надо иметь в виду, что к 1857 году в Индии насчитывалось 257 тыс. туземных войск и только 36 тыс. европейских.

[1] «Очевидно, среди повстанцев не было даже сколько-нибудь понятия установленного единого командования; местные вожди имеют власть только над собственными людьми и не признают ничьего авторитета над собой». Маркс. [illegible] 1857 года.

В одном только арсенале Дели повстанцы захватили [illegible] свыше 1 500 орудий, громадные запасы оружия и снаряжения.

[2] В связи с этим Маркс отмечал (статья в «New York Tribune» 16 сентября 1857 года): «Первый удар французской абсолютной монархии был нанесен не крестьянством, а знатью. Индийское восстание было начато не крестьян-

Туземная армия имела свою артиллерию, имела и командиров, стоявших во главе отдельных частей. В основном, на сторону восстания перешла только бенгальская армия, рекрутируемая главным образом из привилегированных каст индийского общества, достаточно близко связанных с феодально-поповской реакцией. Кроме общих с феодалами причин недовольства, у армии имелись еще свои особые счеты с Ост-Индской компанией[1]. В 1857 году захват Индии был в основном закончен. Туземная армия была переведена с военного положения на мирное, лишена добавочной платы, лишена своей доли в трофеях и грабеже. Вместе с тем были отменены многочисленные привилегии, которыми раньше пользовались сипаи, как по обложению их земель, так и перед английским судом. Английское командование взяло резкий курс на замену туземного командного состава европейским.

Многочисленные военные бунты в период 1840 и 1850-х гг. были достаточно ярким показателем настроения туземных войск. Таким образом, грандиозный солдатский бунт в соединении с движением масс крестьянства и ремесленников под руководством феодалов дает пеструю картину разнородных элементов восстания 1857 г.

Неслыханное кровавое подавление восстания с массовыми расстрелами привязанных к жерлам пушек повстанцев, истреблением целых деревень военно-полевыми судами было увенчано компромиссом, ставшим базой тесного союза между колониальным режимом и феодально-поповской реакцией[2]. Оставшимся княжествам было гарантировано обеспеченное существование под британской защитой[3].

ство, измученным, обесчещенным и ограбленным до нитки англичанами, а сипаями, одетыми, упитанными, взлелеянными, поддерживаемыми и осыпанными милостями тех же англичан».

[1] Другим фактором, безусловно содействовавшим быстрому распространению восстания, — писал Маркс («New York Tribune» 13 августа 1857 г.) — был своеобразный состав бенгальской армии. В армиях Бомбея и Мадраса в войска набираются рекруты каких угодно каст и вероучений: сикхи, индусы высших каст, индусы низших каст, люди вовсе потерявшие касту. Бенгальская же армия состоит почти исключительно из браминов (члены жреческой касты. — Н. Р.), людей одной касты, и к тому же касты, в рамках которой можно предполагать величайшее влияние религиозных предрассудков, образующих звено взаимного сочувствия и единства, неизвестное в армиях остальных двух Президентств.

[2] «Старая доктрина Дальхузи целиком отпала. Новая система, рожденная в буре сипайского мятежа, заменила старую. Благодарное признание лойяльных услуг, оказанных многими принцами, дало растущую силу убеждению в полезности и необходимости сохранения туземных государств, как опоры английского владычества» L. Trotter. A History of India, II, стр. 116.

[3] О внутренних распорядках в княжествах, о том, как живется крестьянам и ремесленникам под гнетом азиатской деспотии, подпертой английским штыком, дает некоторое представление книга индийского национал-реформиста Чудгара (есть русский перевод, изд. ОГИЗ, 1931 г.) в особенности главы о рабстве и принудительном труде. Достаточно сказать, что в княжествах до настоящего времени насчитывается несколько миллионов рабов, что там издаются законы, регулирующие рабство, выдачу рабов и т. д.

Уже королевская прокламация, изданная в связи с ликвидацией Ост-Индской компании, содержит следующие гарантии в отношении принцев и феодалов: «Мы будем свято уважать права, честь и достоинство туземных принцев, мы не желаем дальнейшего расширения нашей территории... мы осведомлены об особой привязанности, с которой индийцы рассматривают наследственную земельную собственность, и наше твердое желание—предоставить защиту всем правам, связанным с земельной собственностью, при условии уплаты государству должных ему налогов. Вообще же, издавая и применяя законы, мы намерены относиться с должным вниманием к древним правам, порядкам и обычаям Индии».

Деспотическая власть князей, превращенных в орудие английской политики, сохранилась на протяжении почти четверти Индии (563 княжества с территорией 538 тыс. кв. миль); под их властью осталось 70 млн. душ. Тем самым было консервировано долговое рабство и принудительный труд в туземной Индии, сохранен весь строй отношений феодальных княжеств.

Крупные феодалы-талюкдары Ауда получили обратно свои наследственные владения, отнятые было у них при Дальхузи.

«Налоговая сделка» в Ауде была заключена теперь именно с крупными феодалами при уничтожении всех средних и низовых звеньев феодальной иерархии. Таким образом, преобладающим в Ауде является крупнейшее поместье. Около 300 владельцев сосредоточивают в своих руках $^2/_3$ всей провинции. Пережитки феодализма дают себя чувствовать не только в бесчисленных повинностях, которыми обременены арендаторы, но и в том, что «талюкдары» до сих пор получают от вице-короля Индии феодальную инвеституру, связанную с личным подношением горсти золота «Назрана» и получением взамен особой жалованной грамоты „Sanad". Ауд по справедливости известен как «страна раджей и крестьян-рабов». Поместья не дробятся и переходят к старшему в роде[1].

---

[1] Приводим описание положения крестьян внутри Аудского поместья. «Крупные землевладельцы чрезвычайно могущественны и до сих пор взимают феодальные повинности (manorial dues) каковые слагаются из особых подношений по случаю свадьбы владельца, рождения у него сына и т. д., а также ежегодных отчислений со стороны алтарей и храмов, деревенских ремесленников и особых служб и платежей крестьян. Кроме того, владелец при взимании продуктовой ренты произвольно устанавливает «сер» (мера веса) в размере 96 толла вместо обычных 80». Другой исследователь указывает, что землевладелец кроме ренты пользуется следующими источниками дохода: 1) с угодий, пустошей и выгонов, 2) с храмов и алтарей, 3) от службы ремесленников, 4) феодальные повинности [illegible]

Следующее описание рисует общий характер отношений внутри поместья: «Крестьяне фактически находятся на положении рабов. До тех пор, пока арендатор безусловно подчиняется воле владельца, не стремится утвердить свою независимость и не настаивает на превращении продуктовой ренты в денежную, арендатору живется более или менее спокойно. Ему предоставляют право пользоваться выгоном и даже собирать

Следующая таблица дает картину концентрации земельной собственности в руках феодалов-«талюкдаров» Ауда.

	Число поместий	Число деревень в них	Средн. размер пом.
Поместья со взносом налога свыше 50 тыс. рупий в год	40	7 446	117 300 акр.
Тоже, свыше 5 тыс. рупий	104	5 165	18 598 »
Тоже, меньше 5 тыс. рупий . . .	48	228	2 500 »
Привилегированные поместья, согласно законам 1869 года	159	321	984 »

В провинции Ауда всего 23 049 деревень, из которых 13 482 сосредоточены в руках крупных феодалов-помещиков.

Храмовые земли и их доходы были гарантированы индусским и мусульманским попам[1]. Английский закон стал на-страже предрассудков касты, санкционировал сохранение самых отвратительных бытовых предрассудков старой Азии. Сохранилось рабство в туземных княжествах. Сохранился в них и принудительный труд. В британских областях феодалам, превращенным в помещиков, было не только обеспечено паразитическое существование, но сохранены все их феодальные привилегии, все крестьянские повинности и подношения, все унизительные обязательства крестьянина в отношении феодального владельца. Более того, феодалам были переданы права собирать поземельный налог, конечно, под контролем английских чиновников, так же, как они были наделены судебной властью в пределах своих владений с правом налагать штраф до 300 рупий или сажать своих крестьян в тюрьму сроком до 6 месяцев. Начало господства английского «просвещенного» промышленного капитала над Индией таким образом открылось его союзом с феодальной реакцией, с попами, с князьями-рабовладельцами.

Вместе с тем английское правительство начинает консервировать феодальные отношения не только сверху, закрепляя феодальные привилегии и феодально-помещичье землевладение, но и снизу, закрепляя права и наделы вечных арендаторов-крестьян. Отнюдь не ставя своей задачей свободное развертывание капитали-

тельно в господском лесу. Но в том случае, если арендатор попытается утвердить свои права, будет требовать денежной ренты вместо продуктовой, и настаивать на традиционном праве собирать топливо или пользоваться выгоном, землевладелец станет преследовать его, как личного врага, и всегда найдет случай и возможность сломать его». Baden Powell «Land Revenue Systems of British India» vol II, p. 157. W. W. Crook «North-Western Provinces and Oudh» p. 282.

[1] Если до восстания 1857 г. до 50-60% привилегированных и церковных земель обычно отбирались в казну, то последующий период приносит не только сокращение, но заметное расширение церковных и привилегированных владений. См. Moral and Material Progress of India 1861—62 г. о работе комиссии по инамам и Мадрассе за период 1858—1862 г., стр. 376.

стических отношений в сельском хозяйстве, меньше всего решаясь на чистку земли от феодала, колониальное правительство пытается успокоить крестьянство, предоставляя арендаторам право вечной аренды, ограничивая известным образом права помещика бесконечно взвинчивать ренту. Таков был бенгальский закон 1859 г. и последовавший за ним целый ряд подобных законов, «побочных продуктов» восстания 1857 года, которые меньше всего заслуживают претенциозного названия «великой хартии крестьянских вольностей», выдуманного английскими чиновниками. Это реакционное законодательство, ограничивавшее возможность капиталистического предпринимательства как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйстве, по сути дела не улучшало, но ухудшало положение крестьянства. Право вечной аренды стало объектом купли-продажи. Земли крестьян, превращенных было в вечных арендаторов, достаточно быстро скупались торгово-ростовщическим капиталом, и создавался таким образом еще один слой паразитов-рентополучателей над непосредственным производителем, вытолкнутым в ряды уже не защищенных никакими законами субарендаторов. А поскольку сохранялись трудовые крестьянские элементы в разряде вечных арендаторов, то всесильный помещик-заминдар всегда находил средства обойти букву закона, выжать из крестьянства ренту и сверх и помимо фиксированной законом нормы.

Для колониальных хозяев законодательство о «вечной аренде» однако имело свои крупные достоинства. Оно затрудняло классовую борьбу крестьянства, разбивая его формально на ряд групп с различными правами; оно создавало иллюзии о возможности некоторого улучшения положения крестьянства путем реформ; оно питало надежду, что у английского суда и английского чиновника можно найти какую-то управу против произвола помещика заминдара. И в этом смысле законы об аренде могли на короткий срок стать предохранительным клапаном недовольства крестьянства, затемняя решающий факт союза колониального режима с феодалом-помещиком против крестьянства.

Возвращение колониального режима к традиционной политике всеобщего покровителя туземной поповщины, его тесный союз с феодальными князьями и феодальными помещиками вместе с тем позволил английской политике широко использовать старое римское правило «разделяй и властвуй». Английские историки не без цинизма указывают, что эта тактика с успехом была применена как во время подавления Сипайского восстания, так в особенности после него. Сикхским князьям нарочно прирезывали наделы с чисто мусульманским населением; создавали искусственные административные границы, объединявшие несколько различных расовых и религиозных групп в общей клетке английской провинции; перестраивали всю систему комплектования армий с расчетом на противопоставление друг другу сикхов, гуркасов, патанов и раджпутов; возводили в принцип государственной политики балансирование между правящими верхушками различных национальных

групп и стравливание их между собой. Наконец, с мудрым сожалением указывали, что зарвавшиеся реформы Дальхузи лишили англо-индийское правительство всех этих маневренных возможностей, которые так легко осуществимы при наличии прочного союза с феодально-поповской реакцией [1].

Сипайское восстание не остановило атаки английского промышленного капитала на индийский рынок, но оно определило ту расстановку классовых сил, при которой это наступление в дальнейшем осуществлялось. 1857 год кладет решительный предел реформаторским потугам колониальных хозяев. Несмотря на ряд лицемерных попыток выступить в качестве «благодетелей крестьянства», английский чиновник отныне открыто связан с раджей, феодалом, помещиком и туземным попом. Чистка Индии от феодальных остатков и ниспровержение колониального режима становится общей задачей первого демократического национально-освободительного этапа индийской революции.

Государственное объединение Индии может быть осуществлено только путем революционного ниспровержения азиатских деспотий и власти империалистов, решительной ломки границ между «туземной» и «Британской» Индиями и последующего добровольного объединения их в советскую федерацию свободных национальных республик.

Краткие фактические данные о восстании 1857 г.

10 мая 1857 г. поднялся гарнизон крепости Мирута и вырезал английских офицеров. За Мирутом вскоре последовали гарнизоны всей северной Индии. Дэли, Канпур, Лукноу—все перешли в руки повстанцев, провозгласивших императором Бахадур-Шаха. Основные силы английской армии были сосредоточены в Пенджабе и на границах Афганистана. Отсюда они были двинуты к Дэли и начали блокаду этого города 8 июля 1857 года. В августе того же года, после нескольких дней артиллерийской подготовки, начался штурм, и в результате шестидневных уличных боев англичане заняли Дэли. В центре Индо-Гангской равнины борьба развернулась главным образом в Ауде. Английский гарнизон Лукноу был осажден. Прибывшие на помощь английские войска были также заперты, и только в ноябре 1857 года английская армия, усиленная подкреплениями из метрополии прорывается к Лукноу и освобождает осажденный гарнизон. Захватить Лукноу англичанам удается лишь в марте 1858 года, после того как были разбиты главные силы сипайской армии под Канпуром. Окончательное подчинение Агра, где буквально приходилось брать с бою каждую пядь земли, было проведено в зимнюю кампанию 1859 г. Зимой 1859 года равным образом было закончено подчинение центральной Индии, где поднялись войска туземных князей (Гвалиор, Индор), несмотря на уговоры князей, перешедших на английскую сторону.

---

[1] Вот образец. Сикхскому князю Патиалы в благодарность «за услуги» в 1857 г. отделяются территории, населенные мусульманами.—«Давая магараджe значительное приращение его владений в районе Джуджур, мы тем самым создаем дружественную нам власть князя-индуса среди недовольного и беспокойного мусульманского населения». Цит.: «Синяя Книга», «Honours and Rewards» (Донесение Верховного комиссара Пенджаба ген.-губернатору Индии от 13/IV 1858 г., документ № 22, стр. 206). Троттер еще более откровенен: «Мы слишком долго игнорировали доброе старое правило «разделяй и властвуй»; политика Дальхузи совершенно разоружила нас в этом отношении». Trotter, «History of India» т. II, стр. 84). Не менее выразителен Робертс «Сорок один год в Индии», том I, стр. 420—441).

ГЛАВА V

Индия в эпоху промышленного капитала

Восстание 1857 года было подавлено. Феодалы стали основной опорой колониального владычества. В Индии водворился «британский мир», освещенный заревом незатухающих аграрных волнений. Территориальное расширение Индо-Британской империи было в общем закончено. Дальнейшие захваты ограничились присоединением Верхней Бирмы и ряда областей на северо-западной границе, отнятых у Афганистана после войны 1880 г. Международное положение не таило ничего серьезно-угрожающего для империи колониального грабежа. Царская Россия была разбита под Севастополем и вскоре признала (1871) Аму-Дарью южной границей своей сферы влияния на среднем Востоке. Английский флот все время сохранял командное положение на морских путях, ведущих в Индию.

Господство английского промышленного капитала над Индией характеризуется не только вывозом, но и ввозом товаров, развитием обмена между метрополией и Индией. Продолжается выкачивание колониальной дани, но одновременно происходит некоторый ввоз капитала. Индия уже стала рынком для английских промтоваров; она начинает становиться сферой приложения английских капиталов.

«Общественное разделение труда есть основа всего процесса развития товарного хозяйства и капитализма»[1].

В чем особенность этого процесса в колониальной Индии? В том, что разделение труда здесь складывается в основном между английской промышленностью и индийским сельским хозяйством, превращая тем самым Индию в аграрный придаток «английского промышленного солнца». Ленин указывает: «Отделение промышленности обрабатывающей от добывающей, мануфактуры от земледелия, превращает и самое земледелие в промышленность, т.-е. в отрасли хозяйства, производящие товары. Тот процесс специализации, который отделяет один от другого различного рода обработки продуктов, создавая все большее и большее число отраслей промышленности,—проявляется и в земледелии, создавая специализирующиеся районы земледелия (и системы земледельческого хозяйства), вызывая обмен не только между продуктами земле-

[1] Ленин, «Развитие капитализма в России», Гиз, 1925 г.

делия и промышленности, но и между различными продуктами сельского хозяйства»[1].

Своеобразие этого процесса в колониальных условиях заключается в том, что он подчинен потребностям не собственной, а иностранной промышленности и в силу этого из всех «отраслей хозяйства, производящих товар», колониальный хозяин стремится оставить на долю Индии только одну отрасль, а именно сельское хозяйство. Отделение ремесла от земледелия, но при замедленных темпах развития собственной промышленности (текстиль); отделение добывающей промышленности от обрабатывающей, но при перенесении последней в Англию; создание многочисленных отраслей промышленности, обслуживающих индийский рынок, но расположенных главным образом за пределами Индии; специализация и товаризация сельского хозяйства, но в рамках разделения труда между индийской деревней и английской фабрикой,— вот основная тенденция развития, выражающая подчиненное, колониальное положение Индии. Разумеется, начинает развиваться собственная промышленность и в Индии, но темпы ее роста ни в коей мере не соответствуют бурному процессу обезземеливания и пауперизации основных масс деревни.

Значение Индии в английской колониальной системе не падало, но увеличивалось. Период мировой монополии английской промышленности быстро приходит к концу. Европа строит собственную промышленность и вступает в полосу протекционизма. Бурно растет капиталистическая Германия после франко-прусской войны. После победы промышленного Севера над рабовладельческим Югом стремительными темпами индустриализируются САСШ. Английская промышленность после кризиса 1866 г. переживает между 1875 и 1888 гг. непрерывную полосу потрясений и депрессий. Падает внешняя торговля Англии с иностранными государствами. Растущее значение рынков приобретают доминионы и колонии, как это видно из следующей таблицы[2]:

Средняя за 4 г.	Экспорт из Англии (в млн. ф. стерл.)			Импорт в Англию (в млн. ф. стерл.)		
	Общий экспорт	Иностран. государств.	Доминионы и колонии	Общий экспорт	Иностран. государ.	Доминионы и колонии
1870—74 г. . .	235	175	60	346	270	76
1875—79 » . .	202	135	67	375	292	83
1880—84 » . .	236	153	81	408	312	96
1885—89 » . .	226	147	79	380	293	87

[1] Ленин. «Развитие капитализма в России», Гиз. 1925 стр. 16.
[2] Knowles «Industrial and Commercial Revolutions of 19 centuary». P. 137.

Среди колоний исключительную роль занимает Индия. Сюда направляются больше 50% всего экспорта английской текстильной промышленности. И если страны «нормально» растущего капитализма ставят всюду таможенные рогатки, защищая внутренний рынок в интересах собственной промышленности, то в Индии колониальные хозяева окончательно вводят в 1878 г. «свободную торговлю», снятие всех и всяческих тарифных барьеров. Если за время 1873—1883 гг. торговля Англии с Францией и Германией выросла всего на 7%, то торговля с Индией дает увеличение на 60% за этот же срок[1].

Увеличивается зависимость Англии от привозного продовольствия и сырья. Быстро сокращается посевная площадь в метрополии. Уже в 1878 г. потребление привозной пшеницы превышает производство внутри страны. Одновременно растет экспорт индийской пшеницы. С 1874 по 1888 г. он увеличился в 8 раз (с 1 млн. до 8 млн. центнеров); экспорт риса показывает увеличение в 2 раза (3 и 7 млн. центнеров). Крупнейший сельскохозяйственный экономист этой эпохи, Джемс Кэрд, предсказывает Индии блестящее будущее, как поставщику пшеницы: «старинному сельскому хозяйству Индии при условии роста транспортной сети и лучшего использования дешевого избыточного местного труда, предназначено судьбой стать основным источником нашего снабжения пшеницей в будущем»[2]. Экспорт индийской пшеницы, форсированный общим нажимом колониально-феодального режима на индийского крестьянина, происходил за счет прямого недоедания индийской деревни и не прекращался, несмотря на голодовки, уносившие миллионы жертв.

Бурно развивается строительство железных дорог. Длина сети равнялась в 1860 г.—800 мил.; в 1870 г.—4 800 мил.; в 1880 г.—9 300 мил., в 1890—16 000 милям. Без железных дорог невозможно организовать движение товарных потоков из портов в глубь страны. Без них невозможно объединение Индии в грандиозный рынок, обслуживаемый Ланкаширом. Железные дороги вместе с тем—стратегический ключ колониального господства. Их военное значение было по-настоящему оценено только после восстания 1857 г. Железная дорога—символ порабощения Индии. Недаром вокзалы и станции строятся наподобие крепостей, снабжаются бойницами и приспособлениями для обороны. Все планирование жел.-дор. сети велось в определенном расчете на создание прямых транспортных связей между тем или иным районом товарного сырья и мировым рынком через соответственный порт или порты[3].

---

[1] Это типичная колониальная торговля. В 1879 г. промтовары составляли 65% импорта в Индию и только 8% экспорта. T. Morison «Economic Transition in India» p. 179.

[2] James Caird «The Landed Interests», p. 6—7.

[3] Правительственная комиссия по промышленному обследованию Индии (Industrial Commission Report) дает следующую характеристику индийским жел.-дорожным тарифам: «До войны основное движение товаров не

Связь отдельных районов Индии между собой возникает прежде всего в результате с.-х. специализации, районирования, вызванного работой иностранного капитала (снабжение хлопковых районов хлебов, джутовых—рисом; переброска продовольствия для снабжения миллионной армии кули на чайных плантациях). Направляя движение товарных масс из портов в глубь Индии, колониальная жел. дорога не создает однако кратчайшей взаимной связи между районами залегания угля и железа,—связи, которая могла бы стать базой промышленного развития самой колонии. Поскольку же при строительстве грандиозной сети порядка 20 000 миль нельзя полностью избежать попутного возникновения и таких связей, немедленно вмешивается тяжелая рука колониального хозяина. Железнодорожные тарифы регулируются с таким расчетом, чтобы исключить перевозку угля, железа или других ископаемых в нежелательном для иностранного капитала направлении. Типичный пример: история жел.-дорожных тарифов на бенгальский уголь.

История железнодорожного строительства непревзойденный пример расточительства, взяточничества, всяческих [illegible]. Правительство Индии гарантировало частным компаниям 5% дохода на вложенный капитал, независимо от убыточности линий. В случае недостатка частных капиталов давалась правительственная субсидия. Частные компании искусственно вздували цены построек, объем работ, часто не соблюдали элементарных технических правил[1]. Чиновники индийской гражданской службы, назначавшиеся для контроля, обычно подкупались. Неудивительно, что до 1899 г. железные дороги приносили лишь убыток, покрываемый бюджетными ассигнованиями за счет налоговой эксплоатации индийского крестьянства. Для этих же целей неоднократно обращались средства так называемого фонда «борьбы с голодом». Закрепляя колониальное порабощение Индии, железнодорожная сеть в то же время становилась источником новых финансовых обязательств Индии перед английским капиталом — одним из юридических прие-

---

индийской жел.-дорожной сети разделялось на два потока. Первый — сырье и продовольствие, направлявшиеся к портам и дальше на экспортные рынки. Второй — движение импортируемых промтоваров из портов в глубь страны. Жел.-дорожная политика основывалась на этом положении и не только следовала, но энергически стимулировала эти товарные потоки. Таким образом сложилась неравная тарификация для тех товаров, которые импортировались или экспортировались, а с другой стороны, для тех товаров, которые были произведены внутри страны и предназначались для внутреннего потребления. Можно сказать, что в общем жел.-дор. тарифы благоприятствовали движению торговой массы к портам. Одним из результатов этой политики, стимулировавшей перевозки из портов и к портам, явилось скучивание фабричной промышленности в портовых городах Бомбее и Калькутте». (Отчет правительственной комиссии по обследованию промышленности в Индии, стр. 171).

[1] Торнтон, секретарь департамента Общественных работ правительства Индии признает, что общей чертой всех договоров с компаниями было то, что правительство отказывалось от всякой возможности извлечь выгоду, но обязывалось покрывать все убытки, благо индийский крестьянин за все платит.

мов выкачивания колониальной дани. Средний размер инвестиций равнялся 6—7 млн. фунт. стерл. в год. В 1891 г. стоимость жел.-дорожной сети исчислялась в 200 000 млн. фунт. стерлингов.

Классическая ленинская характеристика железных дорог, как орудия колониальной эксплоатации, как нельзя лучше приложима к фактам индийской действительности: «Постройка жел. дорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным цивилизаторским предприятием,—такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелко-буржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения миллиарда людей (колонии, плюс полуколонии), т.-е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в цивилизованных странах»[1].

Расширение площадей под техническими культурами не могло совершаться только за счет вытеснения продовольственных. Собственное ирригационное строительство обеспечило наилучшим образом нужные английскому капиталу темпы роста технических культур. В то же время государственная ирригация, вернее, колониальная монополия на воду,—явилась весьма прибыльной статьей государственного бюджета. Уже при Дальхузи был создан департамент Общественных работ. Но его доля в государственном бюджете ограничивалась —0,75% (1,5 млн. рупий из бюджета в 200 млн. рупий в 1851—53 гг.). К 1890 г. в ирригационное строительство было вложено до 270 млн. рупий. Были закончены западный и восточный каналы на Джумне, оросительная сеть в Бари-Доабе (Пенджабе), большой Гангский канал, ряд крупных объектов в южной Индии. Все земли во вновь орошенных районах облагались тяжелой платой за воду или водным налогом. Он доходил порой до 6-7 рупий с акра в год. Выступая монопольным продавцом воды, колониальное государство диктовало какие хотело условия крестьянству[2].

В тексте закона о водном сборе (Water Cess Act) читаем: «Правительство вправе взимать водный сбор в размере и согласно правилам, какие ему заблагорассудится установить; будет время от времени менять и дополнять эти правила, будет облагать налогом также те поля, которые непосредственно не пользуются оросительной сетью, но увлажняются просачиванием воды из правительственных каналов, прудов и запруд». «Водный сбор», как и поземельный налог, диктаторски устанавливается английским чиновником. Его действия не подлежат обжалованию и неподсудны общей гражданской юрисдикции. Неудивительно, что оросительная сеть приносила и приносит от 10% до 19% чистого дохода на вложенный

---

[1] Ленин, Собр. соч., том XIX стр. 74.

[2] Казенные каналы орошают 43% всей поливной площади. (Данные 1901-1902 гг.). Сейчас доля казенных каналов еще возросла.

капитал. Неудивительно также, что ряд крестьянских восстаний был непосредственно вызван непомерной тяжестью водного сбора в районах нового орошения.

Сильнейший толчок индийскому хлопководству дала гражданская война в Америке. Ланкашир остался без хлопка. Цены на индийский хлопок бешено пошли вверх. Следующая таблица наглядно рисует рост цен (в анах за фунт хлопка), динамику экспорта в Англию (в тысячах тюков) и увеличение хлопковых площадей в одном из ведущих районов индийского хлопководства,— Центральных провинциях (в тысячах акров):

	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866
Рост цен	2,8	3,7	4,2	6,4	10,5	11,5	7,1	6,2
Экспорт	509	562	986	1 071	1 229	1 400	1 200	—
Площадь п/хлопк. . .	—	—	375	427	488	691	587	600

Возвращение Америки на хлопковый рынок нанесло удар высокому уровню цен, но не остановило прироста хлопковых площадей в Индии. Как хлопковые районы, выделяются: Центральные провинции, Бомбей, Берар. К 1870-м годам—в Бераре и Центральных провинциях около 25% посевной площади были под хлопком. «С экономической изолированностью Индии раз и навсегда покончено»,—восклицает проф. Гадгиль. Бенгалия и Бирма становятся—поставщиками риса на мировой рынок. Сооружение порта в Карачи и крупные оросительные работы в Пенджабе превращают эту провинцию в пшеничную житницу Англии. Быстро растут посевы джута в Бенгальской низменности. В орошенных долинах Деккана (Нира и Мухта) исключительное значение получает разведение сахарного тростника.

Отсутствие точной статистики не дает возможности проследить точную динамику посевных площадей. В основном технические культуры прямо вытесняют продовольственные. Этот процесс далеко обгоняет общий прирост посевной площади. Прирост посева в свою очередь происходит в основном за счет вовлечения новых, относительно неудобных земель в обработку, а в меньших размерах—путем расширения оросительной сети. Техника сельского хозяйства остается на старом уровне, урожайность падает. Новые земли с трудом осваиваются индийским крестьянством с его примитивными орудиями и слабым, истощенным рабочим скотом.

Цены на индийское продовольствие и сырье показывают повышательную тенденцию. Но это повышение распределяется неравномерно во времени и по группам технических культур. Стремительно растут цены на джут и масличные семена. Повышаются

цены на рис, но по сравнению с уровнем 1873 г. падают цены на хлопок и на пшеницу[1].

Одновременно неуклонно развивается наступление английской фабрики на домашние промыслы и ремесла сельской Индии. Если до 1850-х годов английские фабричные изделия в основном завоевали лишь городской рынок да отдельные сельские районы близ морского побережья и вдоль основных торговых путей, то во второй половине XIX века дешевизна морских фрахтов, открытие Суэцкого канала (1869 г.), развитие внутренней жел.-дорожной сети переносит борьбу в самые глухие уголки деревенской Индии.

Товаризация сельского хозяйства—она протекает в значительной мере за счет мелкого крестьянского хозяйства—не есть еще создание капиталистического земледелия. Механика этой товаризации была уже вскрыта выше, и мы не будем возвращаться снова к тем кровавым и насильническим методам, которыми колониальный режим добивается нужного товарного выхода для продовольственных и сырьевых культур. Сохраняется гнет помещика-феодала, увековечиваются феодальные методы эксплоатации, но одновременно создается в крестьянском хозяйстве острая нужда в деньгах; растет значение владельца денег; растет кабальная зависимость от него основных масс деревни.

Английская аграрная и налоговая политика не только создает объективные предпосылки для широчайшего развертывания операций торгово-ростовщического капитала в деревне. Колониальный режим последовательно и решительно ведет линию судебных, налоговых и всяких других льгот торгово-ростовщическому капиталу. Английский суд, английское гражданское и налоговое законодательство выступают повивальной бабкой ростовщической кабалы, вплоть до санкции рабского труда должника на кредитора. Гражданский кодекс не ограничивается установлением полной имущественной ответственности должника, что одно дает ростовщику возможность наложить руку на землю, на скот, вплоть до посуды и носильного платья должника и семьи, повторяя эту операцию по несколько раз с перерывами до полной уплаты долга. «Согласно букве закона, даже носильное платье крестьянина-должника подлежит продаже за долги. Он не может оставить себе или семье предметов самой первой необходимости. Закон далее разрешает кредитору не только очистить до нитки должника, завладев всем его имуществом, но позволяет кредитору повторить эту операцию снова, как только должник накопить несколько рупий. Наш гражданский кодекс более свиреп, чем Моисеев закон, чем старое

---

[1] Следующая таблица рисует динамику цен с 1883 г. по 1895 г.; уровень цен 1873 г. принят за 100.

Хлопок . . .	1883 — 78;	1889 — 98;	1895 — 70
Рис	» — 109;	» — 144;	» — 147
Пшеница . . .	» — 87;	» — 95;	» — 82
Джут	» — 93;	» — 190;	» — 175.

Gadgil «Industrial evolution of India», p. 72.

законодательство самих индусов или мусульман»[1]. Под угрозой долговой тюрьмы (2 года по каждому иску), закон устанавливает под благовидным названием «обязательство трудом» „Labour bond“ не что иное, как долговое рабство. «Сначала кажется,—говорит в своем сухом отчете комиссия английских чиновников,—что нет оснований для несколько неожиданного утверждения, что ростовщик, согласно нашим законам, вправе добиваться уплаты долга, вынуждая должника к рабскому труду. Однако собранные нами обширные данные свидетельствуют, что ростовщики, под угрозой тюремного заключения, превращают крестьян племени Бхиль в своих крепостных, вплоть до продажи обращенных в рабское состояние крестьян-бхилей в третьи руки, путем передачи покупателю судебного приказа, который дает кредитору право на труд должника. Так, горшечник Тапия Салю на вопрос, каким образом он покроет остаток долга, показал перед нашей комиссией:—«Я заплачу своим трудом. Ростовщик Марвари не отпустит меня, пока весь долг не будет погашен. Получив судебный приказ против меня или посадив меня за тюремную решетку, он не даст мне возможности уйти из родной деревни (до уплаты долга)». Комиссия продолжает: «другие должники получали зарплату по пониженному расценку и должны были работать на собственных полях для удовлетворения аппетита ростовщиков, которые кое-как кормили их и снабжали плохонькой одежонкой. Нередко крепостная зависимость распространяется помимо самого кредитора и на его семью, в частности на труд жены»[2].

Не менее энергично действовал английский закон, когда дело шло не о том, чтобы прикрепить крестьянина к земле, а согнать его с земли. (Именно удаление с земли, «освобождение» крестьянства от средств и условий производства—основная линия развития). Согласно 86 параграфу Кодекса поземельного налога, арендатор, не внесший в срок ренты землевладельцу, может быть согнан даже без передачи дела в суд, одной властью английского налогового чиновника. С такой же легкостью обращается крестьянская земля в собственность ростовщика, купца или скупщика, для чего не требуется даже закладной на землю, а достаточно предъявить одну долговую расписку. Губернатор Бомбея в одной из резолюций отмечает: «Наши гражданские суды ненавистны широким массам наших индийских подданных, так как стали орудием неограниченного хищнического аппетита ростовщического капитала».

Английские банки, крупные фирмы оптовой торговли и т. д. как в силу того, что они располагают мощными, концентрированными капиталами, так и потому, что за ними стоит аппарат государственного насилия, занимают командное монопольное положение

---

[1] Report of the Commission appointed in India to inquire into the Causes of the riots which took place in the year 1875 in the Poona and Ahmednagar Districts. London. 1878, p. 32, 40.

[2] Там же, стр. 41.

на рынке. Около них и под ними группируется зависимая компрадорская буржуазия. Товаро-проводящая сеть замыкается бесчисленными брокерами, маклерами, далялями, скупщиками, и необходимейшим звеном является ростовщик. Операции скупщика и ростовщика теснейшим образом переплетены между собой. Самая распылённость мелко-крестьянских производителей, их феодальная придавленность—ставят их при сбыте на рынок в зависимость от скупщика. Характер производства технических культур—хлопка, джута, масло-семян—требует денежного кредитования крестьянства, и оно осуществляется путем торгово-ростовщической контрактации. Денежный налог тяжело давит на беднейшие слои деревни, и здесь снова выступает туземный ссудный капитал. Вынуждая крестьянство выбрасывать свою продукцию на рынок, безотносительно к издержкам производства, колониальный режим, в то же время отрезает деревню от свободных рыночных цен, отдает ее на разграбление собственной торгово-ростовщической агентуре[1]. Создание товарности крестьянского хозяйства и его закабаление торгово-ростовщическим капиталом—две стороны общего процесса, форсируемого колониальным хозяином в условиях сохранения феодально-помещичьего землевладения, в условиях сохранения феодально-средневековых методов эксплоатации. Для понимания этого процесса решающее значение имеет следующее указание т. Сталина. Оно имеет в виду аграрный строй Китая, но целиком может и должно быть распространено на Индию. В «Заметках на современные темы» т. Сталин писал: «Оппозиция не видит, что своеобразие китайской экономики состоит не в проникновении купеческого капитала в деревню, а в сочетании господства феодальных пережитков с существованием купеческого капитала в китайской деревне при сохранении феодально-средневековых методов эксплоатации и угнетения крестьянства. Оппозиция не понимает, что вся нынешняя военно-бюрократическая машина в Китае, бесчеловечно грабящая и угнетающая китайское крестьянство, есть по сути дела политическая надстройка над этим сочетанием господства феодальных

---

[1] Нет нужды обременять изложение хорошо известными советскому читателю фактами, которые иллюстрируют эксплоататорскую цепочку,—от английского банка до деревенского ростовщика. Равным образом в русской и переводной литературе по Индии дается достаточный материал по вопросу о разрыве между мировыми ценами и теми, которые фактически получает основная масса деревни от скупщика и ростовщика (кулак, разумеется, получает рыночную цену. Разрыв на круг исчисляется в 30%). Наконец мы считаем доказанным и общеизвестным то положение, что операции скупки сельско-хозяйственных продуктов на деревенском рынке, снабжение крестьянства промтоварами и выдача денежных ссуд идут рука об руку, и если не всегда (хотя и весьма часто) ведутся одним и тем же физическим лицом, то составляют единую систему. За период 1860—1880 гг. наиболее богатый материал имеется в официальном отчете «Poona Riots Commission» по Бомбею и в книге видного английского чиновника. Throurburn по Пенджабу,—«Muslims and money lenders in Pundjab».

пережитков и феодальных методов эксплоатации с существованием купеческого капитала в деревне».

Для оценки регрессивной экономической роли ростовщичества напомним основные положения учения Маркса о ростовщическом капитале. Предпосылкой капиталистического способа производства является полное отделение рабочего от орудий труда; условием ростовщической эксплоатации является соединение непосредственного производителя и средств производства.

Торговый и ростовщический капитал не создают нового способа производства. Они эксплоатируют уже сложившиеся способы производства: «Ростовщичество не меняет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях» [1].

Но в то же время ростовщичество подрывает и разрушает феодальное богатство и феодальную собственность и не только это. «Оно подрывает и разоряет хозяйство самостоятельных крестьян и самостоятельных мастеров, т. е. именно все те формы хозяйства, где производитель еще выступает как собственник условий своего производства». Разоряя мелких производителей, экспроприируя их средства производства, ростовщический капитал концентрирует значительные денежные средства, тем самым создавая одно из условий капиталистического производства, но далеко не все условия. «Лишь там и тогда, где и когда имеются в наличности остальные условия капиталистического способа производства, ростовщик является одним из орудий, созидающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал» [2].

Как обстоит дело с индийским торгово-ростовщическим капиталом? Он сложился еще в период феодального строя, «подобно богам Эпикура, обитающим в межмировых пространствах вселенной». Торгово-ростовщический капитал в свое время подорвал феодальный строй, проложил дорогу английскому владычеству. Но не это определяет его роль в колониальной системе. Здесь он теряет всякое самостоятельное значение. Он—не более как звено в колониальной эксплоатации Индии, не более как политический и экономический агент иностранного капитала. Условия существования торгово-ростовщического капитала—те же, что и условия существования всей колониальной системы, и должны найти свои объяснения в том своеобразном, разрушительном характере, который здесь получает весь ход развития капитализма в условиях господства иностранного капитала и консервации им феодальных пережитков в аграрном строе.

---

[1] Карл Маркс, Капитал, том 3, ч. II, 36-я глава, стр. 138.

[2] Там-же, стр. 137.

Торгово-ростовщический капитал является низовой агентурой и товаропроводящей сетью колониальной торговли. В свою очередь эта торговля является верным, хотя и не очень быстрым орудием разрушения одной из основ старого способа производства — соединения ремесла и земледелия. Эта торговля выбрасывает на индийский рынок огромные товарные массы, о которых не мечтали даже в лучшие времена караванного транспорта. Эта торговля не только подготовляет отделение земледелия от ремесла, но непосредственно осуществляет его, обращая индийского крестьянина в производителя специализированного сельскохозяйственного сырья для английской фабрики, подчиняет его мировому рынку, тем самым подрывая его самостоятельное существование как производителя, владеющего орудиями производства[1]. Орудием массовой экспроприации крестьянства является также туземно-торговый ростовщический капитал. Он стоит между миллионами изолированных крестьянских хозяйств и рынком. Только при его посредстве осуществляется подчинение карликового крестьянина английскому банку, английской фабрике, английской оптовой фирме.

Но создавая все условия для небывалого расширения торгово-ростовщического капитала, для охвата им миллионов крестьянских хозяйств на всем протяжении Индии, для небывалого быстрого разорения и экспроприации основных масс деревни, само колониальное господство является важнейшим условием задержки промышленного развития Индии, тормозит вытеснение торгово-ростовщического капитала высшими формами производственного капитала, консервирует феодальные пережитки. Уже в силу закона неравномерности капиталистического развития запоздалые роды индийской промышленности происходят в исторический период, когда на внутреннем рынке господствует мощный конкурент. Этот конкурент держит в своих руках аппарат политического насилия, захватил командные высоты в экономике. Следствием того и другого являются замедленные темпы промышленного развития колониальной Индии. Создается зияющий разрыв между стремительным процессом разорения непосредственных производителей (крестьян и ремесленников) и «обоснованием их в новых условиях существования в качестве пролетариев». Тезисы IV конгресса Коминтерна дают здесь прямое указание[2].

«Благодаря вмешательству империализма (налоговое обложение, ввоз промтоваров из метрополии), вовлечение деревни в область денежного и товарного хозяйства сопровождается здесь процессом пауперизации крестьянского хозяйства, уничтожением деревенской кустарной промышленности и т. д. и проходит гораздо более стремительным темпом, чем это было в свое время в передовых капиталистических странах; наоборот, замедленное промыш-

---

[1] Для громадного большинства. Меньшинство образует эксплоататорскую кулацкую прослойку.

[2] VI конгресс Коминтерна, стенографический отчет, стр. 131.

ленное развитие поставило здесь тесные границы процессу пролетаризации».

Замедленное развитие фабричной промышленности в Индии кладет резкий отпечаток на развитие капитализма в сельском хозяйстве. Отрыв массы крестьян от условий и средств производства (пауперизация) при закрытии выхода в город непомерно увеличивает число кули, вытолкнутых из производства и получающих лишь случайный заработок. Они образуют огромную резервную армию труда и давят на заработную плату наемных рабочих в сельском хозяйстве и в промышленности. Голод и эпидемии— частые гости среди кули, и смерть собирает здесь богатейшую жатву. Городские ремесленники в значительной своей части также не будут втянуты в новую капиталистическую промышленность, потому что эта промышленность блещет своим отсутствием. Как мы увидим, колониальный путь развития капитализма приносит Индии увеличение сельского населения по сравнению с городским. Вплоть до 1921 г. все переписи отмечают дальнейший, хотя и незначительный рост населения деревни, при уменьшении населения городов (растут крупные капиталистические города, но этот прирост до 1921 г. еще не перекрывает отлива населения из мелких и средних городских поселений Индии). Кроме видимой резервной армии труда, создается еще более крупная скрытая армия—армия полубезработных крестьян, занятых лишь несколько месяцев в году в своих карликовых хозяйствах. Сельское хозяйство остается по необходимости основным, едва ли не единственным полем приложения труда. Быстро увеличивается относительное аграрное перенаселение, т.-е. давление сельского населения на ограниченные условия и средства производства, монополизированные теперь не только помещиком-феодалом, но ростовщиком и самим колониальным государством (в частности,—леса, ирригация). В этом одна из причин стремительного роста цен на землю.

Полуфеодальная, а в экономическом смысле полурабская издольщина, остается основной формой высасывания прибавочного продукта. Она представляет не что иное, как осложненную торгово-ростовщической кабалой феодальную ренту в продуктах. При феодальном строе крестьянин владел орудиями производства, оплачивая собственность феодального государства на землю и на воду фиксированной рентой в продуктах, составлявшую определенную долю урожая. Теперь земля стала частной собственностью эксплоататора-помещика или кулака-ростовщика. За это одно крестьянин платит увеличением продуктовой ренты до 50 и 70% урожая. Раньше крестьянство выпасало скот на общинных пустошах и выгонах, собирало топливо в лесах, принадлежавших феодалу. Сейчас выгоны и пустоши захвачены помещиком и колониальными грабителями. Леса монополизированы колониальным капиталом, дерущим высокую денежную плату за право выпаса и сбора топлива.

Но сущность перемены отнюдь не ограничивается увеличением доли эксплоататоров в крестьянском урожае. Раньше крестьянин владел не только землей, но и орудиями труда, сеял собственными семенами, пахал собственным скотом. Сейчас основные массы деревни уже получают семенную ссуду у ростовщика или у того же помещика в порядке кабальных сделок. Большинство деревни не только лишилось всей или части земли, но не всегда имеет и рабочий скот и вынуждено брать его на время взаймы у того же ростовщика и кулака или покупать скот в период полевых работ, чтобы потом продать его за бесценок; карликовые крестьянские хозяйства не всегда имеют собственные сельско-хозяйственные орудия, как бы примитивны они ни были, и это — новый источник кабалы. Владелец земли предоставляет не только землю, но авансирует часть капитала, и это «авансирование» сводится к самой обыкновенной ростовщической сделке. Для сущности экономического отношения безразлично, совмещает ли сам собственник земли торгово-ростовщическую эксплоатацию с феодальной (так оно часто бывает), или она осуществляется раздельно, и в таком случае доля собственника земли фигурирует в виде продуктовой ренты, а доля торгово-ростовщического капитала — в виде процента за натуральную и денежную ссуду.

В чем стержень всей системы? В том, что решающие условия производства (земля, вода) монополизированы феодалом-помещиком и колониальными грабителями. В условиях господства феодальных пережитков, феодального угнетения крестьянства «товаризация», переход от натурального хозяйства к отношениям денежным и меновым, не может не вести к торгово-ростовщической кабале, вырастающей на почве феодальной эксплоатации и сочетающейся с ней. Своеобразие состоит «в сочетании господства феодальных пережитков с существованием купеческого капитала в китайской деревне при сохранении феодально-средневековых методов эксплоатации и угнетения крестьянства» (Сталин).

В этой связи необходимо остановиться на положении, выдвинутом некоторыми марксистскими исследователями Индии, а именно о господствующем значении системы отработок в помещичьем колониальном хозяйстве. Прежде всего напомним классическую ленинскую характеристику (она относится к России после падения крепостного права) этой переходной системы хозяйства, совмещающей «старые и новые черты» — системы отработок.

... Крепостная или барщинная система хозяйства одинакова с капиталистической в том отношении, что в обеих работник получает лишь продукт необходимого труда, отдавая продукт прибавочного труда без оплаты собственнику средств производства. Отличается же система крепостного хозяйства от капиталистической в трех следующих отношениях. Во-первых, в крепостном хозяйстве есть натуральное хозяйство, капиталистическое же — денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплоатации является прикрепление работника к земле, наделение его зе-

млей, в капиталистическом же—освобождение работника от земли. Для получения дохода (т. е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин—негодный объект для крепостнической эксплоатации. Для получения дохода (прибыли) капиталист должен иметь перед собой именно безземельного, бесхозяйного работника, вынужденного продавать свою рабочую силу на свободном рынке труда. В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть лично зависим от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе, как под принуждением. Система хозяйства порождает здесь «вне-экономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д. Напротив, «идеальный» капитализм есть полнейшая свобода договора на свободном рынке — собственником и пролетарием.

«Только отчетливо уяснив себе эту экономическую сущность крепостного или, что то же,— барщинного хозяйства, мы можем понять историческое место и значение отработков. Отработки—это прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки—это переход от барщины к капитализму. Сущность отработков—в том, что помещичьи земли обрабатывают крестьяне своим инвентарем за плату частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.). Известная под именем испольщины форма хозяйства есть одна из разновидностей отработков. Для отработочного помещичьего хозяйства необходим наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохонький живой и мертвый инвентарь; необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель, капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда: помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева».

Классическая характеристика Ленина относится к царской России—стране, как известно, бывшей не колонией, а владельцем колоний. Здесь важно подчеркнуть следующее: «Отработки—это переход от барщины к капитализму». По мере дальнейшего разорения, экспроприации, обезземеливания основных масс деревни, крепостное-помещичье хозяйство начинает понемногу превращаться в помещичье-капиталистическое хозяйства. Ленин указывает: «Разорение крестьянства, обезлошадение, потеря инвентаря, пролетаризация земледельца заставляют помещиков переходить к работе своим инвентарем»[1].

---

[1] Ленин. «Аграрный вопрос в России к концу XIX века». Собр. сочинений том XII, стр. 226-227.

В другом месте Ленин говорит:

«Но вот с развитием товарного хозяйства ускользает почва из-под этой первичной формы господства капитала; разорение крестьянства, дошедшее теперь уже до полного краха, означает потерю крестьянами своего инвентаря, на основании которого держалась и крепостная и кабальная форма труда,—и тем вынуждает помещика переходить к своему инвентарю, крестьянина—делаться батраком»[1].

Самую систему отработок Ленин характеризует как «переходную», совмещающую «старые и новые черты», т. е. черты феодальные и капиталистические, при чем тенденция развития идет к капитализму, к вытеснению издольщика наемным рабочим.

Ряд товарищей с большой легкостью обнаруживают господство системы отработок в хозяйстве колониальных помещиков. Нам кажется это ничем не вызванным комплиментом, неминуемо ведущим к изображению хозяйства колониального помещика, как «переходного» к капитализму, стоящего одной ногой на почве капиталистических отношений. Если согласиться с этими товарищами, то придется признать, что господствующая форма выжимания прибавочного продукта также является переходной к капитализму[2]. Наконец, вообразив, что в хозяйстве индийских помещиков также господствует система отработок, как и в русском по-реформенном помещичьем хозяйстве, эти товарищи тем самым переносят на индийскую аграрную экономику ту закономерность развития, каковая прямо и непосредственно вела к усилению капиталистических элементов в самом русском помещичьем хозяйстве, по мере обезлошадевания, обезземеливания, разорения крестьянских хозяйств, «отрабатывавших» на помещичьей земле. Короче говоря, согласившись с этими товарищами, придется согласиться с тем, что «добрые» индийские помещики, если не превратились еще в помещиков юнкерского типа, то во всяком случае находятся на пути к этому, ибо эта тенденция носит всеобщий характер и конкретно выражена в господстве «системы отработок». Взявши за исходное положение господство «системы отработок» в помещичьем хозяйстве Индии, мы должны неминуемо притти к ложному выводу о том, что в индийских условиях эта система отработок еще дальше отстоит от крепостничества, еще больше приблизилась к капитализму, чем это было в царской России. В самом деле: «Для отработочного помещичьего хозяйства необходим наделенный землей крестьянин, имеющий хотя самый плохонький живой и мертвый инвентарь; необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу». Насчет крестьянской нужды ничего не приходится сказать. Этим индийский крестьянин обеспечен с избытком. А как насчет надельной земли? Общеизвестно,

---

[1] Ленин, Сбор. соч., т. I, стр. 368-369.

[2] Спор идет не о наличии в Индии капиталистических и переходных к капитализму форм эксплоатации и в помещичьем и в кулацком хозяйствах, а о характере господствующей формы эксплоатации.

что в Индии земля в гораздо большей, в невиданно большей степени—помещичья, чем даже это было в царской России. Следуя концепции сторонников господства «отработочной системы» в колониальном помещичьем хозяйстве, мы должны были признать, что раз помещик в Индии успел поглотить почти всю крестьянскую землю, то тем самым подорвана одна из основ самой отработочной системы («наделенный землей крестьянин»), а раз так, то сама она сделала весьма крупный шаг к капитализму, к вытеснению отработочного наемным трудом. Получается абсурд. Достаточно хорошо известно, что «поедание» крестьянской земли помещиком в колониальных условиях отнюдь не ведет к превращению самого помещичьего хозяйства в капиталистическое; что, наконец, разорение, экспроприации, обнищание основных масс деревни не ведет в колониальных условиях к сколько-нибудь заметному вытеснению феодальных методов эксплоатации капиталистическими в помещичьем хозяйстве.

При вторжении товарно-денежных отношений мы имеем основную тенденцию к сдаче всей помещичьей земли крестьянам на условиях полу-рабской издольщины. Мы не находим в Индии новых черт капитализма в самой организации помещичьего хозяйства, потому что в громадном большинстве помещик является отсутствующим рентополучателем, который располагает разветвленным аппаратом для сбора ренты, но не для ведения хозяйства. Между прочим в этом—одна из трудностей перевода крупного помещичьего землевладения в Индии на рельсы капиталистического юнкерского хозяйства.

Особенности развития капитализма в индийском сельском хозяйстве объясняются в конечном счете общей особенностью этого процесса в колониальных условиях, а именно: глубочайшим разрывом между разорением и пауперизацией основных масс деревни, а также кустарей, ремесленников и т. д., и созданием собственной промышленности. «Освобожденные» рабочие руки надолго остаются прикованными к земле. Феодальные методы эксплоатации обнаруживают невиданную живучесть; под феодально-колониальным прессом лишь медленно и мучительно происходит расслоение деревни; богатейская верхушка занимается не столько арендой, сколько сдачей земли; кулак выделяется не только и не столько наймом рабочей силы, прогрессивным характером земледельческого производства, сколько размером денежного и земельного имущества, торгово-ростовщическими операциями. В то время как в заокеанских странах на земле, свободной от феодальных загородок, при низкой ренте и высокой заработной плате, создаются в XIX веке образцы капиталистического фермерства, машинизированного сельского хозяйства, в колониальной Индии наблюдаем явления обратного порядка. Заторможенное развитие промышленности, дешевые рабочие руки, высокая грабительская рента, невиданно низкий органический состав капитала в сельском хозяйстве, помещичье-феодальное землевладение, парцеллярный крестьянин-арендатор,

цепляющийся за землю[1]. В свою очередь, консервация английским капиталом ростовщической и феодальной эксплоатации в деревне невиданно суживает объем внутреннего рынка. И возникшая в порах колониальной экономики туземная фабричная промышленность наткнется впоследствии не только на необходимость делиться внутренним рынком с Манчестером и Бирмингамом, но и на то, что возможности дальнейшего расширения этого рынка прежде всего ограничены феодально-гнилым строем аграрных отношений. Но задача революционной ломки этого строя не по плечу реформистской туземной буржуазии. Эта задача будет выполнена пролетариатом в союзе с трудящимися массами крестьянства.

Потребительский спрос индусского крестьянства определяет в основном характер и объем рынка. Если взять оборот внешней торговли на душу населения, то согласно вычислениям крупнейшего национал-экономиста Дадабхай Наороджи, получим следующие данные, характеризующие положение в 70-х годах. Индия дает годовой оборот в 5 шиллингов на душу, Соединенное Королевство — 6 ф. 10 шилл., Канада — 3 ф., Австралия — 9 фунтов[2].

Одно из необходимых последствий развития крупной промышленности заключается именно в том,— писал Энгельс в письме к Даниельсону,— что она разрушает свой собственный внутренний рынок путем того самого процесса, которым она создала его. Она создает его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но без домашней промышленности крестьянство не может жить. Крестьяне разоряются, как крестьяне: их покупательная сила снижается до минимума, и пока они обоснуются в новых условиях существования в качестве пролетариев, они будут представлять лишь очень жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов. Капиталистическое производство, будучи переходной экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся очевидными лишь по мере его собственного развития. Это стремление—создавать себе рынок и в то же самое время разрушать его—представляет как раз одно из таких противоречий[3].

---

[1] Гарольд Манн приводит любопытную таблицу «общего распределения капитала», в типичной деревне Бомбейского Деккана. Оказывается, земля составляет—59,1%, дома—22,3%, скот—15,9% и орудия 2,7% всех капиталов. Подавляющая доля определяется «основными издержками» сельского хозяйства—земельной собственностью. На нее приходится почти 60%—и это в безводном, малоплодородном Деккане с относительно низкими ценами на землю. На орудие и скот падает всего—18%. Весьма наглядно показан низкий органический состав капитала в сельском хозяйстве Индии. В пшеничных районах цена полного набора примитивных деревянных сельскохозяйственных орудий (а именно такими орудиями работает крестьянин) не превышает—30 рупий, а в рисовых районах—даже 4 рупии. (Harold Mann. Land and Labour in Deccan Village. Study № 2 p. 140).

[2] Dadabhai Naorodjy «Poverty and non British Rule in India» p. 136.

[3] Маркс и Энгельс, письма, стр. 291.

Разорение основных масс крестьян и ремесленников, отделение их от средств производства, создание резервной армии труда — являются необходимыми чертами развития капитализма. Нигде и никогда, даже в Англии, капиталистическая фабрика целиком не всасывала всей массы разоренных крестьян, ремесленников, кустарей, домашних рабочих. Но только в подчиненных колониальных странах, а в частности в Индии, разрыв между процессом разорения массы крестьян и ремесленников и «обоснованием их в новых условиях существования в качестве пролетариев» углубляется господством монопольного иностранного капитала.

Техника сельского хозяйства остается на старом уровне, но увеличивается скученность людей на земле, растет относительное аграрное перенаселение. Дробятся и мельчают наделы. Чересполосица исключает возможность «рационального» ведения хозяйства, мельчание наделов доходит до того, что некоторые из них превращаются в полосы, измеряемые десятыми долями акра. Дробление и чересполосица ставят препятствие расширению колодезного орошения. На них нельзя использовать полностью и рабочего скота. Основные массы деревни находят применение своему труду лишь несколько месяцев в течение года. Остальное время они обречены на вынужденное бездействие. Из Индии выкачивается за границу костяная мука, и друг. виды удобрений. Почва истощается. Колониальные хозяева отобрали общинные выгоны и сдают их в аренду по нормам пахотной земли; закрыли доступ в леса и назначили высокую плату за сбор топлива в запретных лесных зонах. Скотский навоз вместо удобрения идет на топливо. Вырождается скот. Ухудшается качество зерна. Крестьянин берет посевные семена на кабальных условиях у ростовщика. Ростовщик сбывает негодный посевной материал.

Следующая характеристика сел. х-ва 80-х годов принадлежит перу весьма умеренного буржуазного националиста. «Недостаток топлива вынуждал народ жечь лучший вид удобрения (навоз); увеличившееся давление населения на землю заставило отказаться от оставления земли под паром; бедность не оставляла другого выхода, как продавать весь урожай на корню, чтобы уплатить проценты ростовщику и налог государству; посевные семена приходилось потом закупать у ростовщика, и это исключало возможность тщательного их отбора[1].

Уже в 1860—70 годах колониально-феодальная эксплоатация вызвала глубочайший кризис в сельском хозяйстве Индии.

Эпоха «свободной торговли» и торжества либеральных принципов Манчестера действительно принесла индийскому крестьянству «богатые дары»; голодовки, разорение, экспроприация земли помещиком и ростовщиком, выделение тонкой, но могущественной кулацко-ростовщической прослойки, перевод основных масс деревни в положение подневольных арендаторов, их закабаление ростов-

[1] Gadgil. «Industrial evolution of India» p. 7..

щиком и скупщиком — таковы важнейшие результаты «либеральной» эры колониального господства над Индией.

С 1860-годов Индия вступает в период голодовок. Отметим важнейшие. Голод 1861 года охватил районы Агры и Дели; смерть унесла более 500 000 человек. В 1865 г. был голод в Мадрасе, а в 1866 г. — в провинции Орисса. Здесь погибло свыше миллиона человек. В 1868 г. Раджпутана жестоко пострадала от голода. Погиб почти весь скот. Выжившее население эмигрировало в поисках пищи в другие районы. В 1873-74 гг. голодали в Бенгале и Бихаре. В 1876-78 гг. Индию постиг голод, который официальные английские источники характеризуют как «самый ужасный со времени английского господства в Индии». Был охвачен почти весь юг Индии (английские провинции Бомбея и Мадраса, туземные государства Майсора и Гайдарабад), а на севере пострадали Ауд и Агра. Непосредственно от голода умерло более 2 500 000 человек. Одни потери поземельного налога равнялись 2 250 000 фунт. ст. Свыше 2 миллионов акров земли остались необработанными. Еще через 9 лет перепись констатировала уменьшение населения Мадраса на 1,5%, а Майсора на 18%. В Мадрасе согласно той же переписи 11% домов оказались разрушенными или пустующими. Этот ужасный голод 1876-78 гг. должен был служить фоном для торжественных церемоний в 1877 г. по случаю провозглашения Виктории императрицей Индии.

Голодовки — яркий показатель кризиса крестьянского хозяйства, отданного на поток и разграбление ростовщику и помещику. В голодные годы не прекращается выкачивание риса и пшеницы за границу[1], не снижаются темпы накопления торгово-ростовщического капитала, с удвоенной быстротой продолжается переход земли в руки эксплоататорских групп. Быстрое развитие аренды, рост задолженности крестьянства ростовщику, увеличение накоп-

[1] Как показывает следующая таблица, заимствованная нами из рукописи т. Фокса, голодовки не прерывали экспорта индийского риса и пшеницы в Англию.

Экспорт пшеницы и зерназлаков в Англию (в центн.)

1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.
1 073 940	1 334 366	3 287 236	6 104 985	1 820 881	1 887 006

Экспорт очищенного риса в Англию (в центн.)

1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.
7 043 779	6 719 894	6 469 181	6 717 603	6 109 020	6 857 330

Известный англо-индийский бюрократ Б. В. Хантер, стоявший за наложение эмбарго на вывоз риса и пшеницы в период острого голода, следующим образом объясняет механику «свободной торговли» в приложении к Индии. В ответ на указания либералов на то, что повышение цен, дескать, автоматически прекратит вывоз из охваченных голодом районов, Хантер указывает: В Бенгалии несколько пенсов образуют всю разницу между ценой зерна в период ожидания голода и его ценой в разгар голодовки. Колебания цен на фунт зерна в периоды большого урожая и острого голода ограничиваются 3½ фарт. Вывоз [illegible], что ничтож-

лений эксплоататорской верхушки также характеризуют эти процессы классовой поляризации в деревне.

Об экспроприации крестьянской земли главным образом торгово-ростовщическим капиталом мы располагаем лишь отрывочными данными по отдельным провинциям. «В течение 10 лет (1879—1889),—читаем мы о Бомбейской провинции в английском официальном отчете,—с молотка пошли 1 963 364 акра обрабатываемой площади, принадлежавшие—840 713 крестьянским хозяйствам. Кроме того, было продано их личное имущество на сумму—2 965 000 рупий». Авторы отчета не указывают, в чьи именно руки перешли крестьянские земли, проданные с молотка. Ответ на этот вопрос можно найти в обследованиях Королевской комиссии по индийскому земледелию, которая констатировала в 1929 г. почти полное исчезновение мелкой крестьянской собственности как в Бомбейском президентстве, так и в Мадрасе. В частности, в Бомбее оказалось, что 13% владельцев (помещики и кулаки) уже концентрируют в своих руках 87% всей обрабатываемой площади.

Этот же процесс иллюстрируют данные проф. Кельверта по Пенджабу. Следующая таблица дает динамику роста продаж и аренды в период 1866—1875 гг.:

1866—74 г.	продажа земли		35	тыс.	акр.;	арендов.	57	тыс.	акр.
1874—79	»	»	»	37	»	»	»	85	»	»
[illegible]—85	»	»	»	64	»	»	»	118	»	»
1885—90	»	»	»	124	»	»	»	236	»	[illegible]
1890—95	»	»	»	135	»	»	»	222	»	»

Только в отдельных случаях английская статистика специально регистрирует переход крестьянской земли в руки ростовщиков и торговцев[1]. Так, Правительственная комиссия, назначенная для

[illegible] несколько пенсов в цене [illegible] Хантер продолжает: «При среднем урожае риса в 4 мауда на 1 бигху, или 12 маудов с акра экспорт последнего месяца через порт Калькутты поглотил продукцию свыше 23 000 акров в урожайный год или 50 000 акров в нынешний [illegible] голодовки 1866 г. экспорт из Калькутты равнялся продукции с 422 210 акров рисовых земель по нормам высокого урожая или продукции с 1 688 840 акров по нормам неурожайного 1866 года. [illegible] в обработку сотни тысяч акров вновь орошенных площадей, мы в то же время экспортируем из Индии продукцию с 1¼ миллиона акров [illegible] земель». [illegible] 1871 г., стр. 15. [illegible] рую по рукописи Фокса). «Свободная торговля» английских либералов в Индии очень напоминает экспорт хлеба за счет крестьянского недоедания из крепостной России.

[1] Pillai «Economic Condition in India». стр. 122 [illegible] ростовщиков, «осевших» на землю, о «территориализации» ростовщика в качестве помещика в различных провинциях Индии. Данные относятся к 1891 г. Ростовщики выражены в % к общему числу помещиков: Бомбей—31[illegible]; Мадрас—17%; Центральные провинции—36%; Берар—23% Ассам 67[illegible]; Ауд и Агра—46%; Пенджаб—1[illegible].

обследования причин крупнейшего крестьянского движения в 2-х округах Бомбейского президентства (1875 г.), приводит, между прочим, следующие данные по округу Пуны:

Число участков, принадлежащих в окр. Пуны ростовщикам

	1854 г.	1864 г.	1874 г.
Число участков	164	203	272
Площадь в акрах	4 001	5 292	10 075
Сумма поземельн. налога.	1,924	3 721	7,134

Комиссия добавляет: «При оценке приведенных данных необходимо отметить, что в течение второй половины периода, охваченного нашим обследованием, в округе не осталось незанятых земель, и увеличение ростовщического землевладения означает не что иное, как переход крестьянской земли в руки скупщиков и ростовщиков. Характерно, что сумма поземельного налога растет быстрее, чем земельные площади. Это показывает на переход к ростовщику лучших, наиболее плодородных земель»[1].

Переход земли в руки эксплоататорских групп достаточно наглядно выявляется и в росте числа паразитов-рентополучателей, согласно официальным данным всеиндийских переписей:

Год переписи	Число рентополучателей
1872	1 000 000
1881	2 500 000
1891	4 000 000
1901	6 000 000
1911	8 500 000
1921	10 000 000

Следующие данные иллюстрируют рост цен на землю во второй половине XIX столетия. Еще в 50-х годах земля в Пенджабе вообще не имела «цены», стояла вне оборота рынка и денег. В 1870 г. цена акра равняется 25 рупиям, в 1875 г.—50 р.; в 1890 г.—75 р. Забегая в эпоху империализма, отметим, что к 1900 г. цена земли переваливает за 70 рупий, доходит в 1910 г. до 310 рупий, чтобы подняться в 1916 г. до 516 рупий[2]. Явление этого же порядка наблюдаем в Соединенных провинциях. «Еще в 1837 г.,—сообщает Берд-Смит,—продажная цена земли не превышала суммы годичного требования правительственного налога. В 1848 г. цена земли относится к сумме ежегодного взноса налогов как 3,5 к 1; а в 1861 г. уже как 6 к 1»[3]. За 23 года цена земли выросла в 6 раз. «В районе Канпура,—прибавляет Смит,—купцы, почти не имевшие земельной собственности, владеют сейчас 30% всей земли». Не иначе обстояло дело в областях, где действовала земельная система райотвари. Еще в 1821 г. Совет

---

[1] «Poona Riots Commission», op. cit. p. 27.

[2] Zahir Husain «Die Agrarverfasung British-Indiens» Berichte über Landwirtschaft. Sonderheft. 25, page 29.

[3] Report on Commercial conditions in the N. W. Provinces of India by Col Bird-Smith. East. India Papers, 1861. page 68.

директоров Ост-Индской компании констатировал, что в Мадрасе и Бомбее «цена земли равняется лишь той сумме, которую можно выжать за год в качестве поземельного налога»[1]. К началу XX века акр самой плохой земли в безводных районах Деккана доходит до 86 рупий, т. е. более чем в 40 раз превышает ежегодный взнос поземельного налога[2].

Цены на землю растут быстрее, чем на сельскохозяйственные продукты. Приковывая пауперизированное крестьянство к земле, на которой властно распоряжается помещик и ростовщик, оставляя основные массы деревни без работы в течение большей части года, колониальный режим создает тем самым предпосылки для «выживания» ручного ткачества (и отчасти прядения) уже в качестве домашней промышленности, всецело подчиненной торгово-ростовщическому капиталу. «Конкурентоспособность» ручного ткацкого станка в неравной борьбе с капиталистической фабрикой объясняется вовсе не преимуществами ручного труда над машиной, как поучает Ганди. Объяснение лежит в чрезмерной эксплоатации производителей, а не в производительности их труда, в понижении заработной платы ткачей далеко ниже прожиточного минимума, в неслыханной эксплоатации их торговцем-скупщиком—ростовщиком. Ручное ткачество в современной Индии в такой же степени заслуживает наименования «остатка священного средневековья, времен золотых Вед и кодекса Ману», как любая потогонная мастерская в Восточном предместьи Лондона.

Буржуазные националисты, как Ганди, сознательно идеализируют ручной ткацкий станок, уже ставший в колониальной Индии орудием наиболее грубой, примитивно-кабальной, но капиталистической эксплоатации ткачей и ремесленников. К этому вопросу вернемся еще подробнее при разборе теории Гандизма, но отметим, что по данным Анильбарана Рэй, средний месячный заработок прядильщика равен 2-м рупиям, а ткача —3-4-м рупиям[3]. И это при неограниченном рабочем дне. Жалкая оплата промышленного рабочего — 20-30 рупий в месяц — представляется, по сравнению с этим, чуть ли не царским состоянием. Скупщик и торговец перешел от авансирования ткачей сырьем к более широкой организации домашней промышленности. В Бенгалии и Бомбее насчитывается не мало мастерских с 70-80 наемными рабочими в каждой. Ручное ткацкое ремесло пользуется почти исключительно фабричной пряжей для выделки ткани. Производство переходит на капиталистические рельсы.

Согласно данным Арно Пирса (1930 г.) «в Индии в настоящее время насчитывается 50 млн. ручных прялок (чарки), вырабаты-

---

[1] Romesh Dutt. «The Economic History of India undere early British Rule». Page 161.

[2] Harold Mann and N. Kanitkar «Land and Labour in a Deccan Village», Study No. 2. Page 140.

[3] Anilbaran Ray «A Few plain facts about khadi». Цитирую по «Bombay Chronicle 17 ноября 1929 г.

вающих каждая по 48 фунтов пряжи в год. Ручных ткацких станков имеется около 2-х миллионов»[1].

Имеются другие данные, составленные секретарем Бомбейской Ассоциации хлопчато-бумажных фабрикантов о сравнительном потреблении пряжи индийскими ткацкими текстильными фабриками и ручными ткацкими станками.

	Переработка пряжи на ткацких фабриках	На ручных ткацких станках:
1896—97 г. . .	74 000 000 фунт. пряжи	196 000 000 фунт. пряжи
1897—98 » . .	81 000 000 » »	231 000 000 » »
1898—99 » . .	[illegible]1 000 000 » »	237 000 000 » »

По вычислениям Мангалала Ганди фабричное потребление превысило выработку ручных ткацких станков только в 1913 г. До сих пор вручную перерабатывается 40% всей произведенной в Индии пряжи, ручной ткацкий станок до сих пор дает около 25% общей выработки мануфактуры, считая также импорт иностранной мануфактуры[2]. По данным переписи в 1921 г. в Индии насчитывалось не меньше 3 000 000 ткачей.

Приведем характеристику однородного явления в экономике полуколониального Китая: «Нищая, голодная деревня и городская беднота берут любую работу за любую плату. А империализм, задерживая развитие крупной индустрии, затрудняет для разорившегося крестьянина или городской бедноты возможность устроиться в промышленности. Чрезвычайная дешевизна рабочих рук, отношение личной зависимости, кабалы, ростовщичества,—словом, самое существование капиталистической домашней работы задерживает развитие крупной промышленности и становится одной из причин застоя техники»[3].

К докапиталистическим и переходным формам присоединяется и капиталистическая эксплоатация. Самый колониальный режим выступает крупным потребителем наемной рабочей силы. Постройка жел. дорог, сооружение оросительных каналов, оборудование и обслуживание портов потребовали сотен тысяч рабочих рук. Для обслуживания ж.-д. сети были выстроены депо, мастерские, ремонтные заводы. Возник ж.-д. пролетариат. Железные дороги надо было снабжать каменным углем, и это положило начало эксплоатации крупнейших залежей угля в Раниганджe (Бенгалия). Вскоре были открыты угольные копи в Мохпани (1870), а затем в Варора (в 1875) в центральных провинциях. В 1854 г. на всю Индию насчитывалось 3 угольных шахты. В 1885 г. в эксплоатации находились 69 шахт. На них было занято 20 000 рабочих, а годовая продукция равнялась 1 294 тыс. тонн.

Снабжение армии огнеприпасами и другими видами снаряжения положило начало военной промышленности.

---

1 Arno Pearse «The Cotton Industry of India», p. 25.
2 Mangaldal Gandhi «The Indian Cotton Textile Industry», p. 63—65.
3 Л. Мадьяр «Очерки по экономике Китая», стр. 115.

Частный английский капитал устремляется в плантационное хозяйство (чай, кофе, индиго); организуются джутовая текстильная промышленность и отчасти горно-добывающая.

Плантатор обычно брал в аренду непосредственно у государства или у крупного туземного заминдара значительную земельную площадь и открыто насильническими средствами (плантаторы обычно облекались судебными правами в отношении своих крестьян-арендаторов) заставлял местных крестьян возделывать индиго и сдавать его по принудительной цене на фактории. Культура индиго обычно устанавливалась в принудительном размере от $^{1}/_{8}$ до $^{1}/_{16}$ всей посевной площади. «Твердые цены», по которым крестьяне сдавали индиго на фактории, конечно, не имели ничего общего с рыночными. Это была система подлинного рабства. Еще великий фальсификатор английской истории лорд Маколей, в бытность свою министром юстиции в правительстве Индии, отмечал в 1840-х годах: «Я слишком хорошо знаю, что большинство крестьян на индиговых плантациях частично превращены в рабов как в силу нашего законодательства, так и вследствие нарушения закона всесильными плантаторами».

В то время как значение индиго быстро падало, в виду открытия синтетических химических красок, крупно-капиталистические чайные плантации Индии энергично отбивали мировой рынок у китайского чая, производимого кустарным способом в мельчайших крестьянских хозяйствах. Следующие данные рисуют рост плантаций в Ассаме, ведущей области Индии по производству чая.

Годы	Число плантаций	Обрабатываемая площ. в акрах	Произведено чая в фунтах
1850	1	1 876	216 000
1853	10	2 425	366 000
1859	48	7 599	1 205 689
1869	260	25 174	4 714 769
1871	295	31 303	6 251 143

Если на самой плантации положение так называемого контрактового рабочего мало чем отличается от рабства[1], то для того, чтобы крестьянин мог быть превращен в контрактового рабочего и согласился покинуть родной Мадрас для далекого Ассама или Цейлона, требовалось в качестве обязательного условия его предварительное разорение в качестве крестьянина, его отделение от земли и средств производства.

[1] Уход до срока так же, как и забастовка, караются как уголовные преступления; плантатор обычно судебной властью сам творит суд и расправу; он вправе преследовать беглого рабочего за пределами плантации, требовать его принудительного возврата отовсюду, где он будет обнаружен; широко применяются телесные наказания в частности — порка.

Для чайного и кофейного плантационного хозяйства земля предоставлялась за бесценок или номинальную ренту от колониального государства, и плантаторы могли свои капиталы вкладывать в машины, оборудование и т. д.

Джутовая промышленность работала почти исключительно на экспорт. Условием ее развития была мировая монополия Индии на джут (материал для изготовления веревок, канатов, мешков, тары), зверская эксплоатация туземного пролетариата и значительный приток английских инвестиций. Джутовая промышленность с самого начала была монополизирована английскими капиталистами. Первая фабрика, основанная шотландским капиталистом Оклендом, заработала в 1851 г. в Серампуре, вблизи Калькутты. Но только крымская война, отрезавшая русского конкурента индийского джута—пеньку от мирового рынка, форсировала рост джутовой промышленности. К 1882 году уже насчитывалось 20 фабрик с общим числом 20 000 рабочих. Из них 17 крупнейших расположены были в ближайшем соседстве с Калькуттой. Попутно развивается машинная прессовка и первичная очистка джутового волокна на полукустарных установках, принадлежавших почти исключительно мелким индийским предпринимателям.

Хлопчато-бумажная промышленность представляла ведущую отрасль, находившуюся в руках индийских капиталистов. Еще в 1818 г. английский капиталист сделал попытку открыть текстильную фабрику у форта Глостер, в окрестностях Калькутты. Эта фабрика называлась предприятием Акц. общества текстильных фабрик Баурса. Но о серьезном развитии текстильной промышленности можно говорить лишь после основания «Бомбейской текстильной и прядильной фабрики», открывшейся в феврале 1856 года под управлением крупного коммерсанта парса Коваджи Монабхой Давара. Почти в то же время открылись текстильные фабрики в Брооче и в Ахмадабаде (1859 г.) Следующая таблица, заимствованная нами из книги Мангалаля Ганди, дает представление о ранних этапах развития текстильной промышленности Индии.

Год	Число фабрик	Число веретен	Число пар. ткацк. станк.	Рабоч. в тыс.	Потребл. хлопка в тыс. центн.
1851	1	29 т.	—	0,5	—
1866	13	309 »	3,4 т.	7,7	—
1876	47	1 100 »	9,1 »	—	—
1877	51	1 244 »	10,3 »	—	—
1880	56	1 461 »	13,5 »	44,4	1 076[1]

Индийская текстильная промышленность выступает преимущественно как прядильная. Даже в период 1879—1894 гг. число веретен будет расти быстрее, чем число ткацких станков. В то

[1] Gandhi. Op. cit., p. 55.

время как первые увеличатся за этот период на 203%, вторые дадут увеличение только на 175%. Специализируясь на производстве наиболее грубых номеров пряжи, индийская текстильная промышленность в этот период почти не конкурирует с Ланкаширом на внутреннем рынке, используя вместе с тем свое выгодное географическое положение для энергичного развития экспортной торговли, главным образом, на Дальнем Востоке. Уже в 1886-87 гг. индийский экспорт пряжи в Китай превысил английский экспорт. Экспорт мануфактуры из Индии вырос с 1 380 577 фун. стерлингов в 1876 году до 2 870 197 фунт. стерл. До 1895 г. экспорт пряжи увеличивался еще более стремительными темпами. Стоимость его равнялась в 1876 г.—324 375 фунт. стерл., в 1875 г.—2 506 617 фунт. стерл., а в 1891 г.—6 519 899 фунт. стерл.

Согласно вычислению Правительств тарифного бюро, экспорт индийской текстильной промышленности охватывал в этот период свыше 50% всей ее продукции. И хотя индийские капиталисты переплачивали крупные суммы на приобретаемое в Англии оборудование, а в особенности на постройке своих текстильных фабрик, они тем не менее могли конкурировать с английскими фабрикантами в Китае, благодаря дешевизне рабочей силы при практикуемой ими неограниченной эксплоатации индийского пролетариата и незначительной стоимости фрахта из Индии в Китай и Японию по сравнению с фрахтом в эти же страны из Англии. По исчислению Боулея, английская пряжа (принимая одинаковое качество) могла продаваться в Китае по 8,5 пенсов за ярд, индийская же, благодаря разнице в фрахте,—по $7^3/_4$ пенса за ярд.

В текстильной промышленности преобладал туземный капитал, главным образом крупных коммерсантов из местной общины парсов. Они составляли прослойку крупной компрадорской буржуазии, которая сильно увеличила свои накопления в период хлопковой горячки, последовавшей за гражданской войной в Америке.

Несмотря на финансовый крах 1865 г., в Бомбее началось грюндерство в текстильной промышленности. Падение цен на серебро облегчало бросовый экспорт индийского текстиля на дальне-восточный рынок. В то время как цены на основные продукты рабочего питания выросли в Индии в три раза, жалкая заработная плата увеличилась только на 50%, раздувая сверх-прибыли индийских текстильных баронов. Но благоденствие индийской текстильной промышленности оказалось в достаточной мере непрочным. Япония индустриализировалась и вместо покупателя индийской пряжи и тканей скоро выступит покупателем индийского хлопка и опаснейшим конкурентом Бомбея. Доля индийского экспорта в Китай будет прогрессивно падать.

Колониальное правительство в начале 1890-х годов стабилизирует курс рупий, подрезая тем самым крылья промышленного развития Индии. Индийской текстильной промышленности придется обратиться к внутреннему рынку, и колониальный хозяин преподаст

индийскому промышленному капиталу ряд предметных уроков о значении командных высот экономики и политической власти в руках империализма. Пока же известный индийский национал-экономист, основывая свои выводы на легких успехах Бомбея, провозглашает эру быстрого превращения Индии в крупнейшую промышленную державу. В своей речи на экономической конференции в Пуне М. Г. Ранаде заявил: «Я изложил перед вами те соображения, на которых я основываю твердую надежду, что Индия в настоящее время решительно вступила на тот путь, который дает нам спасение через индустриализацию, если только наши капиталисты будут воодушевлены тем же духом, который вдохновлял их до настоящего времени». Индийские капиталисты вполне оценили всю прелесть выжимания прибавочной стоимости из колониального пролетариата. Этот «дух» не переставал одушевлять их по настоящее время. Но теоретик индийской буржуазии совершенно упустил из вида одну «маленькую особенность», а именно — власть иностранного капитала и зависимое положение Индии.

Выкачивание колониальной дани приобретает новые черты. Раньше эта дань была прямым результатом открытого грабежа и налоговой эксплоатации крестьянства. Она составлялась из трофеев и частных накоплений английских офицеров и чиновников в Индии, дивидендов Ост-Индской компании, наконец, из тех сумм, которые отпускались по бюджету Индии на содержание аппарата компании в Лондоне, пенсий отставным чиновникам и т. д. Теперь расчетный баланс Индии усложняется. Растет ее государственный долг Англии. Сюда входят оплата расходов по подавлению сипайского мятежа, выкуп основного капитала грабительской Ост-Индской компании, многие миллионы государственного долга, растраченные в пороховом дыму двух войн против Афганистана, грабительских экспедиций против Абиссинии и Персии и множества других военных предприятий английской экспансии в Азии и в Африке. Именно «финансовые обязательства» этого рода занимают первое место в индийском государственном долге. К этому присоединяется оплата процентов по жел.-дор. займам. Мы уже имели возможность установить, в чьих интересах проводились жел.-дороги и как они строились. Наконец, остаются в неприкосновенности старые статьи колониальной дани, а именно: содержание министерства по делам Индии в Лондоне, пенсии военным и гражданским чинам, разные «пустяковые» расходы вроде торжественного бала турецкому султану в Лондоне или оплаты содержания английской миссии в Персии. Наконец, инвестированный в Индии английский капитал, банки, оптовые фирмы, плантации, фабрики — начинают приносить прибыль, которая также выкачивается из Индии. Расплатой по всем этим счетам является активный торговый баланс Индии. Она больше вывозит товаров, чем ввозит, и этот излишек образует ее расчетный фонд. Увеличение активности торгового баланса вместе с тем, служит ярким

показателем увеличения колониальной дани. Приводим расчет Наороджи за период 1835-1872 гг.:

1835—1839	5 317 000 ф. стерл.	1854—1859	7 730 000 ф. стерл.
1840—1844	5 930 000 » »	1860—1864	17 300 000 » »
1845—1849	7 760 000 » »	1865—1869	24 600 000 » »
1850—1854	7 458 000 » »	1870—1872	27 400 000 » »

Ограбляемая и разоряемая Индия не осталась пассивной под кровавым ножем английского капитала. 19-го февраля 1881 года — Маркс писал Николаю Он—у:

«В Индии для британского правительства готовятся серьезные затруднения, если не всеобщее восстание. То, что англичане отбирают ежегодно у индусов в форме ренты, железнодорожных дивидендов от бесполезных для самих индусов дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр.; то, что они берут у них без всякого эквивалента и совершенно независимо от того, что индусы должны ежегодно отсылать в Англию совершенно задаром, — превышает всю общую сумму доходов 60 млн. земледельческих и промышленных работников Индии. Это — кровавое, вопиющее дело. Голодные годы следуют один за другим и достигают неслыханных доныне в Европе размеров. В населении складывается настоящий заговор против англичан, в котором участвуют совместно и индусы, и мусульмане. Британское правительство знает, что в массе идет какое-то «брожение», но эти неглубокие люди (я разумею правительственных чиновников), отупевшие от их собственной парламентской манеры говорить и думать, даже не желают видеть ясно перед собой, не хотят представить себе всего размера угрожающей им опасности. Обманывать других, чтобы ввести под конец в обман этим путем и самого себя, — вот вся парламентская мудрость в двух словах. Тем лучше».

В 1860-1880 гг. начались крупнейшие крестьянские восстания в Бомбее, Бенгале и Бихаре. Но крестьянство осталось без руководства. Феодалы, наученные опытом 1857 года, были вернейшей опорой колониального режима. Оппозиционная буржуазия написала на знамени своих национальных конгрессов: «никаких революций, медленный путь реформ и лойяльное сотрудничество с английской властью». Пролетариат был еще слаб, молод, неорганизован, чтобы бороться за гегемонию в колониальной революции.

ГЛАВА VI

Индийские национальные конгрессы

Крестьянские восстания, а затем борьба пролетариата дают основной классовый фон национальному самоопределению индийской буржуазии. Рождение индийского Национального комитета озарено заревом аграрных бунтов. В этом лежит разгадка того своеобразного факта, что никто иной, как бывший министр внутренних дел правительства Индии, Аллан Октавиан Юм, выступил в несвойственной, казалось бы, видному английскому бюрократу роли «отца индийского национализма». Английские политики боялись, что нарождающаяся буржуазия станет во главе крестьянского движения, и предпочли дать легальную конституционную отдушину ее оппозиционным настроениям.

Голодное двадцатилетие 1860—1880 гг. действительно было периодом бурного нарастания крестьянских движений. Об этих движениях не найдешь материала ни у индийских историков, ни тем более у историков английской официальной школы. Только отдельные факты и отрывочные данные, разбросанные в случайных источниках, дают возможность весьма приблизительно обрисовать размах и характер крестьянских движений этого периода.

По Бенгалии мы пользовались трудом крупного английского чиновника В. В. Хантера, который посвятил особое исследование мусульманским религиозным сектам и в частности — Вахабизму на индийской почве [1]. О бунтах на чайных и индиговых плантациях кое-что дает правительственная комиссия по индиговым плантациям, закончившая свою работу в 90-х годах [2].

О восстании 1875 года в двух округах Бомбейского президентства имеется подробный отчет особой правительственной комиссии [3].

Совершенно неосвещенным остается крупное крестьянское движение 1879 г. в том же Бомбее. Об этом восстании упоминают все историки, но ни один из них не дает сколько-нибудь полной картины движения и его территориального распространения. Все отделываются стереотипной фразой: — восстание, дескать, носило аграрный характер, основное участие приняло земледельческое племя Рамузис, которое полтора столетия перед этим

---

[1] W. W. Hunter. «Our Indian Musulmans». London. 1872.
[2] East Indian Papers, Indigo Commission Report, 1891.
[3] Poona Riots Commission. 1878.

пользовалось льготами от правительства Махратов за несение охранной службы на горных перевалах западных Гхатов и было лишено этих льгот англичанами. Между тем, как сообщает в своих воспоминаниях сэр Вильям Ведерберн, события 1879 г. имели настолько крупный размах, что из Пуны, крупнейшего военного лагеря западной Индии, пришлось вызвать на усмирение весь гарнизон, включая артиллерию. Именно в 1879 году, когда Ведерберн вместе с Юмом любовались заревом помещичьих усадеб, подожженных крестьянами, зародилась мысль о необходимости прочнее привязать нарождающуюся туземную буржуазию к английской власти.

Вот что пишет Ведерберн в своих воспоминаниях о Юме: «Тревожные ожидания полностью оправдались. Мне самому пришлось наблюдать аграрное восстание в Бомбейском президентстве, известное под названием «Восстания Рамузис». Дело началось случайным нападением крестьянских банд на ростовщиков, пока, наконец, банды разбойников, объединившись в общую силу, не стали слишком сильными для полиции. Пришлось двинуть в дело весь гарнизон Пуны, пехоту, кавалерию и артиллерию. Скрываясь в джунглях и неприступных уголках западных Гхатов, эти банды рассеивались в случае приближения регулярных войск, чтобы снова объединиться при первой возможности. Из горно-климатической станции Матерана, куда выезжает правительство Бомбея на время летней жары, мы великолепно могли наблюдать по ночам лагерные огни повстанцев и зарево подожженных ими усадеб. Нашелся вождь из среды более образованных классов; он назвал себя Шиваджи вторым, по имени известного национального героя Махратов, распространял возмутительные прокламации с вызовом правительству Индии, и, наконец, предложил награду в 500 рупий за голову его превосходительства сэра Ричарда Темпля. Этот Шиваджи выдавал восстание за событие национальной важности и предсказывал скорое падение Британской власти в Индии»[1]. Английские бюрократы Ведерберн и Юм, — и не только они одни, — опасались, что во главе крестьянства станут вожди «из среды более образованных классов», что нарождающаяся национальная буржуазия пойдет вместе с крестьянством против феодалов и против колониального режима. По странной иронии истории смертный приговор Шиваджи, захваченному после разгрома восстания, вынес никто иной, как восходящая звезда буржуазного национализма, Махадев Говинд Ранаде. Он был назначен председателем трибунала, судившего Ясудева Больванта (настоящее имя Шиваджи), и отправил его на виселицу. — Если назначение Ранаде председателем английского трибунала не было случайностью, — власти хотели проверить на деле лойяльность молодого судьи-националиста,

[1] W. Wodderburn «Allan Octavian Hume». Цит. по Lajpat Rai «Young India», 2 p. 1929.

то тем менее было случайным решительное отмежевание буржуазных националистов от революционного крестьянства. Г. К. Гокхале, ближайший ученик Ранаде, а впоследствии вождь партии «умеренных» и председатель сессии Национального конгресса в 1905 году, в речи, посвященной памяти своего учителя Ранаде, не напрасно вернулся к событиям 1879 года:

«Около 25 лет тому назад вспыхнуло восстание в Бомбейском Деккане, и уроженец города Пуны, по имени Ясудева Больвант, открыто поднялся против правительства, собрав вокруг себя значительное число невежественных сообщников, грабил и убивал невинных людей. Бомбейское правительство, возглавляемое сэром Ричардом Темпль, находилось во власти предвзятой мысли, что бандиты будто бы пользуются симпатией и поддержкой руководящих деятелей национального движения в Пуне. Эта предвзятая мысль очевидно имела основанием то обстоятельство, что сам Ясудева Больвант был уроженцем гор. Пуны, происходил из состоятельной семьи и принадлежал к касте Брахманов. Подозрение в числе других пало и на г-на Ранаде.

«Это было абсолютно необоснованным подозрением. Г-н Ранаде был признанным вдохновителем и вождем конституционного национального движения, не имевшего ничего общего с дикими насильственными методами грабительской банды повстанцев. На долю г-на Ранаде выпала честь произнести смертный приговор Ясудева Больванту и доказать тем свою лойяльность английскому правительству»[1].

Похвальный аттестат, выданный Гокхелем крупнейшему вождю буржуазного национализма, был заслужен не только им, но и движением Национальных конгрессов в целом.

Классовую базу нарождающегося национализма составляли слои, целиком и полностью стоявшие на платформе лойяльного сотрудничества с английской властью. Либеральный помещик, состоятельный буржуазный интеллигент, ростовщик и крупный торговец — не представляли себе иначе развития капитализма в Индии, как на пути медленной юнкерской эволюции. Аграрная программа Национальных конгрессов была не только и не столько программой «чистки земли» для помещичьего капитализма в сельском хозяйстве, как программой обеспечения помещику и ростовщику всех плодов докапиталистического накопления. Английские «крестные отцы» индийских национальных конгрессов, а в их числе нужно назвать не только отставных министров, вроде Юма и Ведерберна, но самого вице-короля Дюфферина, напрасно опасались, что из среды нарождавшейся буржуазии выйдет новый Гуру Говинд и Банда (вожди крестьянских войн индийского средневековья). Ничто так не страшило деятелей национальных конгрессов, как стихия революционного крестьянства, и на его съездах много раз звучали речи, посвященные восхвалению «права и порядка»,

[1] Речи и статьи К. Г. Гокхея. [illegible]. Мадрас. 2-е изд., стр. 774—775.

охране «священного принципа» частной собственности. Английский штык и крепко сколоченная централизованная бюрократическая машина были по сердцу индийским буржуазным националистам, когда дело шло о подавлении крестьянских восстаний, об охране ростовщического процента и помещичьего землевладения. Эти похвалы «британскому миру» имели в виду не только отдаленную историческую эпоху, когда Ост-Индская компания ликвидировала афганские нашествия, грабежи Тугов и Пиндари, но конкретное настоящее. И здесь решающей опасностью была не казацкая пика над снеговым Гиндукушем, а внутренний «враг» — собственное крестьянство. В своей президентской речи на сессии 1893 г. Наороджи говорил: «Правительство должно быть твердо и справедливо... Его прямая обязанность подавить твердой рукой всякое беззаконие или попытку нарушить гражданский мир»[1]. В речи другого председателя Национального конгресса мы читаем: «Гибель английского господства принесет нам анархию, войну и грабежи. Мусульмане постараются установить свою власть. Индийские раси и раджи будут между собою враждовать. И низшие касты, охваченные животворным влиянием западной цивилизации, вряд ли уступят высшим кастам власть без отчаянной, кровопролитной борьбы. Наконец, нам угрожают Франция и Россия. Насторожившись у наших границ, они выжидают благоприятной возможности. Невежественные массы не понимают всех опасностей, связанных с упадком английской власти в Азии. Но смешно предполагать, что те, кто получили английское образование, настолько близоруки, чтобы игнорировать эту величайшую опасность»[2].

Наконец, в речи Сурендра Ната Банарджи подчеркивается разница в положении богатых и бедных, хотя вождь правого крыла индийского национализма предпочел не говорить прямо об основном классовом противоречии между крестьянством и феодалом-помещиком: «Люди, которым есть что терять, не пойдут на риск, но те, которым терять нечего, чья жизнь — одна сплошная борьба за существование, пойдут на любой риск, не остановятся ни перед чем. Народ, погруженный в нищету, представляет первостепенную политическую опасность»[3]. В заключение приведем выдержку из речи Раш Бехари Гхоза (президентская речь на конгрессе 1907 года). Он обратился со следующим предостережением к мелкобуржуазной партии «крайних»: — Вообразите на минутку, что успех увенчает ваши безответственные движения и англичане действительно покинут Индию, предоставив его народам вариться в собственном соку. Вся страна сейчас же погрузится в бездну хаоса и беспорядков»[4].

---

[1] «The Indian National Congresses Full text of all Presedential Addresses. Reprints of all Congress Resolutions. 2-ed. Natesan. Madras. p. 171.

[2] «Национальные конгрессы» op. cit. стр. 362.

[3] Ibid стр. 259 (сессия 1895 г.).

[4] «Индийские Национальные конгрессы» op. cit, стр. 892.

Восстание Рамусис было вторым по счету значительным крестьянским восстанием в Бомбее. За четыре года до того разразилось восстание в двух округах Бомбейского президентства, а именно в Пунском и Ахмеднагарском. В округе Пуна поднялось 11 деревень. В этом же округе в других 31 деревнях лишь прибытие полиции и войск успело предотвратить открытое насильственное выступление крестьян. В округе Ахмеднагара волнения захватили 22 деревни. Восстание однако не ограничилось этими 2 округами, перекинулось и на округ Сагара, где выступили 3 деревни. Число арестованных в обоих округах превышало 1000 чел.; осуждено Британским судом было 501 крестьянин. Согласно заключению комиссии, острие восстания 1875 г. и в этом его отличие от более зрелого движения 1879 г. — было направлено прежде всего против ростовщиков. Комиссия сообщает: целью повстанцев был захват и уничтожение закладных на землю, долговых обязательств и других юридических документов, находившихся в руках ростовщиков. В случаях, когда ростовщики добровольно возвращали их крестьянам, — насилий не наблюдалось. Но при отказе — крестьяне жгли дома ростовщиков, убивали их семьи, без различия касты, веры и возраста [1]. Отмечается, что наряду с ростовщиками касты Марвари пострадали также ростовщики-брахманы, не говоря о мусульманском торгово-ростовщическом капитале. Повстанцы первоначально не выступали против английских войск и только после применения репрессий пытались бороться и с ними. Восстание 1875 г., несмотря на крупные размеры, носило незрелый, невыдержанный характер. Нетронутыми остались помещики. Восстание 1879 г., по-видимому, стояло на более высокой ступени. По свидетельству Веддерберна, оно носило характер крестьянской войны против английского правительства, ростовщика и помещика. Во время событий 1879 г. помещиков без всякой пощады убивали, помещичьи усадьбы сжигали.

По Бенгалии мы располагаем лишь книгой Хантера. Этот величественно ограниченный английский бюрократ ограничивает свое исследование мусульманским крестьянством. Его основная цель — дать историю мусульманских сект в восточной Бенгалии, и о крестьянском движении мы узнаем лишь попутно, в связи с Вахабизмом. Оказывается, еще с 1830-х годов в Бенгалии наблюдается значительное развитие мусульманского сектантства, весьма близкого Вахабизму. Наряду с проповедью возврата к чистой вере Ислама и очищению его от последующих предрассудков и наслоений, складывается сильнейшее анти-помещичье движение. Уже в 1840-х годах в округе, так наз. «24 парган», а также в округах Неддеа и Фаридпура происходят восстания. Крестьяне объединяются в отряды по 3—4 тысячи человек и под предводительством Вахабитских проповедников уничтожают низо-

[1] «Report of the Commission appointed in India to inquire into the causes of the riots which took place in the year 1875 in the Poona and Ahmednagar Districts». London. 1878.

вой аппарат английской налоговой администрации, а также ростовщиков и помещиков.

Согласно описанию комиссара полиции, г-на Даньера (мы цитируем его отчет от 13 мая 1831 года, за № 1001), развернулись серьезнейшие аграрные беспорядки; повстанцы укрепились в лагере, успешно боролись с английскими войсками. Вся Бенгалия к западу и востоку от Калькутты, включая целых 3 округа, была захвачена повстанцами, оперировавшими отдельными бандами, численностью в 3-4 тысячи человек[1].

Мы не намерены углубляться в историю Вахабизма на индийской почве, но отметим, что соединение крестьянского движения с низовыми слоями разоренной городской мелкой буржуазии, по-видимому, являлось классовой базой Бенгальского Вахабизма. Нить крестьянских восстаний в Бенгалии ведет, начиная от движения Саньяси в конце XVIII века, через бунты на индиговых плантациях Бенгалии и Бихара и восстания 1831 г. к крупнейшим крестьянским выступлениям во время великого возмущения Сипаев в 1857 г. После 1857 г. движение не затихает. В 1864 г. в Патне состоялся процесс по обвинению в государственной измене 80 вождей Вахабитов, создавших широкую разветвленную организацию в среде крестьянства. Затем следуют процессы в 1870 и в 1872 гг. Хантер дает след. оценку настроениям крестьянства восточной Бенгалии в 1870-х годах.

«Процесс в Патне в 1864 г. так же, как кампания репрессий в 1863 г., не остановила работы изменников. Их внутренние разногласия в течение нескольких лет тормозили преступную работу на границах Индии, но тем временем они энергично проповедывали необходимость священной войны внутри пределов нашей империи. В восточной Бенгалии каждый округ был насыщен антиправительственными организациями. И мусульманское крестьянство по всему течению Ганга от Патны до Бенгальского залива охотно вносило еженедельную лепту на содержание преступной повстанческой организации»[2].

Очевидно, движение охватило широкие массы мусульманского крестьянства Бенгалии. Хантер подчеркивает, что спор шел о земле и за землю. Английский бюрократ даже сравнивает это крестьянское движение с Великой французской революцией.

«Повстанцы представляли величайшую угрозу всем тем классам, которые обладали землей или денежными капиталами. Повстанцы не разбирали между помещиком-мусульманином и индусом».

Террор революционной организации в одинаковой степени обрушивался и на мусульманских и на индусских помещиков. Доставалось и мусульманскому духовенству.

«Всякий мусульманский проповедник, владевший доходом с десятка акров, которые даны были его мечети или алтарю,—рвет и

---

[1] Хантер. «Наши индийские мусульмане», стр. 46.
[2] Ibid., стр. 99 и 125.

мечет на Вахабитов. В Индии, как и везде, земельные и церковные интересы тесно переплетены между собой и мусульманские помещики близко связаны с мусульманской церковью и защищают ее так же, как английские помещики в свое время защищали католическую церковь против реформации. Одного официального описания движения Вахабитов, как объединения 80 тысяч людей, проповедывавших полное равенство между собой и собравшихся из подонков общества, более чем достаточно, чтобы возбудить негодование и испуг у земельной аристократии [1].

Под религиозной оболочкой Вахабизма таким образом скрывается анти-ростовщическое и анти-помещичье движение масс мусульманского крестьянства восточной Бенгалии. Сам Хантер ясно видит созданную классовыми противоречиями трещину, отделяющую мусульманского помещика от мусульманского крестьянина. Вся цель его труда — показать, что колониальный режим не имеет против себя единого мусульманского фронта, может и должен опираться на помещика, на верхушку духовенства против крестьянства.

На этот же период падают многочисленные бунты на индиговых плантациях Бенгалии и Бихара. Здесь также можно отметить постепенное нарастание этих движений, их растущую зрелость, их растущий размах.

Бурный процесс вторжения денег в экономику индийской деревни, с сохранением феодальной эксплоатации с ростовщической кабалой, стремительные темпы разорения основных масс крестьянства, голодовки — все это нашло революционный отклик в значительных аграрных волнениях в период 1860—1880 гг. Не может быть сомнения, что сколько-нибудь углубленное изучение английских административных отчетов и периодической печати за эти годы, а также судебных материалов, полицейских архивов точнее выявило бы размах этих движений. Одно совершенно ясно. В период 1860—1880 гг. имеет место рост борьбы крестьянских масс, нашедший выражение в ряде значительных крестьянских восстаний, охвативших целые округа с десятками тысяч населения в Бомбее, Бенгалии и Бихаре.

Побочным продуктом первых волн крестьянской революции явилось также законодательство англо-индийского правительства об аренде. Ранаде совершенно прав, когда указывает, что восстания и беспорядки в Восточной Бенгалии проложили дорогу индийскому законодательству о защищенной аренде [2].

Вслед за Бенгальским актом 1859 г. следует закон 1885 г., закон о защищенной аренде в Пенджабе (1887 г.), законы о защищенной аренде в соединенных провинциях Ауда и Агры (1886 и 1887 г.), бомбейский закон 1879 г. О помощи земледельцам Декана и акт 1880 г. в том же Бомбее, принятые под непо-

[1] Хантер, «Наши индийские мусульмане», стр. 100.
[2] «Очерки по экономике Индии», стр. 277.

средственным впечатлением восстания 1875 и 1879 гг.[1] Мы уже останавливались выше на реакционной экономической сущности этого законодательства. Оно сохраняет собственность помещика-феодала на всю принадлежащую ему землю, сохраняет и феодальные повинности крестьян в пользу помещика, но пытается смягчить их так же, как пытается ограничить размер ренты, выжимаемой помещиком из арендаторов. Устанавливаются различные разряды арендаторов с защищенными правами. (Вечных арендаторов, вечно наследственных арендаторов, привилегированных арендаторов, защищенных арендаторов и т. д.). Помещик не может согнать их с земли. Он также не имеет права неограниченно повышать ренту. Все эти виды защищенной аренды не создают свободного крестьянского фермерства, ибо сохраняется весь старый строй аграрных отношений. Увековечивается помещичье землевладение, увековечивается зависимость крестьянина от помещика, и в условиях этой зависимости помещик фактически всегда может обойти закон, повысить ренту или заменить ее другими видами арендных платежей, вовсе не регулируемых законами. В то же время не создается и предпосылок для превращения феодального крупного землевладения в крупное юнкерское хозяйство. Помещик не может согнать с земли защищенных арендаторов. Земельные отношения остаются не расчищенными, хотя бы для юнкерского капитализма в сельском хозяйстве. Вместе с тем наделы защищенных арендаторов быстро становятся объектом купли-продажи, залога и аренды.

Снова и снова стремительными темпами происходит выталкивание непосредственных производителей — крестьян из разряда «защищенных арендаторов» в разряд суб-арендаторов без всяких прав. Стремительными темпами происходит концентрация наделов вечных и защищенных арендаторов в руках торговой буржуазии и буржуазной интеллигенции. Рядом или, вернее, под старым феодалом-помещиком водворился новый слой выжимателей ренты, в оболочке «вечных арендаторов». Общий размер ренты, выжимаемой из крестьянства не уменьшился, а наоборот увеличился. К лестнице полуфеодального землевладения прибавился новый ярус эксплоататоров. Но так наз. «реформы в интересах крестьянства» создали требуемый политический эффект, хотя он и был временным и непрочным; несколько разряжена революционная атмосфера: ценой дальнейшего обострения противоречий выиграно нужное колониальному хозяину время.

Аграрные реформы должны были временно ослабить революционный напор крестьянства. Само колониальное правительство,

---

[1] Одновременно колониальное правительство проводит ряд законов о феодальных майоратах, т. е. пытается остановить процесс перехода земли разорявшейся феодальной знати в руки буржуазии и буржуазной интеллигенции. Таковы «Oudh Talukdar Relief Act» 1870 г., «Broach Talukdar Act» 1871 г.; «Relief of Sind Zamindars Act» 1878 г. и т. д. Колониальный режим, проводя видимость уступок крестьянству, исходил однако из того, что феодалы являются его основной опорой.

кстати сказать, не теряло при этой операции ни одной копейки поземельного налога. Одновременно английская политика стремится нейтрализовать или привлечь на свою сторону те общественные классы, которые могли бы взять на себя руководство крестьянством, превратить разрозненные аграрные бунты в национальное восстание. В связи с этим встал вопрос об отношении к молодой буржуазии. Точку зрения английской бюрократии хорошо отражает «отец индийских Национальных конгрессов» Алан Октовиан Юм. Приведенная ниже выписка относится к концу 1880-х годов, когда Юм был министром земледелия в правительстве Индии, но по своей бывшей должности министра внутренних дел—сохранил теснейшие связи со всем аппаратом тайной и явной полиции.

«Мне показали,—пишет Юм,—7 больших томов, охватывающих основные провинции Индии и содержавших неизмеримое количество полицейских донесений; английские переводы и резюме следовали за длинными информационными материалами на туземных языках. Весь материал был подобран по основным территориальным делениям Индии, районам и подрайонам, городам, столицам, деревням. Эти семь томов включали около 30.000 донесений. Я не читал всего,—материал казался бесконечным. Заглядывая в отдельные места, я подробнее ознакомился с материалом по одному из районов Соединенных провинций, где я долго служил налоговым чиновником. Материал охватил около 300 донесений, и я мог проверить их, потому что знал людей, места, земельные отношения».

Юм далее указывает, что вся эта библиотека доносов и сводок англо-индийской полиции была в его распоряжении лишь короткое время. Он успел просмотреть информацию по Соединенным провинциям, Бихаре и части Пенджаба. Вот его общий вывод:

«Все показывает, что люди низших классов совершенно отчаялись в существующем порядке вещей. Они убеждены, что им остается один исход—голод и смерть. Лучше сделать что-нибудь, помочь друг-другу, и это «сделать что-нибудь» означает насилие. При нынешнем бедственном положении полуголодных низших классов можно было предвидеть, что первые преступления явятся сигналом для совершения сотен и тысяч подобных им, для общих вспышек беззакония, парализующих власть, угрожающих состоятельным классам. Можно было ожидать, что мелкие банды повсюду соединятся в более крупные отряды, подобно каплям воды в ручей. Преступные элементы тоже воспользуются представившимися возможностями, и как только банды примут достаточно крупные размеры, известное число представителей образованных классов, затаивших неосновательную обиду на правительство, присоединятся к движению, дадут ему руководство, придадут единство выступлениям и объединят его, как национальное восстание».

Нельзя быть более откровенным.

В семидесятых-восьмидесятых годах XIX века английские чиновники боялись новой сипайской войны при буржуазном руководстве вместо феодального. Эти страхи скоро рассеялись. На

время отхлынула волна крестьянских движений. Национальные конгрессы выявили себя как организация буржуазно-помещичьей верхушки, не имеющей никакого влияния в массах. Английская бюрократия убедилась как в политической импотенции буржуазного национализма, так и в том, что он представляет объективно враждебные колониальному режиму интересы растущей индийской буржуазии. Конгрессы стали презрительно третироваться английской бюрократией. Лорд Дюфферин отозвался о них в 1888 г. как о партии «микроскопического меньшинства с претензиями на стремительный прыжок в неизвестность».

В 80-х годах внешнее положение Британской Индии было также достаточно напряженным. Начатая торийским кабинетом при вице-короле Литтоне захватная война против Афганистана (1879—1880 гг.) не принесла ожидавшихся легких трофеев. Британская оккупация и позорный, силой навязанный афганцам Гандамакский договор, превращавший независимый Афганистан в английскую колонию, вызвали там народное восстание. Индо-британская армия была порядочно потрепана, и захватчикам пришлось подумать о том, как бы поскорее выбраться из афганской ловушки. При таких условиях необходимо было принять в расчет состояние индийского тыла, тем более, что некогда было долго выяснять настроение индийской буржуазии. Предпочли сразу же сделать некоторые малозначительные уступки, придав им однако демонстративный характер «новой демократической эры» колониальной политики [1].

Удобной ширмой послужило падение консервативного кабинета в Англии и приход к власти либералов во главе с Гладстоном. Новый вице-король Рипон провел «акт о местном самоуправлении», давшем известные ограниченные права цензовой городской буржуазии. Она получила выборное большинство в городских муниципалитетах, однако все городское хозяйство по-прежнему осталось под контролем английского чиновника-назначенца. Были образованы органы самоуправления и в районах, так наз. «Районные комитеты». Их обязательным председателем назначался английский чиновник; выборное начало опиралось на высо-

[1] О значении этого маневра в свете англо-русского соперничества в Средней Азии рассказал впоследствии тот же Ведерберн. (презид. речь на 5-ой сессии Нац. конгресса).

«Хорошо известно, что во всех планах завоевания Индии русские генералы надеются на восстание туземного населения. В 1885 г. они посредством притворной аттаки (захват ген. Комаровым Кушки) пытались проверить свои надежды на опыте. Если бы этот шахматный ход России вызвал малейшие признаки симпатии или только многозначительное молчание в Индии, Россия торжествовала бы, а мы почувствовали бы наше положение ослабленным. Но Индия не рассматривает такие трудные для Англии моменты, как время для подобных выступлений. Наоборот, со всех сторон поднялся патриотический крик. Туземная пресса повела кампанию, призывая население давать людей и деньги, образовать общий фронт против общего врага».

кий имущественный ценз, и в составе этих органов самоуправления преобладали помещики.

Все эти жалкие реформы были преподнесены Индии в качестве школы политической подготовки, в которой образованные индийцы, дескать, получат опыт подготовки к демократическому самоуправлению, которое будет постепенно введено сначала в районе, затем в провинции, чтобы в конце-концов перестроить весь государственный аппарат при участии индийской буржуазии. Наконец Рипон пытался изменить и [illegible]. Его министр юстиции, сэр Кортеней Ильберт, внес законопроект, предусматривающий общий суд для индийцев и европейцев, т.-е. ликвидацию старой привилегии европейцев, на основании которой их дела рассматривались только судьей-европейцем, с европейским же составом присяжных.

Это переполнило чашу долготерпения местной колонии английских плантаторов, банкиров и купцов.

Они не могли стерпеть такого оскорбления. Разве мыслимо, чтобы их, принадлежащих к белой господствующей расе, мог судить индус, хотя бы и состоящий на государственной службе?

Поднялась ожесточенная кампания в англо-индийской печати. Рипону были устроены грандиозные демонстрации. Жены высших чиновников отказались подать руку вице-королю. В палате общин следовал запрос за запросом. Правительство быстро пошло на попятный. Билль Ильберта остался мертвой буквой. Английские плантаторы, фермеры, банкиры еще раз наглядно продемонстрировали общественному мнению Индии, чьи интересы обслуживает англо-индийское правительство. Это дало сильный толчок национальному самосознанию индийской буржуазной верхушки. Туземная печать противопоставила либерала и бескорыстного друга Индии Рипона его чиновничьему окружению. Создался настоящий культ Рипона.

Либеральный индийский буржуа, историк Национальных конгрессов, — следующими чертами изображает Рипона и его политику: Предпринятые им различные меры благодетельной и высокой политики, несмотря на попытки последующих администраторов сузить, обкарнать и даже целиком отменить их, стоят до настоящего времени как твердая цементная стена, которая не только отразила грозную тучу приближающейся бури, но надолго примирила благодарное, хотя и недовольное население с непопулярными методами английской бюрократии[1]. Во всей этой риторике, как в капле воды, отражена вся установка буржуазно-помещичьего конгресса. Вместо борьбы за национальную самостоятельную Индию быть на коленях, вымаливая благодетельных реформ у либеральных вице-королей.

Но для английской политики все еще не было вполне ясно классовое лицо национального движения. На фоне аграрных вос-

[1] Mazumdar «Indian National Evolution», p. 35.

таний в самой Индии и ожидавшегося столкновения с Россией, преемник Рипона — лорд Дюфферин продолжает нейтрализацию нарождающейся буржуазии, направляя ее политику в русло мирных и легальных методов. Дюфферин дает вышедшему к тому времени в отставку Юму негласную инструкцию содействовать оформлению обще-индийской политической организации, которая могла бы и служить авторитетным выразителем мнения «европейски-образованных» слоев индийского общества. Согласно воспоминаниям Вердерберна инициатива исходила от самого вице-короля.

Хотя сам Юм был расположен начать движение социальных реформ, он, очевидно, по совету лорда Дюфферина, взялся в первую очередь за создание политической организации. Вице-король дал ему понять, что в качестве главы правительства Индии он испытывает значительные трудности в определении действительных желаний народа. В целях облегчения самой администрации было бы общественным благом, если бы существовала какая-либо ответственная организация, при посредстве которой индийское правительство было бы информировано относительно состояния общественного мнения Индии[1]. В словах Ведерберна нет оснований сомневаться. Их целиком подтверждает В. Банерджи, председатель 1-го Индийского Национального конгресса. Оказывается, небольшая группа инициаторов была и перед тем осведомлена Юмом о покровительстве вице-короля; их только просили держать дело в тайне до отъезда Дюфферина в Англию[2].

В 1885 г. в крупнейшем промышленном центре Индии в г. Бомбее, состоялся первый съезд Индийского Национального конгресса. На свет выглянула из бюрократических пеленок новая политическая сила. Нарождающаяся буржуазия заявила о своем существовании, сконструировалась в качестве представительницы нации, выступила с критической оценкой окружающего. Она определяла свое историческое место в ряду других классовых сил, создавала свою программу действия, свою идеологию. Все эти моменты отчетливо выступают в истории национальных конгрессов, давших основные программные установки индийского национал-реформизма. И хотя впоследствии не раз менялась тактика национальной буржуазии, хотя она эволюционизировала, тем не менее можно сказать, что основные черты ее экономической и политической программы сложились уже в эту пору[3].

---

[1] Muzumdar «Indian National Evolution», pages 49—50.

[2] Lala Lajpat Rai «Young India» pages 125—129. Compare also «Indian Politics», 1898.

[3] Национальная буржуазия Индии, как и других колоний, не занимает единой позиции в отношении колониального хозяина. Часть этой буржуазии, в первую очередь буржуазия торговая, непосредственно служит интересам империалистического капитала (так называемая компрадорская буржуазия). Она в общем и целом более или менее последовательно защищает анти-национальную империалистическую точку зрения, направленную против всего национального движения, подобно феодальным союзникам империализма и более высоко оплачиваемым туземным

В экономическом отношении решающим моментом было установление юнкерского, дворянско-помещичьего пути развития в качестве образца и идеала. В политическом отношении было важно, что осуществление этого идеала рисовалось пророкам индийского 3-го сословия в виде весьма постепенных и безболезненных реформ, на основе сотрудничества с колониальными хозяевами.

Аграрный вопрос является стержнем буржуазно-демократической революции в колониях и для понимания роли индийской национальной буржуазии в этой революции решающим является, что даже в свои младенческие годы она провозглашает образцами, достойными всяческих подражаний, прусскую реформу 1813 г. и русскую реформу 1861 г., а не Великую Французскую революцию[1].

Юм и Дюфферин жестоко ошибались, когда рисовали себе перспективу буржуазного руководства, которое могло бы возглавить народные крестьянские бунты под знаменем национального восстания. Представительство интересов либерального помещика и буржуа определяет аграрную программу Национальных конгрессов. Здесь, как говорят немцы, и зарыта собака. Здесь в конечном счете лежит причина, почему Национальный конгресс ограничивался либеральной болтовней, робкими пожеланиями реформ, подношением верноподданнических адресов, но никогда не стал, да и не пытался стать боевым штабом национального восстания.

Приведем для начала некоторые данные о социальном составе Индийских Национальных конгрессов. В стенографических отчетах состоявшихся сессий Нац. конгрессов, в приложениях дается именной список делегатов, с обозначением их профессии и социального положения. Эти данные дают возможность с некоторой приблизительной точностью установить классовое лицо Нац. конгрессов. В нашем распоряжении были стенограммы первых шести сессий, и везде социальный состав делегатов распределяется сле-

---

чительными. Остальная же часть туземной буржуазии, и в особенности часть, отражающая интересы туземной промышленности, стоит на почве национального движения и представляет при этом особое колеблющееся, склонное к компромиссам течение, которое можно назвать национал-реформизмом (VI Конгресс Коминтерна. Тезисы о рев. движении в колониальных странах. Стенографический отчет, выпуск 6-й, стр. 135). Самое развитие классовых противоречий колониальной революции рано или поздно приводит буржуазно-помещичий национал-реформизм в лагерь реакции, в лагерь империализма. Но для индийского национал-реформизма характерно не только то, что Национальный конгресс и Ганди выступают в настоящее время прямым пособником империализма в качестве контрреволюционной силы. Характерно, что индийская буржуазия никогда не вела действительной оппозиции, никогда не решалась на революционную борьбу против империализма.

[1] Но даже проведение сколько-нибудь широких реформ в духе перечисленных образцов невозможно, оставалось утопичным в условиях колониального порабощения Индии. Основным пунктом аграрной программы индийской буржуазии сейчас является защита всеми путями и всеми средствами феодально-помещичьего землевладения против аграрно-крестьянской революции.

дующим, примерно, образом: буржуазная интеллигенция — 50%, торгово-ростовщический капитал — 25%, помещики и феодальные землевладельцы — 25%. Почти полностью отсутствует непосредственное представительство интересов промышленного капитала. Фабриканты и заводчики попадаются в числе делегатов лишь в отдельных, редких случаях. Лишь в виде исключения фигурируют крестьяне и ремесленники.

Вот данные по третьей сессии Национального конгресса (Мадрас, 1887 г.):

Раджей	3
Помещиков	158
Буржуазной интеллигенции	302
Купцов, ростовщ. и т. д.	123
Фабрикантов	5
Крестьян	2
Ремесленников	1
Общее число	629

Ту же картину дает пятая сессия Нац. конгресса (Бомбей 1889 г.):

Раджей-принцев (феодальная знать)	24
Помещиков	541
Буржуазн. интеллигенции	933
Купцов, ростовщ., маклеров	564
Членов законод. собраний	8
Крестьян	41
Ремесленников	2
Общее число	2 113

В этот период пророки индийского национал-реформизма отнюдь не скрывали буржуазно-помещичьего характера основанной ими политической организации.

Председатель мандатной комиссии одного из конгрессов характеризует их как: «собрание 1 500 хорошо одетых и хорошо накормленных джентльменов» (Отчет 4-го конгресса 1888 г., стр. 8).

В агитке, выпущенной для массового читателя конгрессом, его основание рисуется следующими чертами[1]:

«В течение последних трех лет многие заминдары, купцы, помещики и состоятельные люди свободных профессий, проживающие в различных местностях Индии, решили встречаться раз в году в том или другом городе для обсуждения дел общественной важности». Там же можно прочитать изумительный диалог между

[1] Брошюра «Беседа между Моулеви Фарид Уд-Дином—адвокатом, членом законодательного собрания и крестьянином Рамбахшем—старшиной в деревне Камбактпур». Цитирую по английскому переводу, приложенному к стенографическому отчету сессии 1887 года.

агитатором конгресса и крестьянином Рамбахшем по вопросу о насильственном свержении английского господства:

Рамбахш (в его крестьянскую голову автор брошюры вложил чисто помещичьи взгляды). «Неужели вы хотите, Моулеви-сагиб, чтобы целью нашего объединения было восстание против правительства? Но что стали бы мы делать после истребления европейцев? Водворилась бы анархия. Этого ли добивается конгресс?»

Фарид-уд-Дин (вполне искренно): «Избави, боже. Это было бы грехом. Зачем нам убивать европейцев? Многие из них действительно хорошие люди, а большинство полны хороших намерений. Кроме того, хотя мы, представители молодого поколения образованных людей, выросли настолько, чтобы помогать им и работать на пользу отечества, но все мы вместе взятые не имеем достаточного опыта и уверенности, чтобы обойтись без европейцев. Убивать европейцев? Какой ужас! Лучше скажем, Рамбахш, — да благословит их господь».

Необходимо резко подчеркнуть то обстоятельство, что Нац. конгресс был не только буржуазной, но и буржуазно-помещичьей организацией, и что в первые годы своего существования, — особенно до выступления тилактистов и образования левого крыла — они представляли даже не мелкую и среднюю буржуазию, а привилегированную буржуазную верхушку. Когда докладчик на сессии 1887 г. Гуру Прасад Сен обосновал резолюцию о необходимости снижения необлагаемого подоходным налогом минимума с 1000 до 500 рупий, он изящно оттенил, что делегаты Нац. конгресса вовсе не преследуют личных и эгоистических целей: «Внесенное мной предложение не в интересах уважаемых делегатов, которых я вижу перед собой. Вряд ли даже 10% их числа имеют доход меньше 1000 рупий. Я имею в виду интерес значительного числа наших сограждан, принадлежащих к среднему классу, которому мы хотим облегчить налоговое бремя»[1].

Для выявления помещичьего влияния в Индийских Национальных конгрессах можно было бы и не обращаться к данным о социальном составе делегатов. Вполне достаточно ознакомления с аграрной программой конгрессов.

Крупнейшим теоретиком по аграрному вопросу безусловно является знакомый нам Махадев Говинд Ранаде. Он стоит за капиталистическое развитие Индии и великолепно видит, что в аграрном строе преобладают феодальные пережитки; он резко критикует реакционное законодательство Англо-Индийского правительства об аренде, поскольку оно пытается ограничить «свободную игру» сил капиталистической конкуренции.

Владелец денег должен стать владельцем земли, и ему должна быть открыта возможность ничем не стесненного хозяйствования на территории, решительно очищенной от всяких крестьянских

---

[1] Стенографический отчет 3 сессии Нац. конгресса, стр. 50.

прав или остатков совместного владения крестьянина и помещика. Закон капитализма — есть само веление природы. «Страна находится в переходном периоде. Из полу-феодального и патриархального состояния мы вступили в более твердый и проникнутый духом коммерческого приобретательства порядок. Период анархии и раздоров сменится миром и спокойствием. Рента в продуктах вытесняется денежной рентой, веление обычаев — законом конкуренции. Прежняя простота исчезла, чтобы дать место более сложной социальной организации. Никакое экономическое законодательство при таких условиях не может остановить потока, который со всей бурной силой нового развития устремляется вперед. Во всех странах собственность, заключается ли она в земле, или в других товарах, сосредоточивается в руках того класса, который имеет большую развитость, предусмотрительность, который не расточителен и знает необходимость сбережений. Земля и деньги неминуемо ускользают из рук тех, кто невежествен, непредусмотрителен, не в силах стоять на собственных ногах. Таков закон божественного провидения»[1].

Критика Ранаде вполне основательна. Сохранив денежное и товарное хозяйство, сохранив угнетенное положение индийского крестьянина, сохранив власть иностранного капитала над Индией, нечего и думать, что возможно остановить путем законодательства об аренде переход крестьянской земли в руки эксплоататоров, нечего и думать об искоренении ростовщичества в порядке бюрократической реформы, раз остаются породившие его экономические условия. Ранаде стоит за создание условий, облегчающих, а не задерживающих развитие капитализма. Его программа в экономическом отношении прогрессивна. Но какой капитализм защищает Ранаде, в чьих интересах лежит намеченный им путь эволюции? Он стоит не за ликвидацию задолженности крестьянства ростовщику, а за выкуп долга государством, т. е. в конечном счете плательщиками должны быть те же крестьяне. Кредитная кооперация приветствуется, но долгосрочные кредиты принесут только помещику и кулаку, а ростовщик и его накопления должны быть защищены от всяких революционных посягательств. Такова программа Ранаде[2].

Основным вопросом является вопрос о земле. Ранаде выступает за очистку земли для капитализма, но в интересах помещика, на основе сохранения помещичьего землевладения, на основе медленной эволюции индийского феодала в аграрного капиталиста-юнкера. Разработанный Ранаде проект разрешения аграрного вопроса есть ухудшенное издание царского освобождения крестьян от земли, есть откровенное выражение помещичьих вожделений. Ранаде не только предлагает отдать небольшому числу помещиков $^2/_3$ земли, а миллионам крестьян — $^1/_3$; он предлагает, чтобы за

[1] Ранаде. Очерки по экономике Индии, стр. 314.
[2] Ibid., стр. 293.

эту жалкую подачку крестьяне вдобавок платили выкупные платежи в продолжение 40—50 лет. Он следующим образом формулирует свои предложения:

«Мы предоставили бы полные права собственности крестьянам, однако лишь на ограниченной части помещичьего владения. Эта земля выкупается с отказом крестьян от всех прав на остальную часть помещичьего владения». Кроме того, крестьяне, оставшиеся собственниками 50 или 30% своего надела, обязываются в течение 30 или 40 лет платить ренту в прежнем размере (учитывая, однако, уменьшение крестьянского надела), и эти взносы образуют выкупные платежи за полученную землю, считая вместе с оплатой процентов по задолженности[1].

Таков идеал молодой индийской буржуазии — прусско-медленный путь капиталистической эволюции: не только освобождение крестьян от земли, но и прикрепление их к помещичьему хозяйству, так как пройдут десятки лет прежде чем крестьянину удастся выкупить землю.

Правда, эта реформа содействовала бы развитию помещичьих экономий в Индии, но в жертву им были бы принесены миллионы крестьянских хозяйств, окончательно разоренных и согнанных с земли. Лишь немногие выбились бы в ряды эксплоататоров, образовали бы тонкую прослойку гроссбауэров. Из двух путей объективно возможного буржуазного развития идеолог национальных конгрессов решительно отстаивает то, что Ленин называл прусским путем развития:

«Пережитки крепостничества могут отпасть и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции. Буржуазное развитие может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплоатации буржуазными,—оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства.

Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» («крупных крестьян»). Во втором случае помещичьего хозяйства нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплоатацию на землях феодалов-помещиков-юнкеров. Во втором случае, основной фон—перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера»[2].

---

[1] Ранаде. «Очерки по экономике Индии». стр. 273—275.

[2] Ленин. Аграрные программы социал-демократии в первой русской революции.

Проповедь Ранаде находила отклик в платформе Национальных конгрессов, его критика реакционного законодательства колониальных хозяйств была положена в основу соответственных резолюций конгресса. Но мы не можем утверждать, что его аграрная программа была официально принята, получила политическое одобрение конгресса[1].

Вопрос о «чистке» земли не был остро-актуальным для индийской буржуазно-помещичьей верхушки. Прилив разоренного и пауперизованного крестьянства в города и без того покрывал относительно небольшие потребности индийских фабрикантов в рабочей силе. Индийский промышленный капитал не форсировал аграрной реформы. Что же касается индийских помещиков — аграрных капиталистов, то они сейчас насчитываются в Индии лишь единицами, а в конце прошлого столетия их и в помине не было. Прежде чем практически ставить вопрос о «чистке» земли, индийский помещик стремится стать на ней полным хозяином; прежде чем развивать капиталистическое предпринимательство в сельском хозяйстве, он хочет обеспечить себе все плоды до-капиталистических методов эксплоатации. Это вопрос об остатках государственного землевладения, о дележе крестьянской ренты между помещиком и колониальным государством, вопрос о том карикатурном, недоразвитом характере, который вообще получает частная собственность на землю в условиях Индии-колонии.

К чему сводятся помещичьи жалобы?[2]. Нельзя сгонять арендаторов с земли, и повышение ренты в некоторых случаях обставлено трудностями. Налог периодически повышается, и, исходя из принципа «гос. собственности на землю», колониальное пра-

[1] Делегат Бихара-Дварко Вингат обосновывает необходимость введения во всей Индии «Постоянного налогового уложения» (Permanent settlement) в целях «чистки» земли совсем в духе Ранаде:

«Предположим на минуту, хотя это вообще говоря неверно, что введение постоянного налогового обложения и поведет на пользу крестьян, или во всяком случае — части крестьян в наиболее отсталых сельскохозяйственных областях. Каков будет окончательный результат этой реформы? Разве желательно, чтобы земля оставалась в руках тех, кто не может улучшить сельского хозяйства? Разве желательно, чтобы земля обрабатывалась бедным крестьянством, кое-как перебивающимся изо дня в день? Разве не лучше, чтобы земледельцы, которые настолько бедны, что не могут улучшить землю, превратились в сельскохозяйственных рабочих, чем оставаться владельцами крошечных наделов? Разве это не лучше для них самих, для сельского хозяйства, для нашей родины? Если введение постоянного налогового обложения превратит кое-где голодающих арендаторов в сытых сельскохозяйственных рабочих, разве это является аргументом против такого рода реформ? По нашему мнению, это аргумент в пользу предлагаемой реформы». (Стенографический отчет сессии конгресса 1890 г., стр. 53).

[2] Вот одна из них: Субраманиа Айер, делегат Мадраса, рассказывает о покупке им крупного поместья в Танджоре и о работе английского налогового аппарата. «Тот факт, что эта провинция была некоторое время свободной от гибельного действия пересмотра старого поземельного налога,

вительство облагает всякое произведенное в хозяйстве улучшение, отбирает себе от 40 до 50% собранной помещиком ренты. Над сборщиком налогов нет судебного контроля, его решение окончательное. Помещик — собственник земли, но в областях «райотвари» ему не принадлежат ископаемые, и если земля остается необработанной, она должна быть возвращена государству. Частная собственность на землю остается под гнетом колониального государства и его налогового аппарата. В областях райотвари и временного заминдари вся земля считается в условном залоге у государства (первая ипотека) [1], и невзнос нескольких копеек налога может повлечь за собой конфискацию. Этим вопросам Конгресс посвящал огромное внимание [2]. Они непосредственно затрагивали материальные интересы буржуазно-помещичьей верхушки и нашли место в требованиях Конгресса, зафиксированных в десятках резолюций. Таковы: введение постоянного налогового уложения по образцу Бенгальского во всей Индии (т. е. ограничение на вечные времена доли колониального государства строго фиксированной суммой налога, в то время как помещик может неограниченно повышать ренту); подчинение английского сборщика налогов контролю судебной власти (в связи с этим требование разделения судебной и исполнительной власти) и в качестве минимальной уступки (если не дадут Permanent Settlement) удлинение сроков периодического повышения поземельного налога, установления жестких лимитов для самого повышения.

Приведем типичную резолюцию 8-й сессии Конгресса (Лагор, 1893 г.): «Подтверждая свои резолюции о необходимости немедленного введения «Permanent Settlement» во всей Индии, Конгресс обращает внимание на то глубочайшее беспокойство, которое вызвано в широких кругах индийской общественности действиями правительства, нарушающими существующие права землевладельцев в районах Permanent Settlement — Бенгалии и Бихаре (введение дополнительных налогов и незаконная топографическая съемка). Конгресс рассматривает такие вмешательства, как нару-

[illegible] трудные сбережения в покупку земли. Но к моему [illegible] удивлению, не прошло и нескольких лет, как местные власти приступили к пересмотру ставок налога. [illegible] Конгресс 1889 г. стр. 50.

[1] [illegible] Датта: «India in the Victorian Age», стр. 276—285, 325, 333.

[2] Сборник «[illegible]», стр. 113, 371, 547, 591, 673, 752 [illegible]: VII, 1889 г.; III, 1890 г.; IX, 1892 г.; X, 1893 г.; XVI, 1894 г.; X, 1895 г.; XII и XVII, 1896 г.; VII и IX, 1897 г.; II, 1899 г.; III, 1901 г.; III, 1902 г.

шение торжественных обещаний самого правительства. Мы стоим перед национальным несчастьем, и Нац. конгресс торжественно обязуется сопротивляться всеми законными конституционными средствами всякой реакционной политике нарушить святость «Permanent Settlement» или права землевладельцев».

Когда дело идет о защите помещичьих интересов, язык резолюций Нац. конгресса возвышается до подлинного пафоса. В других резолюциях Конгресс непосредственно приписывает голодовки и неурожаи английской системе поземельного налога. Так, резолюции VII Конгресса (1891 г., г. Нагпур) подтверждают: «Свыше 50 миллионов населения Индии голодает. Число голодающих увеличивается. Великое множество народа находится в состоянии постоянного недоедания. Миллионы непосредственно гибнут от голодовки». Основная причина — «близорукая система поземельного налога, которая облагает все улучшения в сельском хозяйстве, не дает возможности применять капитал к земле, отнимает последнее у беднейшего крестьянина». Верно, что налоговая система колониального правительства есть система подлинного грабежа. Там, где сохранилось крестьянское землевладение, и крестьяне непосредственно выступают плательщиками поземельного налога, он изымает у беднейших слоев деревни не только ренту и прибыль, но и часть зарплаты [1]. Налог имеет разное классовое содержание для крестьянина и помещика так же, как и для различных слоев самого крестьянства. У крестьянина часто экспроприируется последнее достояние. У помещика отнимают часть (и притом незначительную) ренты, которую тот, в свою очередь, выжал из своих арендаторов. Формально в Индии поземельный налог платит помещик, ибо большая часть земли помещичья. Критика Национальных конгрессов есть критика помещика, овладевшего крестьянской землей и нежелающего делиться добычей с колониальным эксплоататором. Помещичья и ростовщическая эксплоатация являются важнейшими звеньями угнетения и ограбления крестьянства. Лишить колониального хозяина захваченных им «командных высот» можно, лишь свергнув власть английского империализма, возможно лишь путем революционной борьбы крестьянских масс под руководством пролетариата против колониального и полуфеодального режима, против ростовщика и помещика-феодала. Колониальный хозяин никогда добровольно не откажется от такого серьезнейшего экономического рычага, как поземельный налог. Аграрной программе Национальных конгрессов, построенной на требовании закрепле-

---

[1] Исчисленная в процентах валового урожая тяжесть поземельного налога колониальной Индии рельефно выступает по сравнению со средними данными по Европе, где налоговое обложение бедняцко-середняцких масс весьма тяжело. (Оно гораздо выше, особенно теперь, чем то показывают ниже приводимые средние цифры, относящиеся к довоенному периоду):

Индия:	Провинция Мадрас	15%	Германия	3%
	» Бомбей	20%	Франция	4%
	» Соед. Провинции	12—14%	Италия	7%

«Speeches of G. K. Gokhale, Natesan ed. Madras. 1920, стр. 94.

ния всех видов помещичьей собственности и уменьшения налогового обложения помещичьей земли, революционное крестьянство, руководимое пролетариатом, противопоставляет программу полного уничтожения помещичьего землевладения, ликвидации феодальных остатков и всех остатков государственного землевладения, прикрывающих хищный налоговый аппарат иностранных капиталистов.

Какова экономическая основа нарождающейся буржуазии? На аграрных программах Национального конгресса мы показали, что, намечая юнкерский путь капиталистической эволюции, Конгресс однако делает основное ударение не на скорейшей очистке земли, а на превращении земли в полную частную собственность помещика, на окончательном устранении государственного землевладения, на увеличении доли помещика в крестьянском урожае за счет снижения доли английского сборщика налогов. Для того, чтобы приняться всерьез за сгон крестьянства с земли, чтобы превратиться в аграрного капиталиста, индийский полуфеодальный помещик хочет стать полным хозяином своей земельной собственности, хочет прежде всего обеспечить себе все плоды докапиталистического накопления. Национальный конгресс лишь теоретически намечает перспективы развития капиталистического земледелия и выдвигает в качестве его основной предпосылки закрепление и расширение прав помещичьей частной собственности на землю. Такая постановка вполне отвечает экономическому положению самой индийской буржуазии. Юнкерское помещичье хозяйство безусловно было тенденцией развития (притом лишь одной из тенденций), но еще не стало фактом. В сельском хозяйстве Индии феодальные и ростовщические эксплоатации решительно преобладают над применением наемного труда. Индийская буржуазия представляет прежде всего торгово-ростовщический капитал, оседающий на землю и образовавший слой полуфеодальных помещиков. Прослойка индийского промышленного капитала была исключительно слаба. Впрочем, ведущая отрасль туземной промышленности — текстильная — переживает пока бурный подъем на основе широкой экспансии на дальне-восточных рынках. Бомбей был мало связан с внутренним рынком, еще не испытал на собственном опыте конкуренции Ланкашира, опирающейся на командные высоты британского капитала в Индии. И все же Национальный конгресс довольно чутко откликается на запросы индийского промышленного капитала[1]. Конгресс протестует против английской таможенной политики, которая мешает Бомбею перейти к выработке высших сортов тканей и пряжи с помощью ввозного египетского хлопка. Конгресс решительно осуждает акцизную по-

[1] Для отношения конгрессов к рабочему вопросу характерен их протест против ограничения женского и детского труда на подземных работах в горной промышленности (резолюция XXV, 1901 г.). Конгресс почтительно предлагает, чтобы Акт об индийской горной промышленности в части, где он налагает ограничения на использование рабочей силы, не вступил в силу.

литику правительства Индии, вставляющую палки в колеса индийским текстильным фабрикантам, практикующим демпинг на дальневосточных рынках. Произносятся речи и выносятся резолюции о необходимости расширения области технического образования. Но все эти вопросы не занимают решающего места. Они ставятся вскользь, и им не придается крупного политического значения.

Индийская буржуазно-помещичья верхушка уже накопила значительные капиталы и, конечно, заинтересована в их прибыльной инвестиции; она также заинтересована в усилении темпов своего первоначального накопления и высказывается за создание известных предпосылок для развития капиталистического предпринимательства в промышленности и в сельском хозяйстве, но сама делает лишь первые робкие шаги на этом пути и слишком хорошо сознает свою слабость по сравнению с иностранным капиталом, свою политическую и экономическую зависимость от него.

Представительство интересов либерального помещика и узкой буржуазной верхушки определяет общий характер работ Национальных конгрессов. Глубокая пропасть разделяет «насильственные методы» Васудева Бальванта от легальных путей Ранаде и Наороджи, революционное крестьянство от буржуазно-помещичьих Нац. конгрессов. Это—пропасть классовых противоречий, а вовсе не разница культурного уровня буржуазии и крестьянства. Причина изоляции Конгресса от трудящихся масс лежит вовсе не в том, что европеизированная интеллигенция, прошедшая выучку в английских колледжах и университетах, давно забыла бенгали и урду, бредит Миллем и Бентамом, в то время как индийский крестьянин часто не знает азбуки на родном языке и продолжает поклоняться многоруким и многоликим богам индуизма. Нарождающаяся буржуазия твердо наметила своей целью не революцию снизу, а реформы сверху; не уничтожение, а сохранение помещичьей собственности; не французский образец якобинского истребления феодалов, а прусский образец их медленного обращения в юнкеров-помещиков[1]. Пророки индийской буржуазии великолепно понимают то, что им не по пути с революционными массами. Своеобразие первого этапа буржуазно-национального движения состоит не только в том, что Национальный конгресс защищает интересы буржуазно-помещичьей верхушки, а и в том, что Ранаде

---

[1] Вот какими чертами характеризует индийский буржуа Великую Французскую революцию—образчик революционной ломки феодального строя: «Когда в конце XVIII века Французский народ, взбешенный жаждой крови, избивал во святое имя свободы эмигрантов и аристократов, когда дикая расправа не останавливалась перед невинностью молодости, слабостью женщин и беспомощностью стариков, когда кровожадная толпа зверей в человеческом облике рычала от восторга, любуясь казнью благородного Людовика, страдалицы Марии Антуанетты, просвещенного Бальи, ученого Мальзерба и тысячи других жертв,—кто осмелится утверждать, что голос Французского народа в ужасную годину террора был голосом бога, а не дьявола?» (Президентская речь Лаль Мохуна Гхоза. Сессия 1903 г. «Индийские Национальные конгрессы», стр. 718).

и Гекхель не прячут своего классового лица, не затушевывают своих интересов, противоположных интересам крестьянства. Деятели Нац. конгрессов сами рекомендуют себя в качестве представителей «лучших людей Индии», помещиков, богатеев-купцов, буржуазных интеллигентов, плательщиков по высшим разрядам подоходного налога; они открыто солидаризируются с проектами «сгона» крестьянства с помещичьей земли, подчеркивают свое пренебрежение к голодным и темным массам. Индийский национал-реформизм всегда будет стоять за медленный путь реформ против революционной ломки феодально-колониального строя, но впоследствии изменится его фразеология, изменится тактика, будет сделана не одна попытка использовать массы и массовое движение для получения уступок у империализма. Пока еще буржуазная верхушка не пытается найти опорной точки в народных массах, потому что она не нуждается в ней. Национальная буржуазия еще надеется получить удовлетворение своих требований, не оказывая давления на колониального хозяина. Национальная буржуазия пока исходит из единства, а не из противоположности интересов английской и индийской буржуазии, она полна иллюзий, что намеченный ею путь мирного и постепенного превращения Индии из классической колонии в образцовое буржуазное государство не встретит препятствий со стороны мощного монополиста — иностранного капитала. Противоречия с колониальным режимом не получили достаточного развития, и это объясняет нам, почему Национальные конгрессы не делают тактических и демагогических попыток найти массовую опору, использовать в своих интересах возникающие помимо их воли крестьянские движения и выступления городской бедноты. Еще одно обстоятельство. Ничто пока не угрожает буржуазно-помещичьей гегемонии в национальном движении. Индийский пролетариат еще не выступил на политическую арену. Едва начинает складываться радикальная оппозиция в рамках самих Национальных конгрессов (Тилакизм).

Наряду с Ранаде крупнейшим теоретиком национальной буржуазии безусловно является Дадабхай Наороджи, выходец из бомбейской купеческой семьи. Он трижды председательствовал на съездах Национальных конгрессов, был избран в английский парламент по списку либеральной партии от округа Финсбури и в своей политической деятельности так же, как и в научных трудах, пытался перебросить мост от индийского национализма к английскому либерализму.

Основной труд Наороджи носит программное название «Бедность Индии или не-английское правление». Наороджи отождествляет «английское» с буржуазным. По его мнению, методы господства и политики английской буржуазии должны покоиться в Индии на тех же самых принципах, как и в самой Англии, в противном случае это будет «неестественной», «не-английской» политикой, нарушением добрых принципов буржуазной демократии, которые так дороги всякому англичанину. Стоит доказать англий-

скому общественному мнению, что колониальный режим грабит Индию вопреки всем правилам буржуазной этики, стоит разъяснить английскому парламенту, что индийцы устранены от управления собственной родиной, в явное нарушение принципов буржуазной демократии, как тотчас же рассеется вековое недоразумение, и «ненормальная», «не-английская» политика угнетения и ограбления Индии вдруг сменится братским сотрудничеством английской и индийской буржуазии. Сам Наороджи неплохо понимает, что с доводами чистой морали далеко не уйдешь, когда дело идет об интересах кармана. Он не только апеллирует к чувству справедливости и врожденному демократизму английских буржуа. Он доказывает, что если удастся поднять уровень материального благосостояния индийского крестьянства, то соответственно увеличится его покупательная способность, увеличится емкость индийского рынка для Ланкашира и Бирмингэма. «При нынешней неестественной политике Англия берет из того немногого, чем обладает Индия; при политике естественной и справедливой она будет брать не из недостатка, а из избытка. Манчестер сможет к полному своему удовлетворению продолжать свободную торговлю с Индией»[1]. Указывая, что реформы необходимы не только в интересах индийской, но также и английской буржуазии, Наороджи робко по-кадетски пугает революцией. «Цель моих писаний, — пишет он в предисловии к своей книге, — заключается в том, чтобы дать возможность британскому народу уяснить, что нынешняя нечестная, не-британская система управления Индией неминуемо ведет к гибели Британской империи, чего однако можно избежать, если сами англичане поймут свой долг в отношении Индии и останутся верными английским инстинктам честности и справедливости, выполнят данные Индии торжественные обязательства и обещания». В другом месте он развивает ту же мысль: «Если в конце концов народ придет в отчаяние, не видя и проблеска надежды, если во главе его станут пылкие, образованные юноши, не имеющие достаточного жизненного опыта, то в короткое время можно ожидать поворота от лояльности к недовольству, и накипающее негодование направится против английского господства»[2].

Весь труд Наороджи посвящен попытке установления прямой связи между индийскими голодовками и выкачиванием колониальной дани. Выкачивание дани (от 30 до 40 миллионов фунтов стерлингов ежегодно) обескровливает Индию, лишает ее капиталов, которые могли бы послужить основой для индустриализации Индии. Выкачивание колониальной дани препятствует накоплению капиталов в самой Индии; англичане в то же время привозят обратно уже в качестве собственных инвестиций выкачанные из Индии капиталы, захватывают основные отрасли промыш-

[1] Наороджи. «Бедность Индии», стр. 136.

[2] Ibid., стр. 207.

лениости, важнейшие области торговли, что в свою очередь влечет за собой дальнейшее выкачивание колониальной дани»[1].

Исходя из положения Милля, что «развитие промышленности ограничено наличным капиталом», Наороджи приходит к выводу, что, поскольку лишь медленно развивается туземная промышленность и в то же время выкачивается колониальная дань, прекращается воспроизводство и наступает голод. Сократите выкачивание колониальной дани, сократите военные расходы, уменьшите тяжесть налогового обложения, удешевите госаппарат путем замены дорогих европейских чиновников дешево оплачиваемыми индийцами, — и все пойдет, как по маслу. Теоретические положения Наороджи не выдерживают никакой критики.

Воспроизводство в Индии совершается, хотя и на суженной основе, колониальная дань сокращает темпы накопления туземной буржуазии, но не исключает его. Вся система колониальной феодальной эксплоатации является причиной деградации бедняко-середняцких хозяйств и голодовок. Поземельный налог не играет здесь решающей роли. Тяжесть поземельного налога помещик-индиец перекладывает на крестьян и извлекает вдобавок порядочный куш в виде ренты. Трудящиеся массы Индии уплачивают колониальную дань, и за вычетом доли иностранного капитала туземной буржуазии остается немалое количество прибавочного продукта. Бедность трудящихся масс не исключает классового расслоения. Между тем у Наороджи «бедность Индии» приобретает некие внеклассовые черты... «В Индии нет богатых... нужно понимать величайшую разницу между бедностью широких масс Индии и нищетой в европейских странах; первые голодают от действительного недостатка, вторые имеют много, но страдают от недостатка в системе распределения»[2].

Критикуя колониальные порядки, ратуя за создание условий, максимально облегчающих темпы накопления отечественной буржуазии, Наороджи остается истинным сыном своего класса и своей эпохи. Частично раскрывая механику ограбления Индии, изобличая тяжесть поземельного налога, анализируя характер расчетного баланса Индии, Наороджи забывает упомянуть о таком «пустяке», как консервация иностранным капиталом феодальных пережитков, как неразрывная связь эксплоататорской цепочки помещика — ростовщика — сборщика налогов. Отношение ветерана конгрессов к аграрно-крестьянской революции выясняется не только из этого заговора молчания, но и из конкретного призыва: «Охранить привилегии туземных принцев и не тревожить их неосторожным вмешательством»[3].

Как ни старается Наороджи сохранить основную установку принципиального тождества интересов управляемой Индии и господствующей метрополии, как он ни ограничивает свою критику

[1] Наороджи. «Бедность Индии», стр. 38.
[2] Ibid. стр. 217.
[3] Ibid. Стр. 218.

лишь проявлениями «ненормальностей» колониальной политики, результаты получаются довольно плачевные. Скорбя за интересы собственной буржуазии, Наороджи устанавливает растущее из года в год выкачивание колониальной дани. Из дохода в 30 фунтов стерлингов на голову населения в год, англичанин уплачивает лишь 2 фунта и 10 шилл. налога (8%). В то же время индиец из индийского дохода в 40 шилл. в год отдает колониальному правительству 6 шилл. или 15%. Растут военные расходы, не имеющие ничего общего с интересами обороны Индии. За поддерживание «права и порядка» приходится платить чересчур дорого. Английские колонизаторы ввели частную собственность на землю, как будто обеспечили внешнюю и внутреннюю безопасность Индии, но «если английские правители стоят часовыми у ворот нашей родины, вызывающе заявляя всему миру, что сумеют защитить Индию против всех внешних посягательств, они сами уносят через заднюю дверь все богатства, которые они призваны охранять ...В Индии существует полная безопасность и неприкосновенность собственности лишь для самих англичан. Они в полной безопасности выкачивают индийскую собственность на сумму от 30 до 40 миллионов фунтов стерлингов в год»[1]. Довольно сомнительный способ доказательства чистоты моральных принципов той «гениальной» либеральной партии, к которой примкнул сам Наороджи и которая не хуже консерваторов умела грабить колониальные массы.

Экономические интересы нарождающейся буржуазии определяют ее политические требования. Разделение судебной и исполнительной власти должно, наконец, дать твердые гарантии частной собственности, поставить всемогущего чиновника-сатрапа под контроль суда, обуздать аппетиты английского сборщика налогов. Увеличение туземного элемента на высших местах государственного аппарата не только удешевит его содержание, но откроет широкую дорогу индийской буржуазной интеллигенции, усилит влияние самой буржуазии. Государственный бюджет обслуживает лишь потребности колониального хозяина. За вычетом расходов по уплате колониальной дани, содержанию армии и чиновничьего аппарата (здесь опять-таки львиная доля достается не-царски оплачиваемым офицерам и бюрократам-европейцам), — на народное просвещение, здравоохранение, общественные работы остаются жалкие крохи[2].

Добиваясь снижения военных расходов, указывая на то, что англо-индийская армия обслуживает «имперские» нужды, т. е. за-

[1] Наороджи. Бедность Индии, стр. 224.

[2] Гокхале [illegible]: «Доходная часть нашего бюджета составляет 44 млн. фунтов, из них свыше 50% съедает [illegible] армия. Колониальная дань [illegible] около 40%. [illegible] около 20 млн. фунтов из 44 млн. Около 3 млн. фунтов идет на содержание чиновников-европейцев; лишь 7 млн. фунтов остается в распоряжении правительства на все остальные нужды Индии». Гокхале «Речи и статьи». Речь о бюджете, 1905 г., стр. 6[illegible].

ляется орудием колониальных захватов английской буржуазии в Азии и Африке, а потому его и должно оплачиваться, отстаивая увеличение ассигновок на просвещение и общественные работы, предлагая тысячу проектов, которые несколько снизили бы выкачивание колониальной дани и увеличивали бы ее собственные накопления, — нарождающаяся буржуазия хорошо понимает, что резолюции Национального конгресса не стоят и бумаги, на которой написаны, пока политическая власть остается всесильной диктатурой иностранного капитала, пока индийская буржуазия остается без всякого влияния на государственную политику, пока она лишена минимальной возможности контролировать бюджет и финансы.

Все частичные пожелания объединяются общим требованием постепенного введения представительных учреждений. Частичное привлечение цензовой буржуазии и буржуазной интеллигенции к власти, но отнюдь не буржуазная демократия; переустройство колониальной администрации при участии «лучших людей Индии», но без всякого участия масс; избирательное право, но ограниченное высочайшим имущественным и образовательным цензом,—такова политическая программа конгрессов. Отвечая на критику англо-индийской печати, обвинявшей Конгресс в далеко идущем радикализме, Сурендра Нат Банерджи заявил: «Мне неизвестно, чтобы Конгресс когда-либо выдвигал требование представительных учреждений для масс нашего народа или для женщин нашей страны... Мы будем вполне удовлетворены, если получим представительные учреждения измененного типа, куда войдут образованные слои Индии, каковые, благодаря их высокому культурному уровню, их идейной близости и детальному знакомству с английскими методами государственного управления, могут почитаться подготовленными для этой ответственной задачи»[1].

На сессии 1887 г. Телянг еще более резко отмежевался от «демократических бредней», которые лорд Дюфферин, недовольный собственным детищем, поспешил приписать Конгрессу. Телянг заявил: «Ни сам Конгресс и никто из его ответственных деятелей никогда не требовали полной переделки государственной системы Индии на основе демократических методов...

...Критицизм лорда Дюфферина совершенно справедлив, но дело в том, что мы никогда не добивались демократической формы правления. Мы не требовали немедленного дарования Индии парламента, который сама Англия получила лишь после многих столетий подготовки и дисциплины; мы не стремимся к полному контролю над бюджетом, мы не желаем, чтобы английская исполнительная власть была нам подчинена... Пусть верховная власть остается в тех руках, в которых находится в настоящее время.

[1] Председательская речь на сессии 1895 г. Национальные конгрессы, цит. соч., стр. 205.

Но мы хотели бы, чтобы при ее осуществлении с нами советовались, считались с нашим мнением»[1].

Теперь об идеологии раннего буржуазного национализма.

Осознавая себя в качестве буржуа, индийский либеральный помещик или интеллигент необходимо берет образцом знакомого ему по книгам и из личной жизни английского буржуа. Стараясь подражать ему в языке, культуре, обычаях, верхушка индийского общества делает это в убеждении, что этот путь выводит ее на широкую дорогу капиталистического развития, превращения Индии из классической колонии в образцовое буржуазное государство. Показывая свое полное сходство, как буржуа, с английским оригиналом, его индийский подражатель подкрепляет этим своим качеством свои экономические и политические притязания. Но чем больше осознает себя индийская буржуазия именно в качестве таковой, тем быстрее выступают отовсюду противоречия, разрывающие призрачное единство интересов Англии и Индии. Усиление буржуазных элементов индийского общества имеет своей основой укрепление капиталистических элементов индийской экономики. Но хотя молодая индийская буржуазная интеллигенция хорошо владеет английским языком, великолепно усвоила историю английского парламентаризма, знает наизусть Бентама и Милля, все эти качества оказываются явно недостаточными, чтобы подкрепить притязания нарождающейся индийской буржуазии на участие в политической власти[2].

Вместе с тем приходится указать, что это первоначальное отождествление или приравнение интересов английской и индийской буржуазии—отнюдь не результат самообмана.

Идеи индийской буржуазии имеют своим источником вовсе не то, чем ее сынам забивают головы в английских колледжах и университетах, а классовое положение самой туземной буржуазно-помещичьей верхушки. Когда идет речь о слепом подражании европейским образцам, надо отдать себе ясный отчет в том,

---

[1] Только Аллаху ведомо, каким образом т. Мухарджи ухитряется изобразить Телянга и Ранаде «якобинским ядром индийского национализма» («Англия и Индия», стр. 260).

[2] Тезисы VI Конгресса указывают: «Различные туземные капиталисты правда, по своим непосредственным интересам, большей частью связаны разнообразными нитями с империалистическим капиталом. Империализм может непосредственно подкупить значительную часть их, мог бы даже для еще большей части, чем до сих пор, создать известное компрадорское положение—положение торгового посредника, суб-эксплоататора, надсмотрщика над порабощенным народом. Но положение рабовладельца, монополистического верховного эксплоататора—империализм оставляет для самого себя. Независимое господство, будущность «свободного» самостоятельного капиталистического развития, гегемонии над «независимым народом», —всего этого империализм никогда добровольно не уступит национальной буржуазии. В этом пункте противоречие интересов между национальной буржуазией колониальной страны и империализмом объективно носит коренной характер» (6 выпуск стенографического отчета. Стр. 137).

что это за образцы. И тогда выясняется, что идеология раннего индийского национализма отражает не только недостаточное развитие противоречий между интересами национальной буржуазии и колониального режима, но также дает известное представление о самом характере этих противоречий. Индийская буржуазия берет за образец английскую буржуазию, которая уже завоевала власть, утвердила свое политическое господство, закрепленное и оформленное парламентарным режимом, ликвидировала власть феодалов. Между тем индийская буржуазия стоит лишь у порога буржуазно-демократической революции. Феодальные остатки не сломлены, феодал является опорой колониального режима, а самый колониальный режим служит величайшим тормозом сколько-нибудь свободного развития капитализма. Копируя Национальными конгрессами современный английский парламент вместо того, чтобы подражать «очищенному парламенту», пославшему на смерть Карла I, воспитывая своих вождей по образцу и подобию Гладстонов и Брайтов, в то время как перед ними стояли исторические задачи Кромвеля и Робеспьера, делая вид, что буржуазно-демократическая революция в Индии в основном закончена, молодая индийская буржуазия лишний раз демонстрирует, что свою тяжбу с колониальным хозяином она будет решать не в революционных боях, а на парламентской трибуне, на гладком паркете вице-королевской передней.

Как ставят Конгрессы национальный вопрос? Конгрессы не могут поставить задачу буржуазно-демократической революции и национального раскрепощения Индии во всей ее широте; они отворачиваются от крестьянства, от народных масс, наиболее эксплоатируемых и угнетенных, наиболее заинтересованных в том, чтобы положить скорейший конец этой эксплоатации. И совершенно так же, как буржуазно-помещичья верхушка отстаивает путь юнкерской реформы против плебейского разрешения аграрного вопроса, она против национальной революции, за национальную эволюцию. В самом английском господстве над Индией будто-бы оказываются заложенными все предпосылки ее национального раскрепощения. Власть английского капитала, его государственный аппарат угнетения Индии, т. е. именно те препятствия, которые нужно сломить, уничтожить, чтобы добиться свободного национального самоопределения Индии, Конгресс выдает за лучшие условия, обеспечивающие это самое национальное самоопределение[1]. Развитие национального движения было вызвано английским режимом колониаль-

[1] [illegible] Национальных конгрессов и председатель сессии 1916 года, [illegible] английское колониальное государство [illegible] национальный центр Индии: «Государство является [illegible] национальности [illegible] рассыпались бы, как карточные домики, [illegible]. При существующих условиях нелепо и думать, чтобы Индия могла сохранить свою национальность и в то же время добивалась национальной [illegible]» (Мазумдар, «Индийская национальная эволюция», стр. 159).

ного гнета и чрезмерной эксплоатации. Предпосылками для самоопределения Индии, как нации, служат вовсе не европейское образование, полученное интеллигентской верхушкой. Огромные народные массы все отчетливее улавливают связь между их политическим и национальным бесправием и между их бедственным экономическим положением. Для успешности борьбы Индии за ее национальное освобождение вовсе не требуется реализация таких предварительных условий, как единство языка и культурных навыков, которые могут явиться лишь результатом завоевания независимости и последующего свободного размежевания многочисленных национальностей, занимающих индийский полуконтинент.

Опаснейшее извращение ранней истории индийского буржуазного национализма дает ренегат Рой. Поскольку его установка по этому вопросу еще не подвергалась критике и еще недавно находила отклики у некоторых товарищей, мы остановимся на этом подробнее.

Наша работа осталась бы не полной, политически не заостренной, если бы мы прошли мимо «роевской» трактовки возникновения индийского буржуазного национализма. Это не есть вопрос академического значения, а актуально-политический, связанный со всей стратегией и тактикой индийского пролетариата, связанный с борьбой за революционную теорию, без чего не может быть правильного подхода к практике революционного движения. Разоблачение «роевщины», ставшей одним из отрядов контрреволюционного троцкизма, получает тем большее значение, что ряд авторов до сих пор протаскивает роевские концепции.

Ренегат Рой в своей трактовке индийского буржуазного национализма исходит из теории «деколонизации», из теории, которая прикрывает свою меньшевистскую и буржуазную сущность «левой фразой» о том, что Индия и Китай находятся на пороге социалистической революции, о том, что мы имеем дело с социалистическим переворотом. Этим самым он снимает с порядка дня аграрно-крестьянскую революцию, перепрыгивает через буржуазно-демократический этап революции. У него отсутствует перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Таким манером Троцкий и Рой утверждают и защищают гегемонию контрреволюционного, буржуазно-помещичьего блока и в Индии, и в Китае, проповедуют учредилку во главе с Чан-Кай-ши, как воплощение «социалистического переворота».

Для того, чтобы обосновать свою концепцию, т. е. снять с порядка дня аграрно-крестьянскую революцию, для того, чтобы вбить клин между пролетариатом, как гегемоном анти-империалистической и анти-феодальной революции, и многочисленными массами бедняцко-середняцких слоев индийской деревни—его основным союзником—прежде всего необходимо облагообразить колониально-феодальный режим, необходимо причесать его в духе нормальной капиталистической эксплоатации, необходимо отрицать господствую-

щее значение феодальных пережитков в индийской деревне. Это тем более легко дается ренегату Рою и в известной степени повторяющему его тов. Мухарджи, что они искренно верят в «благодетельную роль» империалистического господства, тем самым выступая апологетами колониального хозяина и преословутой «западной цивилизации». Эта сторона творений т. Мухарджи достаточно вскрыта марксистской критикой последних лет, и мы не будем затруднять изложение многочисленными ссылками на его книги, где рассказывается, как колониальные хозяева «двинули вперед развитие производительных сил», «подняли сельское хозяйство», «создали все предпосылки буржуазного развития Индии» и т. д. Отсылаю интересующихся к рецензиям тт. Фрейера и Ульяновского[1].

Основное положение Роя — буржуазно-демократическая революция в Индии снимается с порядка дня, потому что сами английские хозяева были носителями этой революции, в основном закончили дело буржуазно-демократических преобразований. Рой прямо пишет: «история лишила индийскую буржуазию благодарной миссии освободительницы народа от феодального рабства... Политическая революция, имеющая своей целью создание буржуазного государства на развалинах феодализма,—уже была совершена в форме британского завоевания»[2].

Той же точки зрения придерживается и т. Мухарджи в своей последней книге. По существу он защищает роевские позиции роевскими же аргументами: «Можно сказать»,—пишет т. Мухарджи,—«так как буржуазная революция частично была проведена при посредстве британского управления, индийская буржуазия вполне солидаризировалась с английской буржуазией»[3].

Таким образом, причина преемникательства Национальных конгрессов перед колониальным хозяином лежит вовсе не в том, что классовую базу этих конгрессов составляют либеральные помещики и крупные буржуа, которые стремились к реформам, а не к революции, а в том, что революцию якобы незачем было делать, поскольку феодализм был уничтожен английским завоеванием. Второй момент. Рой способен представить себе развитие капитализма в Индии только так, как его рисует себе сама индийская буржуазная верхушка, в ухудшенном колониальном издании юнкерского перерождения феодала-помещика. Для Роя не существуют миллионные массы индийского крестьянства. Для него не существует аграрно-крестьянской революции, как стержня буржуазно-демократической революции и национального раскрепощения Индии. Раз крестьянство не знакомо с Карлейлем и Бентамом, раз для его достижения остались пресловутые «дары западной цивилизации», оно оказывается вовсе исключенным из по-

---

[1] Б. Фрейер — «Против буржуазно-либеральной трактовки истории Индии», журнал «Коммунистический Интернационал» № 49—50, 1929 г. Р. Ульяновский «Рев. Восток», № 8, 1930 г.

[2] «Новая Индия», стр. 137.

[3] «Англия и Индия». ГИЗ, 1929 г., стр. 130.

литической жизни: «Политика, формы правления, национальное угнетение или свобода,—пишет Рой,—все это было за пределами интересов и понимания народных масс; единственно, кто обнаруживал признаки духовной и политической жизни, так это новая европейски-образованная и приобщенная к западным идеям интеллигенция»[1].

Таким образом для Роя крестьянские восстания не есть борьба против феодальных пережитков и против национального угнетения, они не являются борьбой за свободу. Этого обозначения, по Рою, заслуживает только помещичье-буржуазная оппозиция Национальных конгрессов. Рассматривая буржуазно-демократическую революцию, как уже пройденный этап, замалчивая основное противоречие между колониально-феодальным режимом и широчайшими массами деревни, не упоминая ни полслова о крестьянских восстаниях 1860–1880 годов, Рой спешит представить Национальные конгрессы в качестве интеллигентско-буржуазной организации, едва ли не чисто интеллигентской. Целиком смазана буржуазно-помещичья основа конгресса; целиком смазана их аграрная программа, продиктованная интересами помещиков; целиком исчезла «территориализация» туземного буржуа, в качестве феодального эксплоататора крестьянства. На первом плане у Роя и его сторонников выступает интеллигенция. «Конгресс явно отразил стремления и требования одной лишь интеллигенции. Экономические интересы буржуазии оставались пока только скрытой закулисной силой»[2].

Национальный конгресс здесь выступает перед нами как надклассовая организация бескорыстных борцов, за раскрепощение Индии. Под такой характеристикой подпишется любой буржуазный историк индийского национализма. Недалеко от Роя ушел и т. Мухарджи. Он сообщает нам, что «конгресс представляет собой объединение индийской интеллигенции и буржуазии» и в другом месте «организованный таким образом Конгресс покоился на объединении высшей интеллигенции и крупных капиталистов»[3]. Правда, т. Мухарджи там же прибавляет, что «индийский национализм находился в теснейшей связи с британским капиталом и по *существу представлял лишь часть британской капиталистической системы и его руководящего бюрократического аппарата*». В другом месте Национальный конгресс прямо объявляется «объединением английской и индийской буржуазии». Получается, что между индийской буржуазией и колониальными хозяевами не было никаких противоречий; получается, что феодально-империалистический блок целиком сливается с национально-реформистским лагерем; получается, что индийский национал-реформизм, как родился, так и оставался контрреволюционной силой, получается «левацкая недооценка» буржуазного национал-реформизма, который на первых этапах движения играл в

[1] Рой, «Новая Индия», стр. 132.
[2] Ibid, стр. 139.
[3] «Англия и Индия», стр. 137; «Аграрная Индия», стр. 374.

Индии роль оппозиции колониальным хозяезам и только с переходом классовой борьбы на высшую ступень закончил свою эволюцию в лагере контрреволюции, в лагере феодально-империалистического блока. Но эти «левацкие загибы» являются лишь узором на основной ткани оппортунистических писаний тов. Мухарджи. Оказывается, что та самая туземная буржуазия, каковая характеризуется самим тов. Мухарджи в качестве контрреволюционной силы, в то же время является и силой подлинно революционной. Оказывается, что Телянг и Ранаде, с которыми мы достаточно подробно познакомились ныне, являются не чем иным, как «якобинским ядром индийского национализма»[1]. Оказывается, что Ранаде и Телянг, боявшиеся даже произнести слово «независимость», лакейски прислуживавшие перед колониальным хозяином, планировали «насильственное ниспровержение британского правительства», но дело сорвалось, ибо, как поясняет тов. Мухарджи, «время для этого еще не наступило, и сам Ранаде не удержался на своих позициях». Но буржуазные якобинцы Индии, восторженно воспетые тов. Мухарджи, не вывелись после Ранаде и Телянга. Оказывается, что младший Неру и ему подобные предатели борьбы за независимость Индии являются не чем иным, как продолжателями Ранаде и Телянга. Тов. Мухарджи сообщает нам, что «в декабре 1927 года влияние буржуазной школы Ранаде проявилось в принятой конгрессом резолюции, заявлявшей, что «целью ее является достижение полной независимости» и в лозунге лиги индийской независимости»[2].

Тов. Мухарджи проявил также исключительную изворотливость в деле маскировки помещичьего характера индийских Национальных конгрессов, проявил исключительное искусство в деле прикрытия индийского помещика. И если правые оппортунисты школы Приснякова-Прандуста широко использовали подмену ленинского термина «торговое земледелие» термином «торговое землевладение» для того, чтобы облагообразить персидских крепостников, загримировать их под капиталистическое предпринимательство, то т. Мухарджи пользуется для этой же цели понятием интеллигенции. Интеллигенция выступает у него в качестве особого класса, в котором трогательно объединяются мелкобуржуазные разночинцы, ведущие полуголодное существование, и крупнейшие помещики-феодалы, владеющие тысячами и десятками тысяч деревень. Предоставим слово тов. Мухарджи: «Помещики-арендаторы,—пишет он,—как социальная группа принадлежат к той политической группировке, которая называется интеллигенцией, но они не являются единственной составной частью индийского интеллигентского класса»[3].

Кто же входит в состав этого «интеллигентского класса»? В первых рядах идут 8 000 000 мелких помещиков, при чем тов. Мухарджи оговаривается следующим образом: «Как я уже отмечал

[1] «Англия и Индия», стр. 260.
[2] «Англия и Индия», стр. 149, 260, 261.
[3] «Англия и Индия», стр. 119.

в предыдущих главах, к интеллигенции принадлежит также значительное число крупных землевладельцев, представляющих однако в количественном отношении чрезвычайно незначительную группу». Добавив к помещикам всех мастей чиновников, лиц свободных профессий и около 2 000 000 торговцев и ростовщиков, тов. Мукарджи приходит к заключению, что «общее число интеллигентов и членов их семейств превышает 17 000 000 чел.». Комментарии излишни.

Напомним тов. Мукарджи, что интеллигенция не является общественным классом со своими особыми интересами. Она обслуживает интересы того или другого общественного класса, выступает его идеологом. Индийская интеллигенция не составляет исключения. Идеологи и теоретики конгрессов «либеральные интеллигенты», лица свободных профессий, составлявшие 50% делегатов, не играют самостоятельной роли, не ведут особой политики, отражающей их особые классовые интересы. Мы стремились показать, на кого ориентировалась индийская буржуазная интеллигенция, чьи интересы она отражала, чьим доверенным представителем она выступала. Надклассовая интеллигенция нужна Рою и его последователям, чтобы прикрыть буржуазно-помещичье лицо Национальных конгрессов.

Рою остается еще «объяснить» причину, почему ранний этап буржуазного национализма отличается таким исключительным пресмыкательством перед колониальным режимом, почему конгрессы остаются в рамках верноподданической оппозиции его величества иностранного капитала. Дело оказывается в том, что «образование, конституционные убеждения, и, самое главное,—инстинкт классового родства не позволили вождям Конгресса прямо поставить вопрос о ненужности британского владычества» (Рой «Новая Индия», стр. 141).

Сам Рой понимает, что это «объяснение» недостаточно. Общая принадлежность к классу капиталистов не мешала английской буржуазии душить немецкую во время мировой войны. В качестве добавочного аргумента на помощь их «классовому родству» Рой выдвигает необходимость союза индийской и английской буржуазии против общих врагов. Кто бы могли быть эти враги? Может быть, революционное крестьянство? подумает в простоте читатель. Отнюдь нет. Туземные феодалы. «Отцы Национального конгресса... не боялись доказывать, что туземная реакция была более опасна для прогресса страны, чем владычество иностранной буржуазии» (Ibid, стр. 141).

Неожиданно обнаруживается, что в Индии, пережившей, по Рою, буржуазно-демократическую революцию, не только осталась феодально-поповская реакция, но что эти реакционные силы ставят своей задачей борьбу с колониальным режимом. «Радикальный национализм в то время мог базироваться лишь на реакционных силах, победа которых могла бы привести к образованию монархического государства и усилению социального и религиозного консерватизма». (Ibid, стр. 141).

Тов. Мухарджи и здесь солидаризируется с Роем и даже расширяет роевскую теорию о сотрудничестве буржуазии с империализмом против феодалов в том смысле, что пролетариат также должен поддерживать «бедных, бессильных», колониальных хозяев в их несуществующей борьбе с несуществующей феодальной опасностью. «Реакционные тенденции Тилака и его сторонников были так сильны, что во многих вопросах даже индийская буржуазия и пролетариат должны были поддерживать британскую бюрократию и бороться с Тилаком, поскольку он стремился к возрождению феодального порядка»[1]. Тов. Мухарджи угодно фальсфицировать историю национально-революционного движения, ему угодно изображать индийский пролетариат в качестве силы, которая поддерживала империализм против демократического крыла буржуазных националистов, возглавлявшихся Тилаком. Вопросу о Тилаке посвящена особая часть нашей работы, но здесь приходится отметить, что бомбейский пролетариат поддерживал анти-империалистическую борьбу Тилака, что после ареста Тилака в 1908 году Бомбей покрылся баррикадами и что именно по этому поводу Ленин писал: «Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы». К сведению тов. Мухарджи, Ленин называл Тилака демократом, считал, что Тилак ведет антиимпериалистическую борьбу. В своей статье «Горючий материал в мировой политике» Ленин писал: «Но за своих писателей и политических вождей начинает заступаться в Индии улица. Подлый приговор английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тайлаку (Tilak),—он осужден на долголетнюю ссылку, причем запрос, сделанный на-днях английской палате общин выяснил, что присяжные—индийцы высказались за оправдание, обвинение же вынесено **голосами присяжных англичан**! — эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее»[2].

По Рою и его ученикам, «Радикальный национализм», т. е. национализм, который не ограничивался либеральной болтовней, а стремился к свержению английского господства, мог базироваться только на феодалах (они-то, очевидно, были готовы на новое восстание и ждали сигнала Нац. конгрессов). Поэтому туземная буржуазия и пролетариат шли в союзе с более прогрессивным колониальным режимом против феодалов. Рою и ему подобным невдомек, что феодалы представляют вернейшую опору иностранного капитала, что их прочный союз против крестьянства сложился еще в годину сипайского восстания. Вместо того, чтобы выявить причины, которые сделали невозможным союз буржуазии и крестьянства против феодалов и против колониального режима (эта перспектива пугала одно время английских бюрократов), Рой объясняет беззубый либерализм Национальных конгрессов вы-

[1] Мукарджи, Аграрная Индия, стр. 579.
[2] Ленин, Собр. соч., 1-е изд., т. XI, стр. [illegible].

мышленной борьбой колониального режима против феодалов, причем индийская буржуазия в этой борьбе становится на сторону англичан, видя в них «меньшее зло». Как безумие Гамлета, эти выдумки имеют свой глубочайший смысл. Любые средства хороши, лишь бы удалось оправдать линию национальной буржуазии, этого «прирожденного гегемона» национального движения. Любые средства хороши, лишь бы удалось принизить роль революционного крестьянства, принизить значение аграрно-крестьянской революции, как основы буржуазно-демократической революции в Индии; любые средства хороши, лишь бы удалось спрятать буржуазно-помещичье лицо Национальных конгрессов, их противоположность интересам основных масс деревни.

ГЛАВА VII

Радикальное течение буржуазного национализма (школа Тилака)

Годы возникновения и расцвета школы националистов-радикалов или, как они сами себя называли, «интегральных националистов», охватывают вторую половину 1890-х и начало 1900-х годов, время предреволюционного затишья. Национальное движение еще не вышло на улицу, еще не овладело широкими массами мелкой буржуазии. Крестьянское движение после бурного подъема 1860-х и 1880-х годов временно спадает. Пролетариат еще не представляет собой самостоятельной политической силы, делает первые шаги в забастовочной борьбе.

Вместе с тем это — время перехода к активной политике к империализму, расширения и утверждения на новых основах колониальной монополии, тяжелейшей политической реакции. Властная политика Керзона (вице-короля Индии в период 1898—1905 гг.) издевается, игнорирует самое существование общественного мнения Индии, третирует туземцев как низшую расу, как особую породу подневольных рабов, заслуживающих лишь кнута и палки. Один за другим сыплются удары на те жалкие начатки самоуправления, которые были получены во времена Рипона и Дафферина. Урезывается выборное начало в городских самоуправлениях. Сокращается университетская сеть, усиливается чиновничий контроль над университетом. Экономическое наступление на Индию в интересах английского монополистического финансового капитала сопровождалось и политическими мерами ограничений и репрессий против нарождающейся буржуазии, против мелкобуржуазной интеллигенции.

Никогда, пожалуй, английские капиталисты и их государственный аппарат так откровенно и бесцеремонно не хозяйничали в Индии, так открыто не подчеркивали, не выставляли своего монопольного положения привилегированных грабителей. В эпоху империализма с колониального гнета и грабежа как бы спадают последние покровы либеральной фразы. Всякая попытка самостоятельности, малейший протест, малейшее проявление национального самосознания беспощадно подавляются. Прочно опираясь на союз с феодально-помещичьей Индией, превратив десятки туземных принцев в одну из опор империалистического господства, англо-индийская бюрократия успела присмотреться к буржуазно-помещичьим Национальным конгрессом, оценить его достоинства

их лойяльное пресмыкательство, их жалкие словесные протесты. Казалось, не было силы, которая могла бы противостоять могучей централизованной машине англо-индийской бюрократии, полиции и солдатчины, и временное затишье перед движением 1907 г. — этим индийским откликом российской революции 1905 г., представлялось как длительное успокоение, надежное упрочение колониальной империи.

Эти же годы были временем небывало тяжелых невзгод: неурожай и голодовки опустошали богатейшие, плотнонаселенные области индийского полуконтинента. Ограничимся краткой справкой из работы придворного историографа лорда Керзона, консервативного журналиста Ловета Фрезера.

В 1896-97 гг. голодовки охватили Соединенные провинции, Центральные провинции, Бомбей, часть Пенджаба. Вспомоществование получили свыше 4-х миллионов крестьян. В 1899-900 г. голод охватил площадь в полмиллиона квадратных миль с 25-ю миллионами населения в Британской Индии и 30-ю миллионами в туземных государствах. Британские провинции пострадали жесточайшим образом, особенно Бомбейское президентство, часть Пенджаба, целиком Центральные провинции и Берар. В туземных государствах голод сжал своими когтями всю область от Гайдерабада до Катиавара, включая Бароду и важнейшие туземные государства Раджпутаны в Центральной Индии. Богатейшие районы Гуджерата были разорены вконец и представляли подобие пустыни. Свыше 6 миллионов получали голодный паек в июле 1900 г.[1].

За голодом последовали чума и холера. Один Пенджаб потерял около $2\frac{1}{2}$ млн. людей, свыше 10% населения. За голодное десятилетие 1896–1907 гг. умерло в Индии $7\frac{1}{2}$ миллионов от чумы, не считая непосредственных жертв голода.

Жестокая политическая реакция, вымирание целых районов под ударами голода и эпидемий по-новому поставили проблему национального раскрепощения, усилили национально-революционное движение.

Прежде чем перейти к Тилаку и его школе, несколько слов об индийском промышленном капитале. В очерке индийских Национальных конгрессов мы уже отметили, что индийские фабриканты и заводчики не принимали заметного участия в политической жизни страны. Туземный промышленный капитал был не только слаб. Он был в лице своей ведущей отрасли — текстильной, — больше связан с дальневосточными рынками, чем с внутренним индийским, еще не ощутил на собственном классовом опыте всего значения империалистических тормозов, конкуренции Ланкашира, использующего против Бомбея политическую власть англо-индийского правительства. Отсюда известная политическая пассивность индийских текстильных фабрикантов. Промышленники, безусловно

[1] Ловет Фрезер. Индия во время Керзона и после него. Лондон, 1911; стр. 283.

в основном влияя на политику буржуазно-помещичьих Национальных конгрессов, оставались еще довольно пассивными. Однако эти настроения быстро изживаются. Индустриализация Японии, боксерское восстание в Китае заметно суживают экспортные возможности Бомбея. На самом индийском рынке хлопчатобумажная промышленность Бомбея, вырабатывающая наиболее грубые, дешевые сорта пряжи и тканей, была в наибольшей степени задета периодом голодовок, сократившим спрос со стороны деревенской бедноты, одного из потребителей дешевой мануфактуры. Индийский промышленный капитал в начале 1900-х годов не только растерял часть экспортных рынков, но почувствовал растущую зависимость от внутреннего рынка. Пришлось убедиться, что индийским рынкам приходится делиться с Ланкаширом, что английский импорт монополизирует лучшие и более дорогие сорта тканей и пряжи, имеющие более обеспеченный сбыт в городе и среди кулацких слоев деревни.

Вместе с тем правительственная политика все чаще создавала тормоз промышленному развитию Индии. Внутренний акциз на мануфактуру и пряжу туземного производства, высокие таможенные пошлины на ввоз египетского хлопка в Индию (что препятствовало переходу Бомбея на производство мануфактуры высших сортов; в Индии тогда еще не было собственного длинноволокнистого хлопка), валютная политика, искусственное повышение курса рупии, — все эти мероприятия прямо и непосредственно задевали интересы индийского промышленного капитала.

Политическая индифферентность бомбейских фабрикантов быстро проходит. События 1907 г. выявят это особенно ярко. Бойкот иностранной мануфактуры и кампания за развитие туземной промышленности под знаменем Свадеши (самоснабжение товарами) не только отражали объективные интересы индийского промышленного капитала, но, как мы увидим ниже, проходились при его политическом и организационном участии.

Но экономические предпосылки участия важнейших групп промышленного капитала в политической кампании 1907 г. тоже не объясняют их открытой и непосредственной связи с новым течением индийского национализма, с его политическим и идеологическим оформлением в годы реакции и затишья.

Этот перелом отразился не только на перемене вывески и программы Национальных конгрессов, но и на общей перегруппировке классовых сил во время первых серьезных схваток 1907 г., он отразился на перегруппировке в рядах самого буржуазно-помещичьего лагеря (больший вес, большее влияние получили слои туземного промышленного капитала).

Новая политическая и тактическая линия в изменившихся условиях пробуждения масс и массового движения в наибольшей степени отвечала интересам национальной буржуазии в целом. Но такая программа, такая тактическая линия складывается на непосредственном опыте классовой борьбы: движение 1907 г. было первым опытом, первым испытанием исторических резер

буржуазии, пролетариата, мелкой городской буржуазии и крестьянства в колониальной революции, — и не могла быть создана заранее в кабинете теоретиков путем отвлеченных рассуждений.

Одно из противоречий школы Тилака и созданной им идеологии и программы заключается в том, что, выражая также протест «крайних» против старого руководства Национальных конгрессов, против их оторванности от масс, против их пресмыкательства перед колониальным режимом, установки этой школы были впоследствии в известной мере использованы именно буржуазно-помещичьим руководством для овладения массовым движением, для направления его в нужное буржуазии русло. Здесь мы имеем в виду реакционную оглядку Тилака на прошлое, совмещение им более или менее радикальной постановки вопроса о свержении английского господства с защитой «родного» средневековья.

Первые авангардные бои революции выбили из тилакизма его революционный стержень, проповедь и подготовку насильственного свержения колониального режима, — и оставили его реакционную шелуху, оказавшую потом великую пользу радикалам-реформистам и Ганди в деле идеологического обмана масс.

Здесь мы уже подошли к наиболее характерной черте всей школы «интегрального» национализма. Это более или менее решительная и последовательная постановка вопроса о борьбе против колониального господства, не останавливающаяся перед методами насилия, с реакционной оглядкой в прошлое, с реакционной идеологией, которая пытается увековечить и сохранить отвратительнейшие пережитки касты и такие пережитки индийского средневековья, как священный характер коровы, браки между детьми 7- и 8-летнего возраста, безусловное почитание жреца-брахмана.

Революционная обрисовка тилакизма с легкой руки Роя и повторяющего роевские зады т. Мухарджи до сих пор выступала в советской литературе основным моментом оценки общеисторической роли интегрального национализма в индийской революции[1]. Мы ограничимся разбором точки зрения ренегата Роя, поскольку т. Мухарджи не обнаружил ни малейшей оригинальности в трактовке этого вопроса. Метод Роя, не имеющий кстати

---

[1] Не мешает здесь напомнить основное требование ленинизма — оценивать данное движение не с точки зрения формальной демократии, а под углом действительной борьбы против империализма.

«Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения... Ленин прав, говоря, что национальное движение угнетенных стран нужно расценивать не с точки зрения формальной демократии, а с точки зрения фактических результатов в общем балансе борьбы против империализма, т. е. «не изолированно, а в мировом масштабе». (И. Сталин «О Ленине и ленинизме» Гиз, 2-е изд. стр. 97—98).

ничего общего с марксизмом, исходит из того, что идеологическая надстройка прямо и непосредственно отражает порождающие ее условия экономики и классовой борьбы. Рой не понимает диалектической связи между надстройкой и базисом, не понимает весьма сложного отражения в идеологии данного класса, его роли в производстве, его участия в классовой борьбе. В условиях Индии Рой только по сочетанию формальных признаков целиком отождествляет идеологию Тилака с работой классовых сил феодально-помещичьей реакции. Если Тилак выступает в защиту туземных князей, если он никогда не расставался со шнуром дважды рожденного, прославлял его в качестве выходца из жреческо-браминской среды, если этот же Тилак вел кампанию против оспопрививания и чумного карантина на том основании, что эти санитарные меры противоречат религиозным правилам индуизма, если, наконец, детские браки и приверженцы касты имели яркого защитника в лице школы экстремистского национализма, то для Роя этого вполне достаточно, чтобы признать классовой основой тилакизма феодалов, помещиков, силы феодально-помещичьей реакции.

«Примитивный национализм,—пишет Рой,—являлся и является до сих пор стихийной реакцией умирающего старого порядка в большей мере, чем революционной борьбой против чужеземного владычества... За политическими теориями «реакционного» национализма скрывались те же силы, которые нашли свое полное проявление в мятеже 1857 г.»[1].

Логически продолжая нить своих рассуждений, Рой, а за ним и т. Мухарджи, приходят к выводу, что раджи и принцы стремятся к восстановлению феодальных порядков, стремятся возродить в Индии нечто вроде империи Великого Могола. На этом основании школа Тилака объявляется реакционной по сравнению с первым этапом национального движения, ибо у этой школы отсутствуют либерализм и даже демократическая фразеология, присущие первой, английски образованной интеллигенции.

«С национально-экономической точки зрения этот новый фазис движения,—пишет Рой,—был менее революционным, чем первый потому, что проведение в жизнь теорий экстремистского национализма отбросило бы страну на более низкую ступень развития, несмотря на национальную независимость. Консервативные, некультурные и реакционные силы придали политическому движению национальную окраску, весьма характерную для этого фазиса движения и обусловливающую его бессилие»[2].

Борьба за независимость Индии, по мнению Роя, является реакционным делом. Борьба с империализмом будто бы ведет феодалов и князей к восстановлению власти на местах. Индия ничего не выиграет от этого. Это значит, которые могли бы возникнуть теперь лишь

[1] Рой, Новая Индия, стр. 120.
[2] Там же, стр. 126.

не полным совпадением, то поразительным сходством с писаниями талантливого английского реакционера и иностранного редактора газеты «Times», сэра Валентейна Чироля, непонятным образом фигурирует до сих пор в работах т. Мухарджи на страницах изданий ГИЗ'а и Ком. Академии [1]. Когда Чироль в своих корреспонденциях в «Times» изображал национально-освободительное движение в качестве заговора жреческой и феодальной верхушки против английского господства в Индии, представляющего силу «западного прогресса» в противовес «косной Азии», он стремился дискредитировать борьбу молодой Индии против империализма, стремился развенчать ее в глазах английского и мирового общественного мнения. В параллель Рою и т. Мухарджи приведем характерное место из Чироля:

«Каковыми бы ни были внешние формы выражения индийского национализма, его основой является глубоко засевшая враждебность ко всем тем принципам, на которых построено западное общество в такой демократической стране, как Англия... школа Тилака представляет собою непримиримую реакцию не только против английского господства, но и против западной цивилизации.... Это — организованная попытка возрождения всех старых традиций индуизма, социальных и религиозных, моральных и политических в противовес всему, что принесла чужеземная английская раса и западная цивилизация» [2].

В ответ на клеветническую кампанию о принудительном труде в СССР сознательные пролетарии Запада ответили: — «Вы говорите, в Советском Союзе будто бы господствует рабство, но, позвольте спросить, — кто же рабовладелец?» Точно так же можно спросить Чироля, — где те феодалы, жрецы и принцы, готовые поднять восстание против английского владычества в Индии? И зачем им восставать? У того же Чироля можно найти исчерпывающие данные, что туземные феодалы, помещики, жрецы и принцы являются вернейшей опорой колониального господства. Нет нужды повторять, что острие этого союза между феодалами и английскими хозяевами было тогда направлено против поднимающегося крестьянства, против колониальной революции [3]. Феодалы-помещики как класс были заинтересованы не в свержении, а в упрочении английского господства. В этом не может быть никаких сомнений.

Беря исходной точкой своего анализа идеологическую надстройку вместо экономической основы и классовых противоречий, Рой и т. Мухарджи неминуемо приходят к бредовому выводу о том, что в колониальной Индии основным противоречием было

---

[1] См. Абани Мукарджи «Аграрная Индия», изд. Ком. Академии, стр. 173 и 375. Его же «Англия и Индия», изд. ГИЗ, 1929 г. стр. 110 и 265—272.

[2] Сэр Валентин Чироль. «Индийская смута», 1910 г., Лондон. Стр. 31. Сравнить также стр. 5, 78, 150, 323.

[3] А в настоящее время не только против крестьянства, но также против индийского пролетариата.

противоречие между английским господством, с одной стороны, и принцами и помещиками — с другой, что именно из феодальной среды вышли те силы, которые сколько-нибудь решительно ставили вопрос о национальной независимости Индии. Чувствуя, что это заходит чересчур далеко, и вызовет недоуменный вопрос у человека, мало-мальски знакомого с историей классовой борьбы в Индии, Рой прибавляет, что феодалы все же являлись союзниками империализма, и именно потому попытки Тилака были обречены на неудачу[1].

Попробуем разобраться во всей этой путанице. Прежде всего, бесспорным представляется реальный факт союза империализма с феодально-помещичьим классом[2]. Уже в силу своей экономической роли тормоза в развитии производительных сил, колониальный [illegible] и [illegible] возрождая феодальные методы эксплоатации, империализм блокируется с феодализмом. Уже уроки классовой борьбы, начиная с Сипайского восстания 1857 г. и кончая аграрно-крестьянскими движениями в 1860-х и 1880-х гг., показали, что интересы индийских крестьянских масс стоят в самом резком противоречии не только к строю феодального помещичьего землевладения, но всему строю аграрных распорядков колониальной Индии. Уроки этих аграрных движений были усвоены и английской буржуазией и феодально-помещичьей средой, что нашло выражение в их последующем сближении, в их дальнейшем союзе. И чем больше развивалось [illegible] национальной революции, тем теснее становился союз феодально-империалистического блока.

Отсюда [illegible] Тилака не может являться доказательством того, что он представлял классовые интересы феодалов или стремился к возрождению феодальных порядков в Индии. Это [illegible] установить из политических высказываний самого Тилака. В своей речи в 1907 г. он выступает как сторонник [illegible] протекционистской политики, развития собственной промышленности в Индии. В Германии, Франции, Америке правительства способствуют росту национальной промышленности, устанавливая протекционные тарифы на ввозимые товары. Правительству Индии, [illegible] не [illegible] Индии, [illegible] сделать то же самое. Не про-

---

[1] Рой, цит. соч., стр. 101.

[2] Глава VI [illegible]

сколько правительство не выполнило своего долга, народ сам добьется того, чего не сделали власти [1].

Тот же Тилак отнюдь не является противником парламентской системы и демократических учреждений. Он не против демократии вообще, а против призрачной демократии, которая исключает индийцев от участия во власти и которая на деле прикрывает английскую монополию. В одной из своих речей Тилак, этот якобы чемпион феодальной Индии, даже высказывается за республику. «Сварадж означает следующее: дайте нам те права, которые имели туземные государства, как например, Барода и Гвалиор. Обеспечьте эти же права, скажем, Пуне и Сатаре (районы Бомбейской провинции, — И. Р.), объединив их в особое государство. Разница будет однако заключаться в следующем: нам не нужны феодальные князья; мы будем выбирать своего собственного президента» [2].

В другом месте тот же Тилак таким образом обосновывает значение захвата власти. «Только одно лекарство может излечить болезни Индии; это лекарство — политическая власть. Ее нам надо взять в свои руки. Без нее индийская промышленность не будет развиваться, без нее мы не сможем дать нашему юношеству действительно нужное ему образование. Мы не сможем обеспечить ни социальных реформ, ни материального благосостояния народа, не разрешив предварительно вопроса о политической власти».

Наконец, приведем характерное место, которое рисует отношение Тилака к туземным деспотиям Индии: «Всем известно, что индийские принцы представляют английских марионеток, всецело зависимых от малейшей воли англо-индийского правительства» [3].

Те или другие высказывания Тилака однако не объясняют нам классовых корней всей политики радикального национализма, не объясняют нам тех исторических условий, которые неизбежно породили всю ее противоречивость, всю ее двойственность.

Два основных течения сплетаются в школе радикального национализма. Источником одного из них служит разочарование в известных слоях феодальной и помещичьей среды, — разочарование, вызванное потерей земли и доходов в условиях капиталистического проникновения. Лучшие выходцы из гниющей феодальной среды связывают свои личные интересы с общим положением Индии, пытаются стать выразителями широких народных интересов, пытаются открыть путь, который вывел бы их родину из-под гнета иностранного владычества, улучшил положение голодающих и обеспечил бы элементарные политические права. Разочарованные, разорившиеся помещики и феодалы перекочевывают в лице лучших представителей этой разлагающейся паразитической клики на борьбу за национальное раскрепощение Индии, на активный протест против грубого гнета чужеземной власти. Это осколки старой

[1] Бал Гангадхар Тилак. Речи и статьи. 3 издание, стр. 53. Ср. также стр. 150.

[2] Ibid. Стр. 184.

[3] Ibid. Стр. 72.

крепостной и феодальной Индии, но их сила не в том, что они выходцы из привилегированных каст и сословий, а в том, что они порывают с прошлым, решительно поворачивают к борьбе за лучшее будущее[1]. Наряду с деклассированными слоями дворянско-помещичьих родов, выступает представительница и другого течения в лице мелкобуржуазной разночинной интеллигенции. Она также далеко не безгрешна по части связи с помещичьим землевладением и в особенности со средними звеньями помещиков-арендаторов в Бенгалии. Она также питается отчасти остатками ренты, выжатой из крестьян.

При оценке положения мелкобуржуазной интеллигенции достаточно указать на следующее. При слабом развитии индийской промышленности, при ничтожном спросе на технические силы и техническую интеллигенцию, основной рынок интеллигентского труда представляли государственная служба и свободные профессии. Колониальное государство, диктатура английского финансового капитала выступала основным потребителем туземного интеллигентского труда. Доступ на все высшие должности был закрыт для индийцев. Издевательская система экзаменов ограждала двери правящей бюрократии и тех командных должностей, которые резервировались за так называемой «индийской гражданской службой». Не то, что индийскому разночинцу, но и сыновьям состоятельных слоев индийского общества дорога туда была закрыта. Для поступления на индийскую гражданскую службу требовалось не только безукоризненное знание английского языка и диплом английского университета в возрасте 21 года, но и обязательная поездка в метрополию. А если кандидат преодолевал все эти препятствия, его ждало дополнительное испытание по физкультуре, где индийскому интеллигенту было довольно трудно угнаться за молодыми членами английской аристократии, давно превратившей спорт в основное содержание своего ничегонеделания в университетах.

Индийская гражданская служба охватывала всего около 3 тысяч должностей из нескольких миллионов чиновничьих мест, кото-

---

[1] Известное представление о социальном составе участников террористических организаций дает следующая таблица, заимствованная нами [illegible] индийского революционного движения, [illegible] английской жандармерии Sedition Committee Report [illegible]. Таблица указывает террористические акты в Бенгалии за период 1907—1917 гг.:

		По принадлежности к касте указаны:	
Лиц свобод. профессий	116		
Помещики	19		
Торговцы	23	Брахманы (жрец.)	65
Рантье	27	Кайасты (писцы)	87
Крестьяне	1	Вайдья (мед.)	13
	186		165

Бросается в глаза отсутствие рабочих, крестьян и даже ремесленников. Преобладают — мелкобуржуазная интеллигенция, торговцы, деклассированные выходцы из помещичье-дворянской среды.

рыми располагало правительство Индии. Перепроизводство индийской интеллигенции, жесткие рамки, поставленные продвижению туземца по чиновничьей лестнице, неравная оплата труда европейца и индийца — все эти условия создавали почву для острого недовольства мелкобуржуазной интеллигенции. Она мало удовлетворялась картиной лойяльного пресмыкательства Национальных конгрессов перед колониальным режимом; она не соглашалась отодвигать срок освобождения Индии в неопределенное будущее. Ее тяжелое экономическое положение обусловливало ее готовность принять более решительное участие в широком движении против империализма.

Новое течение «крайних» складывается прежде всего как оппозиция старому руководству Национального конгресса. Если Ранаде и Наороджи проповедывали тождество интересов ограбляемой Индии и империалистической Англии, то Тилак и его ученики подчеркивают глубочайшую противоположность этих интересов. Агитация среди английских буржуа, чтобы они добровольно отказались от индийской добычи,—бессмысленная трата энергии. Обращаясь к «умеренным», Тилак указывает в одной из своих речей: «Вы полагаете возможным убедить общественное мнение Англии в несправедливости и аморальном характере колониального грабежа. Но вы забываете об их кармане, вы забываете о корыстном интересе английской буржуазии. Никто не пожертвует собственным интересом под влиянием филантропической лекции»[1].

«Раз в грабеже Англия — грабящая страна, а Индия — ограбляемая, то никакие петиции, будь они написаны лучшим литературным стилем, не сделают колониальных хозяев уступчивыми. Многочисленные депутации, возглавляемые весьма респектабельными индийскими джентельменами, дали много образцов патетического красноречия, но до сих пор не добились ничего существенного от английского парламента.

И старое руководство конгресса, и наша партия сходятся на том, что всякие попытки апеллировать к англо-индийской бюрократии представляются безнадежным делом. Но старое руководство продолжает верить в апелляцию к английскому общественному мнению. Мы в это не верим. Отсюда логически вытекает необходимость добиваться освобождения Индии другими методами»[2].

Силе надо противопоставить силу. Основным вопросом является обладание политической властью. И этот вопрос решается только открытой борьбой. Таковы основные установки Тилака.

«Методы прошлой работы Национальных конгрессов можно кратко выразить тремя глаголами, начинающимися буквой «п»:— просить, подлаживаться, протестовать. Это никуда не годится. За Национальным конгрессом не стоит никакой реальной силы. Взгляните на пример борьбы Ирландии, России и Японии, следуйте их славному примеру»[3].

---

[1] Тилак. Речи и статьи, цитированное соч., стр. 60.

[2] Ibid. стр. 61.

[3] Ibid. стр. 45. Ср. также стр. 61—62.

Тилак однако не дает ясного, исчерпывающего указания о тех путях и средствах, которыми можно обеспечить завоевание власти и национальное раскрепощение Индии. Временами он приближается к тому, чтобы открыто признать единственным путем революционное насилие, направленное против колониального режима. Разумеется, эти призывы в цензурных условиях Индии часто маскируются эзоповским языком. Как сообщает составленная английскими жандармами история национально-революционного движения Индии (здесь речь идет об основном печатном органе Тилака «Кейсари», имевшем тираж до 20 тыс. экз. в неделю,— огромная цифра для газеты на местном языке в Индии начала 1900-х годов): «Кейсари неустанно проповедовал, что методы правительства Индии становятся все более похожими на приемы русского царя и потому индийцы должны следовать примеру русских революционеров, их методам борьбы»[1].

Тилак [illegible] раз предавался английскому суду по обвинению в подстрекательстве к насилию и террору, и он не отказывался от своих убеждений. У нас нет данных о процессе 1897 г.[2].

В 1908 г. ему инкриминировалась статья в газете «Кейсари», где между прочим имеется такое место:

«Бессилие и упрямство белой бюрократии [illegible] Наглость и невежественность английской бюрократии вызывают негодование и смятение в Бенгалии [illegible] Британской империи [illegible] русского народа за свободу»[3].

В своих [illegible] Тилак следующим образом формулирует свое отношение к индивидуальному террору и национальной борьбе против колониального режима:

«Они распространяют ложные сведения о том, будто террористические покушения индийской молодежи направлены против устоев общества. Следует иметь в виду глубочайшую разницу между террором в Европе, [illegible] подрывающим устои общественного порядка, и теми явлениями, которые мы наблюдаем в современной Индии. Движущей силой бомбометных покушений является подлинный и глубокий патриотизм, в то время как в Европе [illegible] анархистов. Индийцы — не анархисты; они только неди-

---

[1] Sedition Committee Report (Rowlatt Report). Calcutta, 1918.

[2] В этом году Тилак и «Кейсари» вели ожесточенную кампанию против мер «санитарного надзора», принятых английскими властями во время чумной эпидемии. В связи с этой [illegible] Ранд. Тилак был обвинен в подстрекательстве к убийству.

[3] Цитируется по немецкому сборнику: «Борьба индийских революционеров за свободу», собрание документов за период 1905—17 гг. Берлин, 1918 г., стр. 85; «Der Freiheitskampf der Indischen Nationalisten 1905—1917». Berlin 1918.

зуются методами европейских анархистов. Анархист в Америке покушается на миллионера на том только основании, что этот последний обладает громадными капиталами. В России же мы имеем доведенных до отчаяния благородных патриотов, которые при помощи бомб и револьвера борются против чиновников царя, отказывающего России в элементарных демократических правах и представительных учреждениях. Никто не должен забывать, что насильственные методы индийской молодежи должны быть отнесены не в первую, а во вторую категорию» (т. е. к методам русских террористов — И. Р.)[1].

Тилак не ограничивался словесной агитацией. Созданные им в середине 1890-х годов многочисленные спортивные кружки и союзы должны были стать костяком организации, способной в нужный момент ставить задачи руководства вооруженным восстанием. Приведем свидетельство Чироля:

«Тилак неустанно вел свою пропаганду в школах, колледжах и на улице, провозглашая, что если индийцы не научатся отвечать насилием на насилие, тогда они обречены стать бесславными свидетелями упадка их древних учреждений и религии. Тилак организовал ряд спортивных обществ, в которых молодежь обучалась обращению с более или менее примитивным оружием и таким образом получала некоторую военную выучку»[2].

Решительно порвав с группой Телянга, Ранаде и других сторонников социальных реформ и компромисса с английской властью, Тилак пытается перебросить мост к массам, создать массовую базу движению. Агитация против санитарных мер являлась не чем иным, как попыткой превратить чумные бунты в антианглийское движение. В 1896 г. Тилак ведет кампанию за неплатеж поземельного налога среди крестьянства бомбейского Деккана. В 1895 г. он пытается придать широкий массовый характер празднику двухсотлетия со дня смерти Шиваджи, национального героя Махратов, руководителя крестьянских движений конца XVII века против мусульманских феодалов. За восхвалениями героической борьбы махратских крестьян против мусульманских феодалов скрывался весьма прозрачный намек на борьбу против империализма. Открывая праздник Шиваджи, Тилак в своей речи указал:

Если воры забираются в наш дом, и мы не в силах выгнать их открытой силой, то допустима любая хитрость, любое коварство. Бог не дал иностранцам Индии в вечное владение. Шиваджи стремился освободить от них родную землю... Следуйте его примеру,

---

1 Сборник «Борьба индийских националистов за свободу», стр. 85. В связи с этим процессом осуждение Тилака вызвало [illegible] демонстрации бомбейского пролетариата, перешедшие в уличные [illegible] бои с полицией и войсками. Ленин квалифицировал [illegible] Тилака как индийского демократа [illegible] (Ленин, Соч., т. XI, часть 1, стр. 10). (См. [illegible] стр. 145).

2 Валентайн Чироль, Индийские смуты, стр. 43.

станьте выше жалких ограничений английского закона, подражайте действиям великих героев нашего народа»[1].

Ниже мы дадим оценку всей противоречивости и явной безнадежности попытки Тилака создать массовую опору антиимпериалистической борьбе путем мобилизации индийской мелкой городской буржуазии, пролетариата и крестьянства в защиту «родного средневековья», в защиту отвратительнейших пережитков всяческой отсталости. Здесь пока отметим, что в своей постановке вопроса о революционном насилии и о вооруженном восстании Тилак далеко не отличался четкостью и последовательностью. Мы имеем здесь в виду именно его раннюю деятельность, связанную с празднествами Шиваджи, спортивными кружками и газетой «Кесари». Впоследствии он выступает решительным противником насильственных методов, отвергает все, к чему призывал, и, выйдя из тюрьмы в 1914 г., не только стал ярым «оборонцем» хищной Британской Империи во время мировой войны, но пишет даже верноподданническое письмо королю-императору, где униженно просит прощения и заявляет, что никогда не замышлял ничего дурного против англо-индийского правительства. Но уже в ранних выступлениях Тилака мы найдем достаточно признаков его будущей эволюции. Он неоднократно подчеркивает все преимущества бескровной революции[2]; он рекомендует терпение массам и советует им ждать частичных реформ, если нельзя сразу добиться независимости[3]; он восхваляет бойкот, как лучшее орудие освободительной борьбы и подчеркивает его основное преимущество, а именно, ненасильственный характер бойкота, возможность оставаться в рамках закона, возможность избежать кровопролития[4].

Весьма характерно интервью дал Тилак английскому журналисту Невинсону после раскола 1907 г. в Сурате, когда «крайние», получив меньшинство по вопросу о продолжении и расширении антианглийского бойкота, временно остались за бортом Нац. конгресса. «Не наши конечные цели, а наши методы заслужили нам имя «крайних». Я не отрицаю, что существует небольшое ядро, которое стремится положить раз навсегда конец английской власти над Индией. Это нас не касается; в конце концов это дело отдаленного будущего. Неорганизованные, безоружные, мы не имеем шансов на успех в попытке стряхнуть сейчас английское правление. Все это можно отложить до отдаленного будущего»[5].

В чем основа этой двойственности и колебаний Тилака и «крайних» между бескровной революцией и насильственным свержением власти империализма, между последовательной борьбой против колониального режима и жалким компромиссом?

---

[1] Цитирую по В. Чиролю. Индийская смута, стр. 47.
[2] Тилак. Речи и статьи, стр. 77.
[3] Ibid, стр. 66.
[4] Ibid, стр. 77, сравни также стр. 389.
[5] Генри Невинсон. Новый дух в Индии. Лондон 1908 г., стр. 72.

Тилак и его школа пытались объять необъятное, соединить несовместимое, а именно действительную борьбу против империализма с сохранением буржуазно-помещичьей гегемонии в этой борьбе; пытались соединить антиимпериалистическую революцию с сохранением феодально-гнилого строя. Попытка подчинить интересы революционного крестьянства интересам буржуазно-помещичьего блока, даже на первых ранних этапах национально-освободительной борьбы, неминуемо суживала, обессиливала ее, ставила ее успех в зависимость от вовлечения крестьянских масс в борьбу за чуждые интересы враждебных им классов. И если Тилак и его школа могли в период предреволюционного затишья и относительного ослабления классовой борьбы кое-как совмещать свою принадлежность к буржуазно-помещичьему лагерю с активными выступлениями против империализма (пусть непоследовательными, не всегда решительными, прикрываясь религиозными лозунгами), то первые же авангардные бои революции ребром поставили вопрос: или разрыв с буржуазно-помещичьим лагерем, или революционная борьба против империализма.

Тилак и громадное большинство так называемых «крайних» были отброшены обратно на платформу буржуазно-помещичьих конгрессов, капитулировали перед умеренными. Единицы ушли в подполье, и, не веря в силу организованных масс, боролись с колониальным режимом методами индивидуального террора.

Вся школа радикального национализма не сумела найти дороги к широким массам, осталась изолированной от них. Иначе и не могло быть, поскольку Тилак и его ученики пытались отделить ломку феодально-гнилого аграрного строя от антиимпериалистической борьбы. Крайние и не хотели и не могли сделать крестьянство главной социальной опорой в своей подготовке свержения английского господства. В объемистом томе, где собраны многочисленные речи и писания Тилака, целиком игнорируется аграрно-крестьянский вопрос, как будто в Индии вовсе не существует миллионных крестьянских масс, задавленных феодальной эксплоатацией и ростовщической кабалой. Тилак фатально игнорирует связь между революционной борьбой крестьянства и национальным раскрепощением Индии. К чему ведет подобная попытка оторвать национальное освободительное движение от его аграрно-крестьянской основы, показал еще Маркс на примере итальянского национального движения, одного из последних, завершивших в старой Европе окончательную победу капитализма над отживающим феодальным строем. В письме к Ведемейеру от 11 сентября 1851 года, Маркс дает следующую характеристику Мадзини:

«Он забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, к угнетаемой в течение столетий части Италии, и, забывая об этом, он подготовляет новую опору для контрреволюции. Г-н Мадзини знает только города с их либеральным дворянством... Материальные потребности итальянского сельского населения, из кото-

рого выжали все соки и которое систематически измучено и доведено до отупения, так же как и ирландское население, — все это, конечно, лежит вне кругозора его фразисто-космополитического неокатолического идеологического манифеста.

Несомненно нужно много мужества, чтобы заявить буржуазии и дворянству, что первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении их полуарендной системы землепользования в свободную буржуазную собственность [1].

Лучшие представители индийской разночинной интеллигенции и выходцы из жреческо-дворянской среды, вроде самого Тилака, не обладали этим мужеством, не сумели связать борьбу против империализма с крестьянской войной за землю. Между тем в колониальных революциях, совершающихся в эпоху империализма, революционная борьба крестьянства за землю под руководством пролетариата представляет костяк этих революций, и без разрешения аграрно-крестьянского вопроса нет и не может быть сколько-нибудь последовательной и решительной борьбы против империализма. Без социальной опоры в крестьянстве и представительства его интересов, без самой беспощадной, самой жестокой ломки феодального строя, без уничтожения остатков родового средневековья нет и не может быть ни длительной ни сколько-нибудь искренней борьбы буржуазного демократизма, сколько-нибудь последовательной борьбы против национального гнета и колониального рабства.

Вот что писал Ленин о Сун-Ят-сене:

«Боевой, искренний демократизм проникает каждую строку платформы Сун-Ят-сена. Полное понимание недостаточности «расовой» революции. Ни капли аполитизма или хотя бы пренебрежения к политической свободе, хотя бы допущения мысли о совместимости китайского самодержавия с китайской «социальной реформой», с китайским конституционным преобразованием и т. д. Цельный демократизм с требованием республики. Прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту и в их силу.

Перед нами действительно великая идеология действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое веко-

---

[1] В ряде писем и корреспонденций Маркс снова и снова возвращается к итальянскому мадзинизму, подчеркивая решающее значение борьбы крестьянства за землю, за свободу ее от феодальных оков. Кроме цитированного письма к Вейдемейеру (К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Изд. «Моск. раб.», стр. 13), см. там же письмо к Энгельсу от 13 сентября 1851 г., а также корреспонденцию в «New York Tribune» от 4 апреля 1853 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Москва, ГИЗ, т. X, стр. 135). Характерно, что и в «Коммунистическом манифесте» подчеркнута поддержка коммунистов той польской партии, которая ставит аграрную революцию необходимым условием национального освобождения.

вое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но бороться с вековым угнетением Китая».

Какова социальная база этой боевой демократии? Ленин отвечает:

«Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик—пролетариат. А в Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю боевую последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции. Главный представитель или главная социальная опора этой способной еще на исторически-прогрессивное дело азиатской буржуазии—крестьянин»[1].

Лучшие представители китайской разночинной интеллигенции вроде Суна пытались отразить в своей народнической идеологии—пусть непоследовательно и туманно—интересы просыпающегося крестьянства. Именно сочетание боевого демократизма и требования радикального разрешения аграрного вопроса с субъективным непониманием буржуазного характера этой революции, с утопическими мечтами, что уничтожение одного вида эксплоатации, а именно феодальной, уничтожит эксплоатацию вообще, установит социалистическое общество, безусловно дает в учении Сун-Ят-сена всходы народничества на китайской почве. Приведем ленинскую характеристику:

«Но эта идеология боевого демократизма сочетается у китайского народника, во-первых, с социалистическими мечтами, с надеждами миновать путь капитализма Китая, предупредить капитализм, а во-вторых, плановой проповедью радикальной аграрной реформы. Именно эти два последние идейно-политические течения и представляют тот элемент, который образует народничество в специфическом значении этого понятия, т. е. в отличие от демократизма, в добавление к демократизму»[2].

В форме народничества Сун-Ят-сен пытался перебросить мост от антиимпериалистической борьбы к аграрно-крестьянской революции. И в этом его революционная заслуга.

Тилаку весьма далеко до Сун-Ят-сена именно в силу пренебрежения к материальным нуждам крестьянства, именно в силу игнорирования решающего звена крестьянской революции.

По этому стержневому решающему вопросу нет и не может быть никакой нейтральной «надклассовой» позиции между крестьянином и помещиком-феодалом, кредитором и ростовщиком, испольщиком и землевладельцем. Попытки Тилака подчинить классовые интересы крестьянства «надклассовой» общенациональной борьбе на деле обозначали подчинение этой борьбы классовым интересам буржуазии и помещиков. Отсутствие у партии «крайних» писанной аграрной программы, вовсе не означает, что у них

[1] «Ленин о Китае» Сост. П. Ташкаров. 2-е изд. ГИЗ, 1928, стр. 36—37.
[2] Ibid, стр. 38.

ее совсем нет. Но эта скрытая, незримо присутствующая программа сводится в основном к защите помещичьего землевладения и ростовщической кабалы.

Партия крайних споткнулась на крестьянском вопросе. В этом прежде всего сказалось громадное влияние торгово-ростовщического капитала на разночинную интеллигенцию, на этом также сказалось наследие феодально-помещичьей среды, из которой вышли отдельные борцы против колониального режима.

Торговый капитал также использовывает свое влияние на разночинную мелко-буржуазную интеллигенцию, чтобы привязать ее к защите гнилого феодального строя. В Индии, раньше Китая подчиненной иностранному капиталу и более основательно им ограбленной, в условиях более широкого и полного охвата торгово-ростовщическим капиталом мелкокрестьянского хозяйства, раньше и резче выступало противоречие между крестьянскими массами и феодально-помещичьим землевладением, раньше и резче проявилась реакционная роль торгово-ростовщического капитала, как защитника феодально-помещичьего землевладения. Необходимо учесть, что в Индии торгово-ростовщический капитал имеет не только больший экономический и политический вес, чем в Китае (Индия — классическая колония, давно и полностью освоенный иностранным капиталом рынок сбыта промтоваров и источник сырья; Китай — полуколония, далеко не полностью освоенная империализмом) и значит и большие возможности влияния, но самое это влияние раньше и решительнее брошено торгово-ростовщическим капиталом на защиту родного средневековья, на защиту гнилого феодального аграрного строя.

Еще один момент: в Индии общие условия национально-освободительной борьбы облегчали на известном этапе движения маскировку интересов буржуазно-помещичьего лагеря „общенациональным фронтом", облегчали задачу временного подчинения буржуазно-помещичьему влиянию сначала мелкой городской буржуазии, а затем и части пролетариата. В Индии колониальная революция носит более, чем где бы то ни было, антиимпериалистический характер. В Индии силам революции противостоит мощный централизованный аппарат государственной диктатуры английского финансового капитала. Феодальные остатки, начиная храмовым и помещичьим землевладением, кончая предрассудками касты и дурманом религии, прочно вплетены в систему колониального господства, образуют его органическую ткань. Нельзя тронуть ничтожнейшего из 683 туземных деспотов, не затронув самой основы колониального режима; нельзя добиться малейшей радикальной бытовой реформы, вроде гражданского брака, не разрешив основного вопроса о захвате власти. Но именно этот момент, который необходимо обусловливает сращивание антиимпериалистической борьбы и аграрной крестьянской революции, обрекая на безусловную неудачу, заранее предрешая всякую попытку их разрыва, всякую попытку самостоятельного и изолированного разрешения задач [illegible]

мести и «плебейской» чистки земли, этот момент используется национал-реформистами для предательского обмана масс.

«Не мешайте нам в борьбе против колониального гнета»; «не припутывайте узко-классовых интересов к святому делу освобождения Индии»,—кликушествует Ганди, и многотысячным эхо откликается национал-буржуазная печать.

То, что у Ганди является основным тактическим приемом агента индийской буржуазии и помещиков, предающих революцию, помогающих империализму внести разложение и слабость в ряды восставших миллионов, было у Тилака плодом искренних иллюзий выходца из феодальной среды, пытавшегося создать широкий фронт анти-империалистической борьбы в годы предреволюционного затишья. Если Сун-Ят-сен пытался выразить, пусть не всегда четко и последовательно, интересы крестьянства в противовес китайской либеральной буржуазии, то Тилак пытался сколотить в Индии подобие этого же фронта, выкинув однако за борт интересы крестьянства и проблему аграрной крестьянской революции. Там, где Сун пытался выявить и выразить крестьянские интересы, Тилак их отрицает и замазывает. На этом различии легко уловить основную разницу в китайском и индийском развитии колониальной революции. В Китае национальная буржуазия на известном этапе участвует в революционной анти-империалистической борьбе рабочих, крестьян, городской бедноты. Развитие классовых противоречий в самом ходе этой борьбы обусловливает капитуляцию буржуазии перед империализмом, ее превращение в контрреволюционную силу, ее теснейшую смычку с феодально-империалистическим блоком. В Индии национальная буржуазия также кончает на ролях контрреволюционной пособницы империализма. Но начальный пункт ее классовой эволюции лежит несравненно ближе к феодально-империалистическому блоку. Индийская буржуазия никогда не участвовала в действенной активной борьбе рабочих и крестьян против империализма, всегда питала глубокое отвращение к «насильственным методам». Свои лучшие ранние годы она ограничивает либеральной оппозицией Национальных конгрессов, словесными протестами против империализма.

Основное противоречие «радикального национализма» в том, что он мечтал придать подлинно-революционный размах борьбе с империализмом и в то же время отстаивал и упрочивал руководящую роль буржуазии в этой борьбе, рассматривал ее и только ее в качестве основной движущей силы и прирожденного гегемона движения. В жертву буржуазно-помещичьей гегемонии были принесены интересы крестьянства. Но выхолостив из национально-освободительной борьбы ее аграрно-крестьянскую основу, Тилак выплеснул ребенка вместе с водой. В самом деле,—во имя чего, спрашивается, было тогда подниматься индийскому крестьянину, во имя чего нужно было звать его тогда на бой против колониального режима? Уж, конечно, не во имя тех лощеных, респектабельных формально-демократических требований, которые украшали про-

грамму и проспект Национальных конгрессов. Лозунг равенства не имеет для крестьянства никакого значения, если из него вынуто революционное анти-феодальное содержание передела и поравнения земельных наделов. Тилак, который имел перед собой десятилетний опыт бессодержательно-либеральной болтовни Национальных конгрессов, великолепно понимал, что на этой основе массового движения создать не удастся. Таким образом, и стремление создать национальному движению широкую базу в пролетарских, а главным образом, крестьянских массах, и отрицание всякого самостоятельного значения за борьбой масс вообще, за аграрно-крестьянской революцией в частности (а это вытекает из буржуазно-помещичьей гегемонии) неминуемо приводят Тилака к реакционной утопии[1]. Будучи сам буржуазным радикалом, неоднократно выступая в защиту развития туземной промышленности, стоя обеими ногами на платформе капиталистического развития Индии, он в то же время надеется перекинуть мост через классовые противоречия, разделяющие крестьянина и помещиков, объединив их на «общей платформе» анти-империалистической борьбы во имя защиты «чистоты веры», «чистоты касты», всевозможных пережитков азиатчины.

Эта реакционная идеология безусловно облегчала классовое разоружение крестьянских движений, облегчала задачу последующего подчинения их предательскому руководству национал-реформистов. И как пригодилась впоследствии контрреволюционному гандизму тилаковская проповедь реставрации и возрождения «золотого века» феодальной Индии! Вся эта идеализация княжеского произвола, жреческого вымогательства и патриархальных голодовок впоследствии стала идеологическим оружием господ индийских помещиков против аграрно-крестьянской революции. Но Ганди выкинул ту революционную основу анти-империалистической борьбы, которая на известном этапе совмещалась у Тилака с реакционной идеологией,—мы имеем в виду призыв к восстанию, призыв к насильственному ниспровержению власти иностранного капитала. Но самая логика борьбы против империализма, в какие бы реакционные идеологические покровы она ни облекалась, ребром ставила вопрос—или полный отказ от революционной борьбы за национальную независимость Индии, а значит, вместе с буржуазно-помещичьей верхушкой против рабочего класса и крестьянства,—или продолжение и расширение борьбы против империализма, но в таком случае решительный разрыв с буржуазно-помещичьей гегемонией,

---

[1] Вот типичное высказывание Тилака о роли высших и образованных классов, как прирожденного руководителя движения: «Только образованные классы обладают и теми знаниями и тем мужеством, которое требуется для политической агитации. Нас не удивляет поэтому, что статс-секретарь по делам Индии рассматривает именно образованные классы как врагов.... Они (образованные классы) могут рассчитывать, что постепенно перетянут на сторону национального движения низшие классы, о которых правительство тешит себя надеждой, что они составляют его (правительства) опору». (Тилак, речи и статьи, цитир. соч., стр. 73).

общий фронт с рабоче-крестьянским лагерем против империализма против «родного средневековья».

Тилак и его школа заранее шли на все уступки туземному помещику и буржуа. Они выкинули за борт колониальной революции аграрно-крестьянский вопрос; они пытались навязать крестьянским массам реакционнейшие лозунги защиты пережитков индийского средневековья, пытались превратить крестьянство в слепое орудие «вождей из образованных классов». Если в головах патриотов-националистов основная задача анти-империалистической революции и решающее условие ее широкого развертывания заключалась в полном и безропотном подчинении пролетариата и крестьянства буржуазно-помещичьей гегемонии, то реальный процесс исторического развития давал другое решение вопросу об отношении между аграрной революцией и завоеванием независимости Индии. Только пролетариат, руководя крестьянством, может довести до победного конца задачу национального раскрепощения Индии, в то же время решительно ломая строй помещичьего землевладения, решительно очищая землю от всех остатков феодального хлама. И если Тилак думал, что, оставаясь в лагере национальной буржуазии, он сможет вести активную борьбу за независимость Индии, то он жестоко ошибся. [illegible] 1907 года, а это был лишь слабый предвестник будущей революции, ясно обнаружила основные классовые противоречия, ребром поставила вопрос: или разрыв с буржуазно-помещичьим лагерем, или бесповоротный отказ от всякой игры с вооруженным [illegible] против империализма, [illegible]

ГЛАВА VIII.

Политика империализма в Индии

Во время революционного подъема 1906—1908 гг. все общественные классы пришли в движение. Массы впервые вышли на улицу. Число участников демонстраций и митингов стало исчисляться тысячами и десятками тысяч. Это была подлинная массовая волна, хотя подъем широко захватил только три провинции Индии (Бомбей, Пенджаб, Бенгалия), хотя деревня в общем отставала от города. Была брошена первая бомба. И, что тысячу раз важнее,—индийский пролетариат построил первые баррикады.

Об июльских уличных демонстрациях и стачках 1908 года в Бомбее Ленин писал: «Пролетариат и в Индии дорос до сознательной массовой политической борьбы,—а раз это стало так,—песенка англо-русских порядков спета»[1]. (Здесь—«русских»—как синоним грубо-насильнических, угнетательских полицейских порядков).

Ярко обнаружились противоречия между национальной буржуазией и империализмом. На жестоком опыте классовых боев обнаружилось также, что национальная буржуазия—враг аграрной революции, не вождь восстания против империализма, а предатель массовой борьбы пролетариата и крестьянства. В этом—урок 1908 года. В этом—истоки контрреволюционного гандизма, идеологии буржуазно-помещичьей Индии, оформившейся именно в промежуток между первой кампанией 1906—1908 гг. и революцией 1919 года.

Массовый подъем 1906—08 гг. в Индии—прямой отклик российского 1905 года, отклик турецкой и персидской революций, предвестник китайской революции 1911 г., составная часть мирового подъема революционного движения. Недаром либеральный душитель Индии, Джон Морли, писал вице-королю: «Индия потрясена до основания и не хочет больше мириться со старым порядком вещей. Победа Японии, революция в России, революционное движение в Турции, Персии и Китае не могли остаться без влияния на величайшую из наших колоний»[2].

---

[1] Ленин. Собр. сочин., т. XI, стр. 306 (2 издание).

[2] Джон Морли, «выдающийся радикал», статс-секретарь по делам Индии в либеральном кабинете Кемпбелла-Банермана и Асквита в период 1906-1910 г. Его письмо к вице-королю Минто цитирую по Воспоминаниям Морли, т. II, стр. 154, английское изд. 1924 г.

Вместе с тем первая революционная кампания была ответом Индии на удары империализма, ответом на «новое», что внес загнивающий финансовый капитал в кровавое дело колониальной эксплоатации. Политика империализма обострила основные противоречия колониальной экономики и добавила к ним новые противоречия. Без понимания сущности нового этапа колониальной эксплоатации невозможно понять и характера классовой борьбы этого периода.

* *
*

Англия—образец загнивания монополистического капитализма. Напомним прежде всего классическое ленинское определение: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами».

В стадии империализма неизбежно усугубляется неравномерность развития, вообще свойственная капиталистическому способу производства. Углубляется неравномерность развития между отдельными отраслями промышленности. Углубляется разрыв между развитием самой промышленности и относительно отсталым сельским хозяйством. Небывало быстрыми темпами происходит перемещение хозяйственных центров капиталистического мира, на смену ведущим странам эпохи промышленного капитала вырастают новые могучие соперники. Относительно быстрый рост одних сопровождается усиливающимся загниванием других.

Ленин следующим образом характеризует проявление закона неравномерности развития при империализме: «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом, капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)».

Англия была классической и ведущей страной капитализма. До половины XIX века изделия ее фабрик и заводов имели фактическую монополию на мировом рынке, она пыталась стать промышленной мастерской, обслуживающей весь свет продукцией своих фабрик в обмен на сырье и продовольствие. Бурный процесс индустриализации в Германии, превращение Соединенных Штатов из аграрной в промышленно-аграрную страну, растущий протекционизм в странах Старой Европы—существенно меняют положение уже во второй половине XIX века. В последней четверти XIX века Англия окончательно теряет положение ведущей промышленной страны. В 1890 году Англия потеряла первое место, как производительница желез-

ной руды; в 1894 г. она теряет первое место по количеству добываемого каменного угля. Ведущие отрасли английской тяжелой промышленности еще показывают прирост, но темпы этого прироста не идут ни в какое сравнение с Германией и Соединенными Штатами. Англия отстает и по энерговооруженности своей промышленности и по степени концентрации производства. С 1895 г. по 1912 г. продукция английской горной промышленности выросла на 81%, в то время как Германия дает 170, а Соединенные Штаты 208% прироста. Если английское производство стали в 1880 году мы примем за 100, то продукция Соединенных Штатов выражалась в 89%, а Германии — лишь в 47%. В 1900 году положение меняется коренным образом. Через 20 лет (1880—1900) продукция английской стали выросла с 1 291 тыс. метрических тонн до 5 130 тыс., продукция Германии увеличилась за тот же период с 624 тыс. до 6 645 тыс. метр. тонн, а Соединенных Штатов — с 1 268 тыс. до 10 382 тыс. тонн. Английский экспорт после упадка 1870-х — 1890-х [illegible]

[illegible]

[illegible]

Увеличиваются искусственно создаваемые империализмом препятствия на пути индустриализации Индии. Увеличивается значение индийского сырья и продовольствия для империализма. Растут обороты внешней торговли Индии, растет английский экспорт в Индию. Наряду с этим крупнейшее значение приобретает экспорт капитала: «вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особо важное значение». (Ленин). Этот момент является основным для понимания нового этапа колониальной эксплоатации Индии.

Расширенное использование Индии, как сферы приложения английского капитала, прежде всего требовало установления твердой валюты вместо серебра, стремительно падавшего в цене на протяжении последней четверти XIX века. Техническая революция в разработке цветных металлов превратила серебро в побочный продукт при добыче [illegible] Европа перешла от биметаллизма к золотой валюте. С 1871 по 189[illegible] гг. инд. рупия обесценилась на 20% и котировалась по паритету 1 шиллинг и 3 пенса = 1 рупии. Обесценение рупии подрывало финансовую систему Индии. Около 15% бюджетных доходов правительства Индии [illegible]

[illegible]

[illegible] 1[illegible]

ля итог реформе 1899 г., сэр Томас Холланд наглядно вскрыл ее связь с основным вопросом экспорта капитала в Индию: «1899 г. — переломный год в наших экономических отношениях с Индией. В этом году лорд Керзон не только ввел новые правила горной разведки, крайне облегчавшей эксплоатацию естественных богатств Индии, но установил золотой стандарт и твердо фиксированный курс обмена рупии на соверен. Английский финансовый мир вздохнул с облегчением. Впервые стала известной точная номинальная стоимость наших вложений в Индии и приносимых ими дивидендов»[1].

Английские инвестиции в Индии вкладывались главным образом, в государственные займы и гарантированные правительством железнодорожные займы. Сэр Джордж Пэйш исчислял общую сумму английских инвестиций в 1910 г. в 365 миллионов фунтов стерлингов или около 10% всего вывезенного за границу английского капитала. Мы не намерены здесь входить в оценку его исчисления, где явно преувеличен размер так называемых «продуктивных вложений» (железные дороги, ирригация) и явно преуменьшены многомиллионные долги Индии, растаявшие в пороховом дыму колониальных войн или растраченные на выплату дани английскому капиталу. Здесь нас интересует то, что английские инвестиции сосредоточены, главным образом, в правительственных займах, затем в сфере обращения (банки и торговые компании, монополизирующие в своих руках основные нити импорта и экспорта), и лишь незначительная часть функционирует в производстве. По исчислениям Пэйша, из 365 млн. фунтов стерлингов только 3 миллиона вложены в разработку нефти, 4 миллиона — в горное дело, 4 миллиона — в трамваи и муниципальные предприятия, 25 миллионов — в чайные и кофейные плантации и 10 миллионов — в другие промышленные предприятия, главным образом, в джутовые фабрики. Перед нами выпукло выступает паразитический характер английского финансового капитала в Индии. Империализм держит в своих руках командные высоты экономики, фактически монополизирует при посредстве валютных банков, крупных транспортных обществ, могущественных оптовых импортно-экспортных компаний обмен Индии с мировым рынком, занимает преобладающее положение в добыче золота и нефти, кладет в свой карман сверхприбыль от эксплоатации полурабского контрактового труда на чайных плантациях, закрывая в то же время дорогу развитию собственной промышленности в Индии и являясь величайшим тормозом для развития ее производительных сил. Верным слугой финансового капитала и был вице-король Керзон (1898—1905 г.).

[1] Report of Sir Thomas Holland before the Society of Arts. April 1911.

По исчислению Риса, английские инвестиции после реформы 1893 года показывают следующий рост к 1907 г.: вложения в жел. дор. и ирригацию на 56%, капиталы частных компаний на [illegible]; валютных банков — на 95%. I. S. Rees «The real India». Лондон, 1908 г., стр. 363.

В своих многочисленных выступлениях Керзон, (отличавшийся не только детской страстью к пышности и всевозможным церемониям, но и болтливостью), неоднократно давал разъяснения и комментарии, не оставлявшие никаких сомнений о сущности его политики. Так в речи на банкете в Сити Керзон заявил: «Индия — страна, где в будущем представится гораздо больше шансов для вложения капитала, чем до сих пор, и где нам предстоит великая работа в области промышленной и коммерческой эксплоатации». И в другой речи: — Вся наша политика вращается вокруг вопросов о привлечении в Индию капиталов... В Англии плохо знают Индию, и это дурно отражается на деловом общении. Капитал еще не научился переправляться в Индию»[1].

При Керзоне сознательной политикой правительства Индии становится создание максимально благоприятных условий также для инвестиции английских капиталов в горно-добывающую промышленность. Именно для этой цели был создан особый департамент торговли и промышленности, были отменены все стеснения и бюрократическая волокита при отводе участков, пересмотрены и упрощены правила горной разведки. Правительственный сбор с каждой добытой тонны угля был снижен вдвое (с 2-х до 1 пенса). В интересах частных английских предпринимателей была пересмотрена самая система начисления правительственного сбора при добыче золота, серебра, драгоценных камней[2].

Растущее значение экспорта капитала, крупнейшая роль, которую приобретает этот момент в политике империализма, ни в малой мере не означает потери колониальной Индией ее прежнего положения, как поставщика сырья, как рынка сбыта товаров. Значение Индии во всей системе британского империализма не падает, но увеличивается. Экспорт из Англии в Индию показывает более стремительные темпы роста, чем общий показатель британского экспорта. Стремление обеспечить себе монопольное положение на индийском рынке вынуждает империализм все чаще прибегать к методам внеэкономического порядка для торможения развития собственной промышленности в Индии. Валютная реформа не только укрепила положение финансового капитала в Индии, она также нанесла удар туземной, главным образом текстильной промышленности. Этот удар в сочетании с рядом мо-

---

[1] Рейли «Керзон в Индии», стр. 36—37, цит. по Мухарджи «Англия и Индия», стр. 174.

[2] Ловет Фрейзер дает следующие сведения о керзоновских нововведениях: «Старые правила горной разведки не представляли единичного случая. Они лишь иллюстрируют нормальную линию правительства Индии по отношению к деловому миру за последнее пятилетие. Реформы Керзона коснулись буквально всех отраслей коммерческой жизни... Основное неудобство старых правил горной разведки заключалось в том, что правительство сохраняло право продавать с открытых торгов то или иное месторождение горных ископаемых, хотя бы оно и было обнаружено предприимчивостью отдельного изыскателя». (См. Ловет Фрейзер «Индия при Керзоне и после», стр. 306—307; 320—321).

ментов, как объективного порядка, так и сознательно вызванных империализмом, создал в 1900-х годах подлинный кризис индийской текстильной промышленности. Все возрастающее значение приобретает экспорт индийского сырья. В индийском вывозе пшеница, чай, хлопок, джут-сырец и изделия из джута дают ⅔ всего экспорта. Именно в этот период индийский чай окончательно вытесняет китайский. В 1860 г. Китай поставлял на мировой рынок около 90% всего чая, в 1896 г. на долю Индии и Цейлона приходилось 58%, а на долю Китая—42%. Тогда же Индия выступает крупнейшим экспортером пшеницы на английский рынок. Бурными темпами увеличиваются посевные площади под хлопком, джутом. Если принять за 100 уровень 1892–1897 гг., то прирост продукции и экспорта по пшенице, хлопку и джуту выразится в следующем виде:

Годы	Пшеница		Хлопок		Джут	
	Продукция	Экспорт	Продукция	Экспорт	Продукция	Экспорт
1892—97 . . .	100	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	100
1901—[illegible] . . .	1[illegible]2	21[illegible]	17[illegible]	[illegible]	12[illegible]	1[illegible]7

[illegible]

в крупнейшем источнике снабжения Индии — соляных озерах Раджпутаны — равняется четырем пенсам за 82 фунта. Таким образом, монопольная цена соли лишь на 400% выше себестоимости»[1]. Неудивительно, что недостаток соли, почти недоступной крестьянству, служит одной из причин болезней и вырождения индийской деревни. Империализм получил в наследство и полностью сохранил аграрную систему, которую Маркс называл «рядом неудачных и действительно нелепых (на практике позорных) экспериментов... В Бенгалии они (англичане — И. Р.) создали карикатуру английского крупного землевладения; в юго-восточной Индии — карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину с общинным землевладением в карикатуру ее самой».

Империализм оставил в полной неприкосновенности феодально-помещичье землевладение; форсировал действие тех экономических и внеэкономических средств давления, которые приковывают крестьянство к помещичьей земле и гонят его в ростовщическую кабалу, усилил налоговый нажим; расширил действия грабительской системы поземельного налога, прикрытой сверху дряхлым плащем азиатского принципа «государственной собственности на землю». Сохранилось и усилилось действие причин, «ухудшавших общественные условия производства» в сельском хозяйстве Индии; углубился структурный аграрный кризис, вызванный феодально-империалистической эксплоатацией индийской деревни. Небывало усилились голодовки. В этот период империализм даже не ставит в порядок дня вопроса о проведении частичных реформ юнкерского типа. «Нововведения» ограничиваются насаждением кредитной кооперации в интересах кулацко-ростовщической верхушки деревни и мало действительными мерами правительственной агро-технической помощи, главным образом, раздачей чистосортных семян.

Союз с помещичье-феодальной Индией и сохранение ростовщика в качестве агента колониального капитала в деревне неизбежно сводили аграрную политику империализма к постоянному выкачиванию поземельного и водного налогов и к жалким попыткам «регулирования» отношений между должником и заимодавцем, помещиком и арендатором.

Империализм увеличил бремя поземельного налога. К основной ставке поземельного налога были добавлены различного рода начисления от 6½% до 10%[2]. Необходимость трансферта ко-

---

[1] «Правда про Индию» — перепечатка памфлетов, изданных Союзом Ост-Индской Ассоциации с 1907 по 1913 г. Лондон, 1917 г., стр. 29. «Truths about India» Being a reprint of leaflets issued by the Council of East India Association.

[2] В Бенгалии начисления равнялись 6½%, в Пенджабе — 5,2%, в Соединенных провинциях — 6%. «Land Revenue Policy of the Government of India Calcutta, 1902, стр. 29.

лониальной дани в Англию в золоте, в то время как крестьянство платило ее в обесцененном серебре; бешеная гонка вооружений, подготовка к войне сначала против царской России, а затем против империалистической Германии—увеличили общее бремя налогов, в том числе и поземельный налог. Если за десятилетие 1883—1893 гг. поземельный налог составлял 28% общих бюджетных поступлений, то в следующее десятилетие 1893 — 1903 г. он вырос до 30%.

Налог формально в основном платит помещик. Но он перекладывает его тяжесть на крестьянство. Жалкие попытки колониального правительства «регулировать» выжимание помещиком ренты не облегчают положения крестьянства.

В районах, где еще сохранилось крестьянское землевладение, грабительский поземельный налог, как мы указывали выше, не только отнимает ренту и прибыль, но представляет прямой вычет из «заработной платы» беднейших слоев деревни. Налог фиксируется на много лет вперед. Сроки его уплаты жестки. В условиях неурожая или падения цен налог является непосредственной причиной разорения крестьянства, перехода крестьянской земли к ростовщику и помещику, экспроприации непосредственных производителей. В период невиданных, грандиозных голодовок, охвативших Индию на рубеже XIX и XX столетий, грабительская система поземельного налога была фактором, ускорившим экспроприацию и пауперизацию основных масс деревни. «Пайонир», англо-индийский официоз, сообщает относительно Бомбейского Гуджарата: «Увеличение налога, проведенное во время последнего его пересмотра, было безусловно чрезмерным, судя даже по всем принятым официальным стандартам. Если учесть, каково экономическое состояние крестьянства этого района, можно признать и вышение налога разорительным. Первоначально намечено было увеличение в различных подрайонах в размере от 33 до 66% прежней ставки. В отдельных деревнях ставка налога нередко удваивалась, а в отдельных владениях нередко более, чем удваивалась». Такие же сведения сообщает об этой провинции придворный историограф вице-короля Керзона, предусмотрительно сваливающий всю вину на мелких чиновников-индийцев. «Тяжесть чрезмерного налогового обложения,—пишет Ловет Фрейзер про Гуджарат,—была еще усилена теми неправомерными методами, к которым прибегали подчиненные чиновники-индийцы при сборе налога, как это обнаружилось перед комиссией официального обследования в 1901 году. Комиссии были представлены доказательства, что мелкие чиновники-индийцы подвергали порке крестьян, незаконно захватывали украшения, опечатывали дома, продавали имущество»[1].

Крупный английский чиновник Торборн еще более наглядно демонстрирует связь поземельного налога с экспроприацией кре-

[1] Л. Фрейзер, цитированное соч., стр. 156.

стьянства ростовщиком: «О Пенджабе в целом можно утверждать, что процесс массовой экспроприации крестьянства ростовщиком ведет начало, — это я берусь доказать по каждому району Пенджаба в отдельности,—от первого неурожая или голодовки, происшедшего после нашей фиксации денежного налога на 20—30 лет вперед»[1].

Грабительский характер всей системы поземельного налога выявился с особенной яркостью на фоне голодовок. Не только туземная буржуазия,—ряд видных бюрократов подняли голос за некоторое смягчение жесткости и тяжести поземельного налога за дальнейшее утверждение принципа частной собственности на землю.

Характерным документом, выставляющим более чем умеренные требования, является петиция, представленная английскому кабинету группой отставных англоиндийских бюрократов. Под петицией также имеется подпись Ромэша Датта, крупнейшего теоретика национальной буржуазии и председателя Конгресса в 1899 г. Петиция высказывает следующие пожелания:

1) Там, где поземельный налог вносится непосредственно земледельцами, как в большей части провинций Мадраса и Бомбея, правительство должно ограничить свои требования 50% чистого дохода и делать соответственную скидку на покрытие расходов по производству. Требование поземельного налога не должно, как общее правило, превышать 20% валового урожая, даже в тех частях Индии, где 50% чистого дохода приравниваются к [illegible] валового урожая.

2) В тех провинциях, где поземельный налог уплачивают помещики, должен твердо соблюдаться принцип так называемых Сахаранпурских правил, согласно которым налог ограничен 50% ренты, фактически собранной помещиком.

3) Пересмотр старого поземельного налога не может происходить до истечения 30-летнего срока.

4) При пересмотре ставок поземельного налога в тех частях Индии, где ответственным за налог является непосредственно земледелец, повышение налога допустимо только в результате: а) улучшения проведенной за счет правительства оросительной сети, если это улучшение вызвало рост цен земли, и б) повышения цен сельскохозяйственных продуктов, из расчета средних цен за 30-летний период, предшествовавший пересмотру старых налогов.

5) Наконец, мы предлагаем установить по каждой провинции определенный предел разного рода начислениям на поземельный налог (cesses). Мы считаем, что принятое в Бенгалии начисление в 6½% является справедливым. Мы считаем, что начисления ни в коем случае не должны превышать 10%»[2].

[1] Торборн. «Пенджаб во время мира и войны». Лондон, 1904 г., стр. 235.

[2] Цитирую по книге О'Доннеля «Провал лорда Керзона». Лондон, 1903 г., 3-е издание, стр. 18.

В ответ последовала декларация со стороны правительства, изложенная в форме особой революции о поземельном налоге. Эта резолюция была составлена лично Керзоном и выпущена особой книгой под названием «Поземельный налог и политика правительства Индии»[1]. Этот документ в недвусмысленных выражениях подтверждает пресловутый принцип «государственной собственности на землю», подтверждает право империализма облагать всякое улучшение, произведенное в крестьянском или помещичьем хозяйстве. «Правительство Индии,—говорится в резолюции, — сохраняет долю во всяком продукте земледелия, сохраняет право на определенную долю во всяком увеличении продукции или ее цены» (стр. 27). Империализм подтверждает, что он попрежнему будет заставлять помещика делиться выжатой из крестьян рентой. И хотя резолюция отмечает, что империализм отнимает все меньшую долю у помещика, оставляя ему теперь половину крестьянской ренты в Северо-Западных провинциях, 46% в провинции Ориссы, 53% в Ауде, тем не менее правительство Индии отказывается ограничить формальным образом свои права. Резолюция 1902 года недвусмысленно подтверждает, что империализм будет продолжать налоговое ограбление крестьянства, поскольку в Индии сохранилось крестьянское землевладение (стр. 21—23). Резолюция также подтверждает, что колониальное государство «не отказалось от своей доли во всех улучшениях, в которых качество земли играет ту или иную роль наряду с трудолюбием человека или вложением капиталов» (стр. 24).

Правительство Индии наотрез отвергло установление твердых сроков пересмотра земельного налога, отвергло всякую попытку ограничить возможность вздувания налога твердо установленными правилами. В то же время Керзон несколько усовершенствовал самую процедуру сбора налогов: в частности, повышение поземельного налога вступает в силу не сразу, но в течение нескольких лет. Местным властям предоставляются большие полномочия по снижению налогов в неурожайные годы. Вводится ускоренный учет эпидемий, стихийных бедствий и т. д. могущих повлиять на урожай. В случае, когда правительство дает отсрочку по уплате налога (такая отсрочка может быть дана лишь тогда, когда урожай на 50% м е н ь ш е н о р м а л ь н о г о), население должно быть сразу же осведомлено о предоставленной отсрочке. Все эти ничтожные меры технического порядка, придававшие известную эластичность колониальной государственной машине, не меняют основного факта, что налог не уменьшился, но повысился, и вся система грабительского поземельного налога была сохранена. Империализм ясно, показал, что поземельный налог остается в его руках одной из решающих командных высот в колониальной экономике; ясно также, что его основная ставка— на сохранение до-капиталистических методов эксплоатации, а не на сколько-нибудь свободное развитие капиталистического земле-

[1] «Land Revenue Policy of the Government of India» Calcutta, 1902.

дения. Только аграрная крестьянская революция, сметая весь гнилой феодальный аграрный строй, уничтожит заодно грабительскую систему поземельного налога.

Одновременно правительство Керзона провело ряд реакционных мероприятий, представляющих лицемерную видимость уступок крестьянству. В Пенджабе, где сикхское крестьянство составляло цвет англо-индийской наемной армии, был проведен акт 1900 года «о порядке отчуждения земельной собственности». Пенджаб стоял на первом месте в Индии не только по производству экспортной пшеницы, количеству новоорошенных земель и числу кооперативных обществ. Проникновение капитализма означало неслыханную интенсификацию феодальных методов эксплоатации, непомерный рост ростовщической кабалы, чрезвычайно быстрый процесс экспроприации основных масс деревни. Империализм пытается несколько замедлить стремительный процесс обезземеливания и закабаления крестьян, дававших ему лучших солдат. Была запрещена продажа земли, так называемым «неземледельческим кастам», т. е. наследственным кастам, которые представляли наиболее мощные группы индусского торгово-ростовщического капитала. Были введены значительные ограничения для права заклада земли. Сам Керзон в письме на имя статс-секретаря по делам Индии от 3 августа 1899 г. откровенно подчеркивает двойственное значение этой меры. Торгово-ростовщический капитал является верной агентурой империализма, и всякий удар по ростовщику неизбежно отзывается на самом колониальном хозяине. «Чем больше я думаю о проблеме ростовщичества,—писал Керзон,—тем сильнее я убеждаюсь, что она подобна дикобразу. Что бы мы ни делали, каким бы образом мы ни пытались искоренить или преодолеть это зло, мы неминуемо раним самих себя, наносим удар по собственным интересам» [1].

Кровную связь между ростовщиком и властью империализма видел не только Керзон, но и пенджабский крестьянин, как это видно из крестьянских поговорок, бывших в большом ходу в сикхской деревне 1900-х годов, — например: «Нынешнее правительство — это радж (власть) ростовщика», «Перо и суд отдали землю ростовщику; насилие вернет ее обратно» [2].

«Реформы» Керзона не остановили ни роста ростовщичества, ни мобилизации крестьянской земли и перехода ее в руки богатеев, ростовщиков, помещиков. Вместо старых ростовщиков-профессионалов быстро выделилась ростовщическая прослойка из числа помещиков, кулаков, богатеев [3]. Другими законами этого же

---

[1] Рональдшн. «Жизнь лорда Керзона», Лондон, 1929 г., т. II, стр. 292

[2] Торборн, цит. соч., стр. 237.

[3] «Акт или закон о порядке отчуждения земельной собственности в Пенджабе улучшил положение крестьянства в отношении тех ростовщиков, каковые принадлежали к не-земледельческим кастам. Закон однако явился обоюдоострым оружием, вызвав к жизни многочисленный слой ростовщиков из числа помещиков и состоятельных крестьян» — пишет Л. Дж. («Туземная банковская система в Индии», Лондон, 1929 г., стр. 191).

типа явились: бомбейский закон 1901 г. и бундельхендский 1903 г. (округа Джанси и часть округа Алахабад, Соединенные Провинции). Сущность их заключалась в том, что в ряде округов, наиболее пострадавших от голода, продажа земли могла состояться только с разрешения английского чиновника. Эти же законы содержали особое постановление на случай продажи земли с торгов за невзнос налога: правительство имело право сдать ее обратно прежним владельцам в аренду на льготных условиях, однако без права продажи ими надела.

Ограничение покупки и продажи земли, установленное в двух округах Соединенных Провинций, и в одном округе Бомбея (округ Панч-Махал), не оказало заметного влияния на процесс концентрации земельной собственности в руках помещиков, кулаков, буржуазных интеллигентов. Голодовки и неурожаи, безусловно ускоряли этот процесс, а голодовки были чрезвычайные по своим размерам, даже по масштабам Индии. Голодовка 1898/99 гг. охватила пространство в 400 тыс. кв. миль с населением в 60 миллионов. Погибла $1/3$ валового урожая всей Индии, ценностью около 1 миллиарда рупий. За год перед тем голод охватил территорию в 350 тыс. кв. миль с населением в 40 млн. душ. Число умерших от голода перешло за миллион.

Империализм завинтил еще туже все винты колониальной эксплоатации. Бюрократический аппарат был крепче стянут централизацией, стал беспощадным проводником империалистического произвола. Были проведены многочисленные внутренние реформы, которые несколько подновили бюрократическую машину, сделали ее более эффективной, заставили работать чуть быстрее все колесики и винтики чиновничьего аппарата. Было усилено ведущее значение европейского элемента; ряд должностей, куда раньше назначались индийцы, были в правление Керзона снова отданы англичанам. Колониальный режим в целом получил характер более незамаскированного, более открытого, более циничного закрепления монополии иностранного капитала, утверждения империалистического господства.

В проведении своей политики империализм опирается на туземных князей, на помещиков, на ростовщиков, на компрадорскую буржуазию. Феодальным принцам Индии была по-прежнему обеспечена верная защита английских штыков. Феодальные принцы и деспоты проявили себя в бурные годы 1905—08, как надежные союзники империализма, хотя Керзон довел до крайних пределов правительственную опеку над каждым шагом туземных раджей, подчеркнуто демонстрируя им, что они жалкие пешки в руках правительства Индии. Если верить дневнику статс-секретаря по делам Индии, Самуэля Монтегю, высокомерие и нетактичность Керзона даже толкнули одного из крупнейших туземных князей на тайную поддержку революционного движения[1]. Подъем 1906—

[1] Дело идет о Синдии, радже Гвалиора. E. S. Montagu «My Indian Diary» Лондон. 1930 г., стр. 275.

1908 гг. еще прочнее спаял империалистически-феодальный блок, еще прочнее привязал 586 туземных раджей к диктатуре английского капитала.

Феодально-помещичья Индия оставалась надежной опорой империализма. Движение 1906—08 гг. подтвердило это. Но революционное движение иногда начинается выступлением классов, являющихся верными защитниками реакции. В погоне за новыми источниками доходов Керзон задумал урзать у бенгальских заминдаров-помещиков кое-что из ренты, гарантированной им на вечные времена, согласно налоговой системе постоянного заминдари 1794 года. Раздел Бенгалии был задуман Керзоном, как первый шаг к пересмотру этой системы. Выступления бенгальских помещиков, которых империализм хотел ударить по карману, ускорили революционный взрыв.

Ростовщики и компрадорская буржуазия — верные союзники империализма. Голодовки усилили богатейскую верхушку деревни, увеличили вес и влияние ростовщика, укрепили его позиции. Компрадорская буржуазия приветствовала стабилизацию валюты и больший размах внешней торговли, усиливала свои накопления. Необходимо отметить противоречивый характер влияния экспортированного капитала. Усилилось ведущее значение монопольного иностранного капитала во всей колониальной экономике, усилились противоречия между империализмом и национальной буржуазией, усилилось тормозящее влияние, которое оказывает колониальный режим на развитие производительных сил Индии в целом. Но в то же время увеличилось сращение и переплетение английского и индийского капиталов в ряде промышленных отраслей, в особенности в джутовой, горно-добывающей, шерстяной; усилилась зависимость туземной буржуазии от империализма. Это также сказалось на позициях национальной буржуазии в кампанию 1906—08 гг.

Зажимая до отказа пресс колониальной эксплоатации, беспощадно выкачивая все соки из Индии, обостряя противоречия колониальной экономики, империализм приблизил взрыв классовой борьбы, подготовленный всем ходом общественного развития. Керзон абсолютно не считался с национальной буржуазией, как-бы игнорировал самое ее существование, а между тем она представляла силу, имела значительный политический вес. Керзон и его чиновничье окружение не сохранили в памяти уроков Сипайского восстания, забыли уроки крестьянского движения 1860-1880-х годов, считали индийского мужика способным лишь на пассивное страдание, на безропотную голодовку. Нужен был подъем 1906—1908 гг., чтобы выявить огромную революционную энергию крестьянства, накопленную десятилетиями голодовок, помещичьего гнета, ростовщической кабалы. Но основное заключалось в том, что на священной почве Индостана создался революционный пролетариат,— класс, которому «нечего терять, кроме собственных цепей».

В своей оценке политического положения Индии Керзон высказывал полное пренебрежение к национальному движению, которое он отожествлял с недовольством отдельных групп деклассированной интеллигенции, зараженной «тлетворным духом» западного просвещения. «Керзон всегда относился с презрением к претензиям ничтожной группы индийских политиканов, выступавших от имени индийского народа,—пишет биограф Керзона, Рональдши. — Эти взгляды он не стеснялся выражать публично, со свойственной ему прямотой»[1].

В своей знаменитой речи, с которой Керзон выступил в качестве председателя Сената Калькуттского университета, он без обиняков заявил, что «все индийцы по своим прирожденным расовым свойствам являются лжецами». Правда и стремление к истине оказываются свойствами только «западной цивилизации». Ряд провокационных «реформ» должен был «поставить на место» туземную буржуазию и интеллигенцию, урезать их и без того мизерные права.

Империализм нанес ряд серьезнейших ударов экономическим интересам национальной буржуазии (акциз на изделия текстильной промышленности, валютная политика и т. д.). Одновременно Керзон ведет открытое наступление на ее жалкие политические права. Урезываются действия актов о местном самоуправлении, данных буржуазно-помещичьей Индии во времена Риппона и Дюфферина. В крупнейшем городском самоуправлении Индии,— Калькутте,— число выборных членов индийцев сокращается вице-королевским приказом с 75 до 50 человек. Усиливается правительственный контроль над университетами, урезываются и без того ограниченная автономия высшей школы, намечается сокращение числа «кухаркиных детей» в составе высшей школы; ее двери закрываются для всех, кто не может вносить высокой платы за учение[2]. Этим путем предполагалось сократить перепроизводство туземной интеллигенции и тем «пресечь смуту», возникновение которой целиком приписывалось в чиновничьих кругах росту числа европейски образованных индийцев и брожению интеллигентских умов, не находящих себе полезного применения. Была усилена строгость университетских экзаменов и косвенным путем, посредством требования обязательного оборудования дорого-стоящих лабораторий при интернатах, готовивших студентов к университетским экзаменам, была фактически значительно повышена плата за учение.

Нанося удар за ударом национальному самолюбию Индии, восстанавливая против империализма общественное мнение самых широких слоев населения Индии, Керзон находился в наивном заблуждении, что его провокационные «реформы» должны вырвать почву у национального движения, привести к его развалу, уско-

[1] Цитир. Соч. «Жизнь Керзона», т. 2-й стр. 50.

[2] В одной из речей Керзона заявил: «Плата за учение не должна быть настолько низка, чтобы соблазнять студентов без средств делать университетскую карьеру».

рить распад крупнейшей политической организации буржуазно-помещичьей Индии — ее национальных конгрессов. В письме от 18 ноября 1900 г. Керзон пишет статс-секретарю по делам Индии: «Мое глубочайшее убеждение, что национальное движение больше не имеет под собой почвы, что Национальный конгресс переживает крайний упадок, находится накануне распада. Мечта моей жизни — содействовать его мирной смерти во время моего вице-королевства» [1].

Лидер умеренных индийских националистов, Гокхеле, совершенно правильно оценивает эту сторону керзоновской политики с точки зрения интересов национальной буржуазии. «Для Керзона Индия была страной, где власть является монополией англичан, прикрывающих свое привилегированное положение болтовней о долге. Единственная обязанность индийцев — слепое повиновение. Святотатство с их стороны — говорить о свободе, тем более — стремиться к ней. В политике Керзона не было места для образованных и состоятельных классов Индии» [2].

Попробуем в кратких чертах очертить экономическую основу этих самых «состоятельных и образованных классов Индии», представителем которых выступает Гокхеле. Национальная буржуазия попрежнему остается сращенной с феодальным землевладением, заинтересованной в защите и упрочении помещичьей собственности. Капиталы попрежнему находят основное применение в покупке такого «товара», как земля; попрежнему основное ядро национальной буржуазии составляет торговая буржуазия, смыкающаяся, с одной стороны, с империализмом при посредстве компрадоров, а с другой,— с ростовщичеством, с торговлей деньгами. Может считаться доказанным, что крупнейшие туземные банки при посредстве целой цепи посредников финансируют деревенского ростовщика. Может считаться доказанным, что в условиях колониальной зависимости и заторможенного развития собственной промышленности, основная масса накоплений торговой и компрадорской буржуазии обращается на приобретение земельной собственности. Может считаться также доказанным, что туземный буржуа, осевший на землю, «территориализировавшийся», ни в коей мере не превращается в помещика юнкерского типа, в носителя хотя-бы ограниченного капиталистического прогресса в сельском хозяйстве, а становится полуфеодалом, выжимающим ренту, «отсутствующим помещиком», сдающим всю землю арендаторам на условиях полурабской издольщины. Может далее считаться доказанным, что представитель деревенской буржуазии—богатей, кулак был в начале XX столетия и остается до сих пор скорее носителем до-капиталистических и переходных методов эксплоатации крестьянства, чем двигателем капиталистического «прогресса» в сельском хозяйстве. Кулак, ростовщик и скупщик обычно совмещаются в одном и том же лице. Кулак больше сдает землю в аренду бедноте на кабаль-

[1] «Жизнь Керзона», стр. 152.
[2] Гокхеле. Речи и статьи стр. 68.

них условиях, чем ведет самостоятельное хозяйство. Снова и снова отмечая теснейшую сращенность индийского буржуа с помещичьим землевладением, со всем грузом феодальных пережитков и докапиталистических методов эксплоатации крестьянства; снова и снова отмечая сращенность национального капитала с английским капиталом, мы должны подчеркнуть некоторые сдвиги, и в частности растущее политическое и экономическое значение прослойки индийского промышленного капитала, растущее противоречие в которое туземный промышленный капитал вступает с империализмом; растущее влияние, которое он оказывает на политику буржуазно-помещичьего лагеря в целом.

Несколько фактов. Прежде всего налицо — рост как туземных банков, так и туземного акционерного капитала. Если в 1880 г. насчитывалось всего 3 банка с 2,111 тыс. рупий собственного капитала и 6 337 тыс. рупий вкладов, то через 20 лет уже было 9 туземных банков с 12 727 тыс. собственного капитала и 80 000 тыс. рупий вкладов[1]. Согласно официальным данным, за 15 лет, с 1888 г. до 1903 г., число туземных акц. компаний возросло с 895 до 1 440, при чем их оплаченный капитал показывает увеличение с 15 до 26 млн. фунтов стерлингов. Оплаченный капитал распределяется следующим образом:

Банки и страх. о-ва . . .	3 380 т. ф.	Промышленность, включ. хлоп.-бум. и джут. заводы	12 714 т. ф
Торговля и судоходство	1 551 » »	Плантации	2 138 » »
Копи	1 071 » »		

Обращает на себя внимание крупная доля промышленного капитала в составе всего акционерного капитала, зарегистрированного в Индии. Здесь ведущее положение занимает хлопчато-бумажная промышленность, находящаяся почти исключительно в руках индийских капиталистов. Положение этой отрасли промышленности дает ключ к пониманию экономических интересов и политических позиций влиятельнейших групп туземного промышленного капитала.

Прежде всего приведем таблицу роста хлопчато-бумажной промышленности[2] за период с 1879 по 1905 г.

Годы	Фабрик	Капит. в лаках рупий[3]	Рабочих	Ткацк. станков	Веретен
			в тысячах		
1879—80	63	657,6	51	11,5	1 610,6
1884—85	93	887,9	75,7	18,2	2 296,8
1889—90	127	1 161,1	116,1	25,3	3 263,8
1894—95	156	1 419,5	150	36,6	4 046,1
1899—1900	195	1 687,9	171,6	42	5 000,9
1904—05	203	1 757,5	196,1	47,3	5 195,4

[1] Л. Ц. Джайн. «Туземные банки в Индии», стр. 145—151.
[2] Манилал Ганди. «Индийская текстильная хл.-бум. пром-сть» стр. 74.
[3] Лак = 100 000 рупий.

Туземная текстильная промышленность становится все более ткацкой промышленностью. Начиная с 1899 г., число ткацких станков вырастает несравненно быстрее, чем число веретен. Одновременно Бомбей (он обладал в 1905 г. вместе с Президентством 61% веретен и 77% ткацких станков всей Индии) теряет внешние рынки, большое внимание уделяет индийскому рынку и становится серьезным конкурентом Ланкашира[1]. Далее, голодовки, пауперизация основных масс деревни суживает внутренний рынок на худшие сорта пряжи и ткани, производителем которых выступает именно текстильная туземная промышленность. Производственные возможности индийской текстильной промышленности быстро растут. Между тем она теряет внешние рынки, встречается на внутреннем рынке не только с последствиями голодовок, но мощной конкуренцией Ланкашира. «В конце 1890-х годов,— пишет Мангаллаль Ганди,— установился выгодный уровень цен на мануфактуру, который вызвал большие ожидания и растущие капиталовложения в туземную ткацкую промышленность. Быстрыми темпами начался процесс расширения ткацкой отрасли туземной текстильной промышленности. Как показывает таблица, число ткацких станков выросло на 55%, между тем как производство мануфактуры увеличилось лишь на 15%. Экспорт оставался на прежнем уровне с небольшой тенденцией к понижению, потребление же внутреннего рынка было недостаточным в силу крупного импорта английской мануфактуры»[2].

К этому присоединились искусственные меры ограничения, проведенные империализмом. Установление золотого стандарта рупий сильнейшим образом отразилось на возможности демпинга индийской мануфактуры на рынках стран, сохранивших серебряную валюту, в частности на китайских рынках.[1] Тарифно-таможенная политика империализма ставит новые палки в колеса развитию текстильной промышленности. Вводится особая пошлина на импортируемый египетский хлопок, с целью помешать переходу Бомбея на выработку высших номеров тканей и пряжи, монополизированных Ланкаширом. Также вводится особый, сначала 5-процентный, а затем $3^1/_2$-процентный акциз на мануфактуру индийской выработки.

Отметим вкратце основные моменты развития таможенно-тарифной системы Индии.

Крупный дефицит после Сипайской войны привел к введению общего 5-процентного обложения со стоимости импортируемых товаров. Английская пряжа облагалась $3^1/_2$% стоимости, мануфак-

---

[1] В 1906 г. индийская текстильная промышленность произвела 58 кроров фунтов пряжи. Из них 23 крора были вывезены за границу. Ткани было произведено 54 крора ярдов, из которых только 14 кроров были экспортированы за границу, остальное пошло на внутренний рынок. (крор—10 000 000 фунт.). K. G. Gokhale «Speaches and Writings» p. 694.

[2] Мангалаль Ганди, цит. соч., стр. 68—69.

тура — 5%, а мануфактура не-английского происхождения — 10%. В 1860 г. обложение английской и не-английской мануфактуры было уравнено. В 1864 г. под давлением Ланкашира пошлина была снижена до $7\frac{1}{2}\%$ для английской мануфактуры. Рост туземной промышленности Бомбея вызывал возрастающий нажим манчестерских фабрикантов на правительство в целях отмены всякого обложения импорта английского текстиля в Индию. В 1878 г. тариф был снят, и Индия «осчастливлена» свободным ввозом английской мануфактуры. Сэр Джон Стрэки, министр финансов в правительстве Индии, в своей речи по бюджету 1878 г. с наибольшей откровенностью высказал то общеизвестное положение, что правительство Индии является лишь орудием английских капиталистов: «Интересы Манчестера, которые стали мишенью нападок со стороны глупцов, представляют интересы не только обширной массы трудолюбивых людей, непосредственно занятых переработкой хлопка, но и интересы миллионов англичан. Я ничуть не стыжусь заявить, что если я не уступаю никому другому в сознании долга, связывающего меня с Индией, то я вижу свой высший долг в служении интересам своей собственной страны» (Англия). Тогда же Стрэки провозгласил основные принципы таможенной политики: «Мы не допустим наложения таможенной пошлины, которая служила бы защитой предприятиям туземной промышленности. Прямым выводом из этого положения является наложение акцизного сбора на продукцию туземной промышленности и в тех случаях, когда однородная продукция английской промышленности облагается при импорте в Индию пошлиной».

В 1894 г. в связи с продолжавшимся обесценением рупии и создавшимся огромным дефицитом была установлена 5-процентная пошлина на импортную английскую мануфактуру. Одновременно был введен акцизный сбор в 5% со стоимости «всех видов пряжи выше 20 номера, выработанных на фабриках Британской Индии». В 1896 г. тариф на импортную мануфактуру был снижен с 5 до $3\frac{1}{2}\%$. Вместе с тем пряжа как импортная, так и индийская были освобождены — первая от таможенного, вторая от акцизного сбора. Зато все виды мануфактуры туземного фабричного производства стали облагаться $3\frac{1}{2}$-процентным внутренним акцизным сбором. Английская мануфактура была обложена $3\frac{1}{2}$-процентной пошлиной. Рупия была окончательно стабилизована в 1899 г.; вскоре образовались даже бюджетные излишки (главным образом, в результате налогового переобложения), но акцизный сбор все же не был отменен. Неудивительно, что он рассматривался национальной буржуазией, как прямое орудие удушения индийской текстильной промышленности в интересах Ланкашира. Сэр Фирузшах Мехта, крупнейший адвокат и старый конгрессист, характеризовал акциз как попытку удушить в колыбели индийскую текстильную промышленность только на том основании, что в Манчестере существует подозрение, что Бомбей скоро выступит конкурентом английской продукции.

С начала XX столетия индийская текстильная промышленность вступает в полосу потрясений и кризиса. По свидетельству члена Законодательного Собрания в Бомбее, Мозеса, — «в 1902 году не менее, чем 14 бомбейских фабрик оказались несостоятельными и были проданы с торгов за треть цены, в том числе целый ряд с иголочки новых, только что законченных оборудованием текстильных фабрик». Мозес добавляет: «Важнейшая и многообещающая отрасль индийской промышленности оказалась на краю банкротства вследствие валютной политики правительства и введенного акциза. Эти меры ударили по текстильной промышленности в тот период, когда она и без того находилась в тяжелом положении вследствие растущей конкуренции Японии на Дальнем Востоке и ослабления спроса в самой Индии в результате последних голодовок»[1]. О'Донель, у которого мы заимствовали эти сведения, прибавляет: «В течение 1902 года обанкротились еще 6 фабрик и только 3 из общего числа 163 бомбейских фабрик выплатили дивиденды»[2].

Непосредственной экономической причиной революционного подъема был серьезнейший экономический кризис 1907 г., как отражение и составная часть мирового кризиса этого периода.

Кризис вызвал дальнейшее затоваривание и рост запасов мануфактуры на фабричных складах Бомбея и Ахмедабада. Туземный промышленный капитал великолепно понимал, что и валютная и тарифная политика империализма, не говоря о булавочных уколах так называемого «рабочего законодательства», были непосредственно направлены на удушение индийского конкурента. При такой ситуации становится понятной политическая линия туземного промышленного капитала. Индийские текстильные фабриканты были жизненным образом заинтересованы в расширении своей доли во внутреннем рынке, отчетливо сознавали противоречия, разделявшие их с империализмом. В их интересах было использовать массовый революционный подъем. Интересы прослойки промышленного капитала оказывают значительное влияние на политику буржуазно-помещичьей Индии, но не определяют этой политики. Эти противоречия между интересами буржуазии — национальной и империалистической — имеют крупнейшее значение для понимания всего индийского национал-реформизма, но они занимают тем не менее подчиненное место в отношении к основному классовому

---

[1] Закрытие английского монетного двора в 1893 г. для свободной чеканки серебра—говорится в отчете правительственной комиссии по промышленному обследованию Индии,—наряду с быстрой индустриализацией Японии, которая не только сократила импорт индийской мануфактуры и пряжи, но выступила серьезнейшим конкурентом Индии на китайском рынке,—значительно повлияло на быстроту развития, которой до этого времени отличалась хлопчато-бумажная промышленность Бомбея». («Indian Industrial Commission Report»). 191[illegible].

[2] О'Донель, цитир. соч., стр. 48-49.

противоречию между крестьянством и всем феодальным аграрным строем. В тылу у национальной буржуазии уже вырос пролетариат и находились миллионные массы революционного крестьянства. Сама национальная буржуазия выступает не только в качестве силы, оппозиционной империализму; она защищает также феодальный строй, ростовщическую кабалу и выступает в качестве врага аграрной революции.

По данным фабричной инспекции в 1902/03 г. в Индии насчитывалось 1 511 фабрик, применявших механические двигатели, с 541 тыс. рабочих. Сюда не включены железнодорожники, горнорабочие, плантационные кули, вовсе не подлежащие действию так называемых законов по охране труда. По данным переписи 1911 г. в Индии насчитывалось 2 105 тыс. рабочих, которые следующим образом распределялись по отраслям промышленности: на плантациях работало 810 тыс. чел., в горнодобывающей промышленности — 224 тыс., в текстильной — 557 тыс., в железнодорожных мастерских и депо — 125 тыс. Эти отрасли охватывали 1 717 тыс. человек, т. е. 81% общего числа рабочих. Подавляющее большинство рабочих размещалось в двух провинциях Индии — Бомбее и Бенгалии, где по данным фабричной инспекции было сосредоточено 75% всего пролетариата. Индийская фабрика, имея в виду решающее значение текстильной промышленности, представляется крупно-капиталистическим предприятием со значительной концентрацией рабочей силы (в среднем до 1,5 тыс. человек в хлопчато-бумажной и 2—3 тыс. человек в джутовой текстильной промышленности). Индийский пролетариат был еще молод. Рабочие главным образом были выходцами из разоренной и пауперизированной деревни, хотя имелись также прослойки из бывших кустарей и ремесленников.

Эта прослойка, в силу особенностей колониального развития фабричной промышленности в Индии, численно уступала однородной прослойке ремесленников и кустарей на ранней европейской фабрике. Основная масса ремесленников не попала на фабрики, была вытеснена обратно в деревню, прежде чем возникла фабрика.

В условиях безжалостной эксплоатации, неограниченного рабочего дня, зарплаты, пониженной далеко за пределы нищенского прожиточного минимума, индийская фабрика в начале XX столетия текучестью своей рабочей силы напоминала проходной двор. На смену истощенным и высосанным отрядам рабочей силы приходят новые выходцы из деревни, чтобы через полгода или год непосильной работы на фабрике уйти с надорванными силами и надломленным здоровьем доживать обратно в родную деревню. В условиях невиданной жилищной скученности, детской смертности, которая до сих пор не снижается в Бомбее ниже 500 на 1 000 рождений, лишь медленно и с трудом может изживаться текучесть рабочей силы, обрывается пуповина, связывающая наемного рабочего с де-

ревней, складываться стойкое пролетарское ядро. И тем не менее этот процесс безусловно начался уже в 1900 гг.

Экономическое положение пролетариата характеризуется следующими данными. Рабочий день колебался в пределах от 12$^1/_2$ до 14 часов. С 1902/03 г. начинается проводка электрического освещения в Бомбее и Калькутте, и рабочий день, ранее «естественно» ограниченный временем от восхода до заката, дает новый скачок, доходит в отдельных случаях до 15 и 16 часов. Как указал крупнейший туземный фабрикант Бомандджи Динша Петит комиссии по обследованию труда в Индии, 32 бомбейских фабрики работали по 15 часов в одну смену. (1906 г.). Дней отдыха не существовало. Установление обязательного дня отдыха было одним из требований первых профсоюзных организаций, основанных в начале 90-х годов Лохандеем. Широко применялся женский и детский труд. На подземных работах в угольных копях в большинстве случаев работали женщины.

Согласно данным Невинсона, «на 80 из 90 фабрик в Бомбее средний заработок мужчин равнялся 18 рупиям в месяц, или около 10 пенсов в день; заработок женщины был меньше,—7 пенсов в день; дети зарабатывали 2$^1/_2$ пенса в день». В Дэли заработок и того меньше: 12 рупий получает мужчина, 6 рупий — мальчик. Зато в Дэли рабочий день составляет в среднем 12—13 часов, а в Бомбее 13—14 часов»[1].

В джутовой промышленности по данным 1910 г. наивысший заработок квалифицированных ткачей равнялся 21 рупии в месяц. Прядильщики получали 16-17 рупий, а заработок менее квалифицированных групп колебался между 6-ю и 12-ю рупиями в месяц[2].

По авторитетному показанию д-ра Найра: «Рабочий не может прокормить себя и семью на полученный заработок. Даже в том случае, если бы он полностью получал на руки заработанные им деньги, это лишь наполовину обеспечило бы его скромные жизненные потребности, которые прежде всего сводятся к желанию наесться до-сыта, хотя бы самой грубой пищей. На пищу уходит 90% бюджета. Но рабочий никогда не получает зарплаты полностью. Бесчисленные вычеты, штрафы, дисциплинарные взыскания прибавляют немалую долю к доходам предпринимателей. Наконец, система набора рабочей силы при посредстве особых джоберов или сердаров ведет к тому, что рабочий в поисках мест вынужден давать посреднику крупную взятку, нередко отчисляя в течение нескольких месяцев известную часть зарплаты в пользу сердара. Задержка в выплате зарплаты, длинные сроки выплаты зарплаты обусловливают задолженность рабочих, их растущее обращение к ростовщику. Вся совокупность этих

[1] Невинсон, «Новый дух в Индии», стр. 286.
[2] Чаудхури «Джут в Бенгалии», стр. 232.

условий,— заканчивает д-р Найр свое показание,— наряду с мучительными, нездоровыми жилищными условиями, чрезмерным рабочим днем, ведут к быстрому истощению сил рабочих, к бегству его из города в деревню с испорченным вконец здоровьем».

Дополнив сведения д-ра Найра указанием на широко практикующуюся систему обязательного снабжения рабочих негодными продуктами из лавки предпринимателя (трексистем), мы получим развернутую картину прелестей колониальной фабрики. Еще хуже дело обстояло на полукустарных хлопкоочистительных заводах и джутовых прессах. Вот, что говорят свидетельские показания:

«В рабочий сезон — от марта до мая — прессы и джины обычно в ходу день и ночь и обслуживаются одной и той же сменой рабочих, пользующихся лишь получасовым перерывом по вечерам. Артель рабочих продолжает таким образом работу в течение 6—7 суток сряду, не сменяясь». Большинство рабочих — женщины. «Их рассматривают,— как пояснил другой свидетель,— в качестве принадлежности машины. Они в лучшем случае могут оставить машины на час или два в продолжении суток. По истечении 6-7 суток предприниматель обычно бывает вынужден подвезти из Бомбея новую артель работниц за полным истощением первой»[1].

Наличие громадной резервной армии труда, наличие неисчерпаемых резервов крестьян-пауперов давали капиталу возможность вовсе не считаться с необходимостью воспроизводства рабочей силы, «потребляя ее» в самом буквальном и точном смысле этого слова, вплоть до подлинного истребления не только пролетарских детей, но и сотен тысяч рабочих, погибших от непосильного труда, голода и болезней. Чудовищная эксплоатация увеличивала текучесть рабочей силы, мешала окончательному разрыву связи с деревней, являясь немаловажным препятствием на пути экономической и политической организации пролетариата, его формирования в класс «для себя». И тем не менее, еще до подъема 1905—1908 гг. можно отметить первые экономические и политические выступления пролетариата.

В 1890 г. по инициативе Лохандея возник первый профсоюз в Индии под названием «Бомбейская Рабочая Ассоциация». В этом же году бомбейские текстильщики одержали первую победу и добились введения обязательного дня отдыха. Союз фабрикантов и заводчиков пошел на эту уступку под давлением массовых рабочих протестов, демонстраций и шествий. Так, на одном из митингов участвовало свыше 10 000 рабочих. В числе ораторов выступали две женщины-работницы. В этот же период Лохандей начал издавать газету под названием «Динабандху» (что значит «друг бедных»). «Линия этой газеты была скорее филантропически-покровительственной... Она была скорее призывом к добрым чувствам предпринимателей, чем утверждением прав труда. Но все про-

[1] Цитирую по профессору Гадгиль «Промышленная эволюция Индии», 2-е издание, стр. 92.

фессиональное движение этого периода было проникнуто однородным духом»[1]. Во главе движения стояли «филантропы»-интеллигенты. Они рассчитывали не на самодеятельность рабочего класса, а на заступничество английских властей, на поддержку текстильных баронов Манчестера, заинтересованных в подрыве конкурентоспособности своих бомбейских соперников хотя бы путем известного ограничения детского и женского труда в Индии[2]. Но акты 1881 и 1891 гг. не принесли никаких существенных улучшений рабочему классу Индии. Они известным образом ограничивали лишь детский труд, да и то на тех предприятиях, где число рабочих было свыше 50[3]. При малочисленности фабричной инспекции, при ее фактическом сотрудничестве с капиталистами, эти законы, по откровенному признанию самих властей, оставались на бумаге. Между тем начались первые экономические бои пролетариата сначала на железных дорогах, затем и в промышленности. Нужно отметить, что тилакистская агитация широко охватила бомбейских текстильщиков. Тилакисты не только разъясняли рабочим значение политической борьбы против империализма и тщетность всех надежд на сочувствие Манчестера, но возглавили и провели не одну забастовку. Индийский пролетариат уже начал отстаивать свои экономические интересы, начал связывать экономические интересы, начал связывать экономическую борьбу с антиимпериалистической, но еще не осознал себя в качестве самостоятельной классовой силы, не осознал своих задач в революции.

Описание грандиозных индийских голодовок на рубеже XX столетия не входит в наши задачи. Отметим здесь их значение, как фактора, значительно ускорившего не только разорение, но и расслоение крестьянства, ускорившего экспроприацию основных масс деревни, обострившего классовые противоречия. Как отмечают ежегодные обзоры, представляемые правительством Индии парламенту, «плохой урожай означает усиленную распродажу земли. Количество сделок на землю как по закладу, так и продаже

---

[1] Раджани Дасс. «Рабочее движение в Индии», Берлин, 1923 г., стр. 14—15.

[2] Отношение английских капиталистов к вопросам охраны труда в Индии с великолепной развязностью выразил лорд Шефтсбери (Shaftesbury). Не мешает вспомнить, что в Индии дешево сырье, дешева рабочая сила. Если мы позволим индийским капиталистам эксплоатировать своих рабочих выше 100. Следующий акт 1891 г. запрещал детский труд до незаслуженное превосходство над промышленностью нашей страны. Если необходимые ограничительные меры не будут немедленно приняты, придется считаться с возможностью демпинга индийского текстиля не только на рынках Дальнего Востока, но и в Европе и в самой Англии». («Great Britain. Parliamentary Debates». 1875. 226. 2111).

[3] Акт 1881 года ограничивал труд детей в возрасте 7-12 лет 9-тью часами ежедневной работы. Детский труд до 7-летнего возраста был запрещен. Действие закона распространялось на предприятия с числом рабочих выше 100. Следующий акт 1891 г. запрещал детский труд до 9 лет, устанавливал 7 часов как предел рабочего дня для детей в возрасте от 9 до 14 лет. Закон 1891 г. распространялся на все предприятия с числом рабочих, свыше 50.

показывает резкое увеличение в голодные годы. Наоборот, в годы с хорошим и даже средним урожаем, прекращается действие причин, стимулирующих продажу и залог земли, число сделок показывает быстрое уменьшение [1].

Конкретный материал о влиянии голода на ход расслоения крестьянства дает д-р Гарольд Манн в своей монографии, посвященной деревне Джатегаон Будрук (Бомбей). Вот конкретные результаты голодовки.

1. Задолженность крестьянства правительству выросла на 6 тыс. рупий, из них 3 тыс. ушло на сооружение колодцев и 3 тыс. на покупку скота вместо погибшего.

2. 26 крестьян заложили 335 акров ростовщикам и более состоятельным крестьянам за 7 021 рупию.

3. Пять крестьян были вынуждены продать принадлежавшие им 65,5 акров земли на сумму 2 137 рупий.

4. Погибло 69% быков, 80% коров, 75% буйволов в деревне.

5. 300 человек крестьян покинули деревню. Из них 100 эмигрировали навсегда в индустриальные центры, а 200 человек нашли временную работу в лагерях для голодающих [2].

Приводимые Манном данные относятся к великой голодовке 1918 г. Но совершенно такие же явления происходили и в более ранние голодовки. Погибал скот, его приходилось закупать не столько на госкредит, сколько на ростовщический кредит. Беднота и середняки продавали и закладывали землю ростовщику и кулаку. Часть вовсе лишалась земли и, если могла найти работу, уходила в города. Ухудшались общие условия сельского хозяйства. Но росли кулаки и ростовщики. Они концентрировали в своих руках землю, увеличивали свое денежное накопление. Характерно, что данные о приросте вкладов в сберкассы показывают резкий скачок вверх именно в голодный 1899 год. (Прирост вкладов исчислялся в 1899 г. в 254 тыс. фунтов стерлингов, а в 1898 году лишь в 173 тыс. фунтов стерлингов) [3].

Три провинции Индии явились основными очагами массового подъема 1905—1908 гг. — Бомбей, Бенгалия, Пенджаб. Это безусловно были капиталистически наиболее развитые области Индии. На Бомбей и Бенгалию падало в 1902 году свыше 84% всего акционерного капитала, зарегистрированного в Индии. Здесь было также сосредоточено 75% промышленных рабочих. По влиятельности и богатству буржуазии, численности европейски-образованной интеллигенции, наличию распространенной националистской печати на английском и местных языках, наличию развитого общественного мнения эти провинции также стояли на первом месте. Это области с капиталистическим развитым городом, высоко концентрированным и относительно многочисленным фабричным проле-

[1] Моральный и материальный прогресс в Индии в 1898—99 г.г., стр. 57—58.

[2] Манн. Земля и труд в деканской деревне. Иссл. № 2, стр. 135.

[3] Мор. и матер. прогресс в Индии в 1898/99 г., стр. 61.

тариатом. Но это также — области отсталой феодальной деревни, преобладания помещичьего землевладения, где проникновение капитализма привело по испытанным колониальным образцам к обезземелению и пауперизации основных масс деревни. В провинции Бомбея рост товарности крестьянского хозяйства, рост посевной площади под хлопком, рост задолженности основных масс деревни ростовщику, рост помещичьего и ростовщического землевладения можно было бы изобразить на общей диаграмме параллельно восходящими кривыми. В начале XX в. в результате голодовок особенно быстро продолжался процесс перехода земли в кулацкие и помещичьи руки, который превратил современный Бомбей в типичную помещичью провинцию, где 40 тыс. помещиков владеют 20 млн. акр. посева, 200 кулаков — 3 240 тыс. акров, а 2 000 крестьянских хозяйств 3 760 тыс. акров посева. Та же провинция Бомбея по тяжести долгов ростовщику была одной из наиболее обремененных провинций в Индии, — что немудрено, если учесть, что Бомбей наряду с Центральными Провинциями и Бераром — основной район хлопководства.

Если бомбейский помещик был выходцем главным образом из торгово-ростовщической среды, и «свободный» акт купли-продажи земли здесь завершает превращение непосредственного производителя в полу-рабского испольщика, то в Бенгалии, как известно, вся земля была с самого начала отдана англичанами в руки помещиков-заминдаров. Здесь образовался не один слой, а многоярусная система помещиков с различными правами и различными долями в уплачиваемой крестьянами ренте. Для наших целей важно отметить следующее. Во-первых, в основе всей помещичьей надстройки лежит та же полурабская аренда-испольщина, которая оставляет непосредственному производителю лишь 1/3 или в лучшем случае 1/2 собранного урожая. Во-вторых, в отличие от остальной Индии помещичья братия делит ренту только между собой (по различным ярусам помещичьего землевладения), а не с колониальным государством. Согласно системе Постоянного заминдари, налог, установленный в 1794 г., остается в силе на вечные времена и не может быть повышен. В-третьих, права «вечной аренды», предоставленные части крестьян на помещичьей земле, давно стали объектом земельной спекуляции и переходили в руки эксплоататоров не с меньшей быстротой, чем крестьянские наделы в области «райотвари». К началу XX столетия цена надела «вечного арендатора» уже исчислялась 19 year-purchases. Временный эффект «реформ» 1859 и 1885 годов испарился. Крестьянство поняло, что законы о «вечной аренде» не выводят его из полукрепостного состояния, не освобождают его от помещичьего гнета [1]. Бенгалия —

[1] Вот «свидетельство о бедности», выданное колониальным правительством самому себе: «Крестьяне были защищены против произвольного повышения ренты и изгнания (eviction) законом 1885 г. В силу апатии и невежества крестьянства он остался мертвой буквой в большей части провинции». «Imperial Gazetteer of India» 1908. Vol. VII. Bengal p. 2[illegible]5.

основной производитель джута. 75% всего товарного джута поставляли следующие семь районов: Мейменсинг, Дакка, Типперах, Фаридпур, Рангпур, Пурнеа и Пабна. В сбыте джута так же, как и хлопка, ростовщик стоит между крестьянином и рынком, закабаляет крестьянина, дает ему цену ниже средней рыночной. Переход крестьянского хозяйства на монокультуру влечет в колониальных условиях ускоренное, усиленное истощение почвы[1].

Пенджаб был областью значительного прироста сети искусственного орошения, внутренней колонизации и быстрого увеличения продукции пшеницы, шедшей на внешний рынок. В середине XIX столетия обрабатываемая площадь равнялась всего 13 млн. акров, население—13 млн. душ. В 1901 г. обрабатываемая площадь выросла до 28 млн. акров, население—до 22 млн. Крупные капитальные вложения в 10 млн. фунтов обеспечили развитие целой системы мощных ирригационных каналов. Ими орошались 6 млн. акров. Кулаками и помещиками было сооружено за время английского владычества 300 тыс. постоянных колодцев, стоимостью 5 млн. фунтов стерл., орошавших до 8 400 тыс. акров. Из 28 млн. посевной площади свыше 8 млн. акров были под пшеницей, вывозившейся, главным образом, в Англию. В 1904 г. и в 1912 г. Пенджаб выбросил на английский рынок больше пшеницы, чем какая-либо другая страна. Из общего числа сельских кредитных товариществ, которых по всей Индии в 1908 г. насчитывалось 1 201 с 93 200 членами, на долю Пенджаба приходилось в том же году 316 с 23 000 членов.

В Пенджабе колониальный хозяин непосредственно не экспроприировал у общины выгонов и пустошей в свою пользу или в пользу помещика, как это было в остальной Индии. В Пенджабе тяжесть поземельного налога была относительно ниже, чем в других провинциях. Мощная сеть инженерных каналов произвела революцию в искусственном орошении. Быстрым темпом шла колонизация новоорошенных земель. Внедрение капиталистических отношений в сельское хозяйство происходило здесь быстрее, чем где бы то ни было в Индии. Опыт Пенджаба показывает однако, что в условиях империалистического господства, сохранения помещичьего гнета над всей Индией не может сколько-нибудь широко развиваться «свободное фермерство», не может создаваться капиталистическое земледелие на основе крестьянства, освобожденного от феодально-помещичьих пут.

Ирригационная система, как командная высота империализма, не только создает предпосылки для экспорта пшеницы, но остается орудием беспощадного выжимания водного сбора. По данным Торборна, правительственная ирригационная сеть приносила в Пенджабе с начала 1900 гг. в среднем 11% чистого дохода на вложенный капитал. По официальным данным система каналов

[1] Соответственные данные по джуту с избытком могут быть получены в книге агронома Чаудхури «Джут в Бенгалии» (первое издание вышло в 1907 г.), стр. 77—79; 131—135.

Бари-Доаба принесла в 1899/1900 г. 12,87%, а в 1901/02 г.— 12,86% чистой прибыли. Система Ченаба дала за эти же годы 18% и 21% чистой прибыли. Система Нижнего Сутледжа за один год дала 101% прибыли, т. е. с избытком покрыла весь затраченный капитал. Имея в виду бурное развитие оросительной сети, нельзя упускать фигуры водного диктатора—английского чиновника, единственного судьи во всех делах водного сбора, который налагает его даже на земли, вовсе не пользующиеся водой, но расположенные по соседству с каналами. Непосредственной причиной крупнейшего крестьянского движения 1907 года в округах Лиальпура и Раваль-Пинди было новое повышение водного сбора.

Новоорошенные земли империализм роздал помещикам, спекулянтам, кулакам. На новоорошенных землях не только создаются отдельные районы кулацкого хозяйства, но как общее правило воспроизводятся старые методы феодальной эксплоатации, старые социальные отношения. Быстрее, чем где бы то ни было в Индии, произошло здесь превращение крестьян в полнезольных испольщиков. Быстро росла новоорошенная площадь, быстро росло население, но еще быстрее происходил рост помещичьего землевладения, превращение вчерашних свободных крестьян в полу-рабов ростовщика и помещика. Предоставим слово крупному английскому бюрократу, бывшему комиссару (министру) финансов в провинциальном правительстве Пенджаба — Торборну: «Если рассматривать весь Пенджаб, как наше имение, рассматривать его лишь с точки зрения доходов и дивидендов, тогда и только тогда можно понять официальные заявления, что Пенджаб — величайшее достижение английского господства. Но если рассматривать положение с точки зрения многих миллионов трудолюбивых и стойких крестьян, превращенных нами из свободных и независимых хозяев в кабальных и крепостных на земле, прежде принадлежавшей им, но перешедшей теперь к помещику и ростовщику, наша необоснованная самоудовлетворенность должна уступить место жгучему стыду... свыше трети пенджабского крестьянства ведут жизнь хуже, питаются хуже, чем вьючные животные»[1].

Краткая официальная справка: «В середине XIX столетия огромная масса земель обрабатывалась крестьянами-собственниками. В 1888/89 гг. арендаторы обрабатывали 40% всей земли. Число их неизменно росло с тех пор. В настоящее время 54% земли обрабатывается арендаторами... Большинство арендаторов (80%) не имеют прав, защищенных законом, зависят от землевладельца (tenants-at-will), число арендоторов, уплачивающих ренту в продуктах, быстро увеличивается за последние годы. Обычно рента составляет от 30 до 60% валового урожая[2]. Перед нами знакомая фигура колониального полурабского издольщика, обязанного отдавать половину или сверх половины урожая земле-

[1] Пенджаб во время мира и войны, стр. 261—262.
[2] Моральный и материальный прогресс Индии в 1902—1903 г. стр. 80.

владельцу, обязанного из своей половины не только нести расходы производства, прокормить себя и семью, но выплачивать проценты по кабальной задолженности ростовщику. Достаточно заглянуть в любое монографическое обследование пенджабской деревни, — они правда относятся к послевоенному периоду, — чтобы убедиться, что рента в продуктах не является в данном случае капиталистической рентой, что основной фигурой в деревне является бедняк-испольщик, арендующий землю по нужде, увязший по уши в долгах. По задолженности ростовщику Пенджаб бьет все рекорды в Индии. В Пенджабе 1 ростовщик приходится на каждые 100 крестьян, во всей Индии — 1 на 400. По умеренному исчислению англ. чиновника Дарлинга, 73% крестьян Пенджаба находятся в неоплатном долгу у ростовщика[1]. Немудрено, что именно «крестьянский рай» — Пенджаб, провинция, оставшаяся спокойной во время великого возмущения сипаев, стала через полстолетия очагом революционного движения против империализма, местом первой смычки рабочих и крестьян в их борьбе против общих врагов.

---

[1] Дарлинг. Благосостояние и задолженность крестьянства Пенджаба, стр. 5—7.

ГЛАВА IX

Революционный подъем 1906—1908 гг.

«Мировой капитализм и русское движение 1905 г. окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого в средневековом застое населения проснулись к новой жизни... демократическая революция охватила всю Азию—Турцию, Персию, Китай». (Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 25).

16-го октября 1905 г. Керзон опубликовал указ о разделе единой Бенгалии на две новых провинции: собственно Бенгалию и Западную Бенгалию с Ассамом. Бенгалия до раздела представляла огромную область с 80 млн. населения и с площадью около 200 тыс. кв. миль. В ее состав входили и раньше районы с населением, резко отличным от коренных бенгальцев по языку, культуре, всему укладу жизни. Бенгальцы—народность дравидийского происхождения, говорят на языке бенгало-арийской ветви. Литература на языке бенгали пользуется санкритским алфавитом, так называемым дева-нагари. Раджамахальский хребет является грубым географическим рубежом распространения на запад языка бенгали.

К западу лежит область Бихар. Бихарцы имеют много общего с бенгальцами, но в них заметна более значительная примесь арийской крови; говорят они на языке хинди, точнее, на западных диалектах хинди и на местной разновидности этих наречий — бихари. Алфавит у хинди — арабский. Короче говоря, и по языку, и по культуре, и даже по всему психическому складу бенгалец и бихарец далеко не представляют одного и того же. Кроме Бихара в состав старой Бенгалии входил административный округ Орисса, населенный особой народностью — урия, со своим языком. Племя урия стоит на несравненно более низком культурном уровне по сравнению с бихарцами и тем более по сравнению с бенгальцами.

К чему сводилась керзоновская реформа? Она отрезала от Бенгалии три крупных территориальных деления: округа Читагонг, Дака, Раджашахи, а также дистрикт—Мальду. Эти районы левого берега Ганга, населенные бенгальцами, передавались новой провинции западного Ассама и Бенгалии. Надо сказать, что Ассам опять-таки населен вовсе не бенгальцами, а полудикими народцами монгольского происхождения, говорящими на особом языке и живущими своим отличным от соседей укладом. Таким образом,

от старой провинции Бенгалии искусственно отрывались округа, населенные чисто бенгальским населением и объединялись с экономически отсталым, чуженациональным Ассамом в новую провинцию (она охватывала территорию в 100 кв. миль с 31 млн. душ). Смысл этой хирургии явственно выступит перед нами, если учтем, что именно в округах, оторванных от старой Бенгалии, подавляющее большинство населения исповедует ислам (в Читагонге мусульман 72%, в Дакке 69%, в Раджашахи — 61%). Керзон создал в виде западной Бенгалии и Ассама новую провинцию, многонациональную по своему составу, но в то же время подавляюще мусульманскую. В новой провинции из 31 млн. населения 18 млн. было мусульман. Одновременно старая Бенгалия не только теряла значительную часть своего основного ядра бенгальцев, но к ней на западе прирезывался ряд новых округов, населенных племенами урия. Таким образом, провинция собственно Бенгали именно в силу усиления ее национальной пестроты приобретала характер чисто индуистской по религиозному признаку. Здесь из 54 млн. было 42 млн. индуистов.

Раздел Бенгалии, официально мотивированный невозможностью для одного губернатора управлять 80 млн. населения, преследовал нечто гораздо большее, чем цели административного удобства. Если бы дело шло только об этом, то можно было бы выделить в особую провинцию Бихар и Ориссу, как то предлагала резолюция Национального конгресса в 1901 году. Раздел Бенгалии так, как он был проведен Керзоном, наносил тягчайший удар складывающейся бенгальской национальности, искусственно разрезая ее на две части. Но не только это. Отрывая районы с преобладающим мусульманским населением, создавая преобладающую мусульманскую провинцию в объединенных западной Бенгали и Ассама, империализм стремился вогнать религиозный клин в тело бенгальского народа. Этот момент приобретает особое значение, если учесть, к чему Керзон вел все дело.

Раздел был первым шагом к пересмотру «постоянного налогового уложения заминдари». В оторванных округах подавляющее большинство крестьян — мусульмане, в то время как в лице крупных помещиков-заминдаров и торговцев-ростовщиков представлены преимущественно индуисты. Готовясь обкарнать доходы крупных заминдаров, готовясь оторвать известную долю ренты, выжимаемой помещиком из крестьянина, империализм надеялся облегчить себе задачу, провоцируя индо-мусульманские погромы, играя на индо-мусульманской розни, в основе которой лежал классовый конфликт. В печатных документах, или во всяком случае в тех из них, которые были в нашем распоряжении, не имеется прямых указаний на то, что пересмотр границ Бенгалии должен был немедленно привести к отмене «постоянного налогового обложения заминдари» в областях, отошедших к западной Бенгалии и Ассаму. Но что дело шло именно к тому, великолепно понимали помещики, особенно после того, как первым же актом губернатора новой провинции,

сэра Бамфильда Фуллера, был произведен пересмотр земельного кадастра и точная топографическая съемка всех помещичьих имений. Крестьянством с величайшим облегчением было принято, что новая администрация с лихорадочной поспешностью и энергией принялась за составление поземельного кадастра и установление точных прав собственности на землю», — сообщает Месей-Томпсон»[1].

Что установление «прав на собственность» означало не что иное, как предстоящую урезку прав крупных помещиков-заминдаров, разумеется не в пользу крестьянства, а в пользу самого империализма, было до очевидности понятно бенгальским заминдарам. И если мы найдем крупнейшего феодала землевладельца Махараджу Дарбханги в качестве председателя многотысячного митинга протеста против раздела Бенгалии, если наряду с ним в качестве ярых патриотов и «националистов» против раздела выступают влиятельнейшие помещики во главе с князьями Косимбазара, Бурдвана, Тагора и им подобные, то причина лежит в области весьма прозаических интересов материального свойства. Стоит ли говорить, что эта помещичья и даже феодальная «оппозиция» испарилась весьма быстро, как только массы от мирных протестов и демонстраций перешли к первым действиям?

Раздел Бенгалии был новым ударом империализма по национальному самосознанию Индии. Он был ударом по бенгальскому народу, уже начавшему осознавать себя в качестве национальности. Акт 16-го октября 1905 года был последним в цепи реакционных мероприятий Керзона; он последовал за валютным и тарифным законодательством, бившим по карману туземную буржуазию. Он последовал за урезками политических прав туземной буржуазии и интеллигенции; за пресловутой университетской реформой, закрывавшей двери высшей школы мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. Он завершил экономическое и политическое наступление на Индию, которое в продолжение доброго десятилетия вел империализм. Раздел Бенгалии задевал слегка также интересы помещичьей верхушки, но он был декретирован в такое время, когда беспощадный нажим империализма ускорил экспроприацию основных масс деревни помещиком и ростовщиком, когда резко обозначились классовые противоречия в самой деревне, когда политика империализма неминуемо обострила основное противоречие между крестьянством и всем строем аграрных отношений, всем строем феодально-империалистической эксплоатации. К этому же времени в Индии уже сложился пролетариат, который начал проявлять себя не только в экономических боях, но и в политической борьбе.

Международная обстановка, революция 1905 г. в России, общий подъем национально-освободительной борьбы на колониальном Востоке оказали крупнейшее влияние на пробуждение Индии.

---

[1] «Индия сегодня», Лондон, 1913 г., стр. 133. E. C. Mesoy-Thompson «India to-day» London, 1913.

Именно революция 1905 года в России, а вовсе не русско-японская война, не военные успехи японского оружия над европейской армией. То, что Япония разгромила царские войска на Дальнем Востоке, безусловно имело свое значение. Цусима и Мукден показали, что европейские хищники, хотя и в лице наиболее слабого военно-феодального русского империализма, далеко не застрахованы от разгрома, могут быть биты азиатским народом, научившимся владеть оружием. Но гораздо важнее было то, что русская революция показала пример смелой, беззаветной борьбы против самодержавия, против чиновничьего самоуправства и произвола, и что великий угнетатель колоний — внешне могучая царская монархия с ее армией, казаками, разветвленным чиновничьим аппаратом оказалась колоссом на глиняных ногах. Именно так был воспринят 1905 год в Индии. Английский реакционер Чироль вынужден признать: «События 1905 года были восприняты Индией, как нечто большее, чем разгром великой европейской державы азиатской расой. 1905 год также нанес могучий удар русскому самодержавию, а именно с самодержавием индийские националисты не уставали сравнивать систему индийского правительства, сосредоточенную в руках всемогущей бюрократии. Английские власти в Индии уподоблялись в качестве живой параллели тем чиновникам, которые именем царя правили Россией и разорили ее. Отсюда следовало, что индийцам нужно применять те же самые методы, которыми русские революционеры с таким успехом пользовались против царизма»[1].

И еще одна дань русской революции. На этот раз со стороны председателя Индийского Национального конгресса: «Если русские крестьяне не только подготовлены к самоуправлению, но сумели вырвать его из рук величайшего самодержавного царя на земле, если Китай на востоке Азии, а Персия на западе Азии просыпаются, если Япония уже проснулась, если Россия героически борется за освобождение, — как же можем мы, — мы, якобы свободные граждане Индо-британской империи, оставаться бесправными подданными деспотизма»?[2]

Индия действительно проснулась. Национальное движение, наконец, приобрело широкий массовый характер. Достаточно сказать, что только за два года в одной Бенгалии состоялось около 2 тыс. массовых митингов, с числом участников свыше тысячи человек каждый. Подавались петиции, покрытые десятками и сотнями тысяч подписей. Улица забурлила, расцветилась плакатами, лозунгами, знаменами. Английский журналист Невинсон рассказывает об изумительной дисциплинированности индийской толпы. Митинг с несколькими тысячами участников проходил выдержан-

[1] Сэр Валентайн Чироль, «Индия», Лондон, 1926 г., стр. 114. Sir V. Chirol, «India».

[2] Президентская речь Дадабхая Наороджи на съезде Нац. конгресса 1906 г., «Нац. конгрессы», цитирован. соч., стр. 840.

но, в порядке. Жадно слушают ораторов, как бы впитывают каждое слово. «Кончилась феодальная спячка Индии», — восклицает Невинсон, — назад не может быть поворота, но что нас ждет впереди? — спрашиваю я себя, глядя на тысячное море голов, расцвеченное тюрбанами и чалмами. Что ждет нашу империю в Индии?»[1]

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться в движущих классовых силах событий 1906—1908 годов, нужно разобраться прежде всего в том, какие массы пришли в движение, кто заполнил улицы индийских городов. Мелкая городская буржуазия первой пришла в движение, городские ремесленники, кустари-одиночки, городская беднота, мелкобуржуазная интеллигенция — вот классовый состав этой широкой массовой волны, разлившейся по Индии. Разумеется, и пролетариат принимает участие в движении, но он пока слит, необособлен от мелкобуржуазных масс, еще не противопоставил им ни своих специфических методов борьбы, ни своей выдержанной программы действий.

Мелкий буржуа имеет двойственную классовую природу. Как мелкий хозяйчик, как мелкий товаропроизводитель, как мелкий капиталист он страдает не только от феодальных остатков, но также от конкуренции крупного капитала. Мелкий буржуа может выступать против феодально-крепостнических пережитков за демократизацию государственного строя, за ликвидацию всего докапиталистического хлама, который стоит на пути рождения и развития нового способа производства. Но он в то же время — мелкий хозяин, страдающий от конкуренции крупного капитала, он питается реакционными иллюзиями о «реформированном капитализме», рае мелких производителей, где они будут ограждены от превозмогающей силы крупных конкурентов.

Мелкий буржуа, — говорит Ленин, — является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких-бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать и повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении[2].

В чем специфический характер интересов индийской мелкой буржуазии, поднимающейся против империализма? В том, что империализм является одновременно стержнем всей системы колониально-феодальной эксплоатации Индии и проводником того самого крупного капитала, который заливает рынок потоком импортных английских товаров, разоряет ремесленника, добивает домашние промыслы крестьянства. Империализм — опора, стержень всех феодально-крепостнических остатков Индии. Антиимпериалистическая борьба — революционная борьба и не может быть отделена

[1] Невинсон. «Новый дух в Индии», цит. соч., стр. 147.
[2] Ленин. Собр. соч., том I, 2-ое издание, стр. 189.

от борьбы против феодально-крепостнических пережитков. Но в то же время ремесленник, кустарь, мелкий товаропроизводитель восстает против империализма, как агентуры крупного капитала, английской крупной машинной индустрии, лишающих его последнего заработка, или во всяком случае невиданно принизивших его жизненный уровень. Империализм — величайший тормоз развития производительных сил; индийские массы страдают не только от развития капитализма, но также и от его недостаточного развития. Но именно указанные обстоятельства, — господствующее положение иностранных промтоваров на рынке, решающее значение, которое принадлежит именно иностранному капиталу в деле экспроприации мелкобуржуазной массы, неминуемо порождают в ее среде реакционные иллюзии, что уничтожение колониально-феодального режима уничтожит капитализм вообще, вернет Индию в эпоху ручного ткацкого станка и кустарной обработки железа. Впоследствии эти реакционные иллюзии будут всячески консервироваться и поддерживаться в массах контрреволюционной буржуазно-помещичьей Индией. Впоследствии Ганди и Национальный конгресс попытаются прикрыть ручным ткацким станком и проповедью о прелестях натурального хозяйства свое верное служение помещичьей реакции, свой хищный классовый лик буржуазии, которая в союзе с империализмом душит революцию. Но на первом этапе реакционные утопии о возврате к докапиталистическим порядкам через победу над империализмом, непонимание самого характера революции, непонимание, что борьба мелкой буржуазии объективно является борьбой за широкую дорогу капиталистического развития, выступают непременной принадлежностью движения мелкобуржуазных масс. И бойкот английских промышленных товаров, хотя он прежде всего идет на пользу туземному промышленнику, а затем туземному скупщику и ростовщику, который держит в кабале мелких товаропроизводителей, тем не менее воспринимается массами мелкой буржуазии, как способ непосредственно улучшить свое материальное положение, как попытка вырваться из цепей колониального капитала. Именно на этих иллюзиях строит свою политику туземный промышленный капитал, используя самопожертвование миллионов, чтобы повысить свои прибыли, выплатить лишние дивиденды.

Бойкот английской мануфактуры был объявлен в Бенгалии в августе 1905 г. и продолжался с перерывами до начала 1907 г. И если для простых участников бойкота он был этапом в борьбе за национальное раскрепощение Индии, был вместе с тем овеян мелкобуржуазной мечтой о спасении Индии от черного века машин, от давящей конкуренции крупного капитала, крупной фабричной промышленности, то председатель Бомбейской Ассоциации фабрикантов, сэр Куримбхой Ибрагим, деловито отмечает в своем отчете за 1909 год: «Национальная текстильная промышленность заметно укрепила свое положение, увеличив свои резервы, улучшив свое оборудование в течение благоприятных лет бойкота

и находится в настоящее время в куда более благоприятном экономическом положении, чем когда-либо прежде. Если мы будем вести дело честно и настойчиво, если мы улучшим качество нашего производства, мы будем в состоянии, опираясь на движение Свадеши, постепенно захватить большую часть рынка, если не весь индийский рынок»[1].

Экономический эффект бойкота был не особенно велик. За 1906 г. ввоз английских тканей в 2 млрд. ярдов потерял всего 50 млн. ярдов. За счет Ланкашира выиграл прежде всего Бомбей, но кое-какие крохи выпали и на долю туземных ткачей, точнее, — на долю эксплоатирующего их туземного торгово-ростовщического капитала[2].

Кампания бойкота проходила под лозунгом «Свадеши» или самоснабжение Индии товарами. Этот лозунг отличался нарочитой неопределенностью и покрывал как туземную фабричную промышленность, так и кустарное производство. Понятно, что мелкобуржуазная масса и буржуазно-помещичья верхушка, как мы увидим ниже, вкладывали различное содержание в этот лозунг, так же, как лозунг «Сваραджа» (своего государства, самоуправления) по желанию мог быть понят и как независимость Индии, и как «самоуправляющаяся» Индия в рамках английской колониальной империи. Гутаперчевая формулировка «Свараджа» до настоящего времени остается одним из орудий буржуазного обмана масс видимостью антиимпериалистической борьбы, хотя на самом деле буржуазия стоит за сохранение связи с Англией, т. е. за сохранение колониально-зависимого положения Индии.

---

[1] Сборник «Свадеши», Мадрас, 2-ое изд., стр. 180. «Swadeshi». A Symposium. Madras, 2 ed.

[2] Сборник «Свадеши» сообщает о заметном увеличении продукции ручных ткацких станков следующих районов Бенгальской провинции: Мейменсинг, Бхагальпур, Бурдван и Чота-Нагпур, (цит. соч., стр. 278—281). Лидер «умеренной» партии Сурендра Нат Банарджи указывает в своей книге «Создание нации» (Оксфорд 1925 г., стр. 208): «Я отправился в местечко Хариполь в округе Хугли, чтобы присутствовать на митинге протеста против раздела Бенгалии. Ткачи, присутствовавшие в большом числе, благословляли нас и движение бойкота».

А вот выдержки из официальных отчетов. «Движение бойкота значительно стимулировало развитие ручного ткачества во всех дистриктах моего округа, за исключением Банкуры, где желание населения пользоваться предметами индийского производства достаточно не выявилось, и, таким образом продажа английской мануфактуры заметно не сократилась». (Отчет комиссара округа Бурдван за 1906-1907 год).

В отчете администрации восточного Бенгаля за 1905-1906 год сообщается, что: «резкое повышение спроса на ткани индийского производства позволило отдельным ткачам вырабатывать до 20 рупий в месяц, примерно удвоение их обычного заработка. Спрос на ткани туземного производства повышается, и надежда на некоторую возможность улучшить свое материальное положение овладела массами». (Цитирую по книге Невинсона «Новый свет в Индии», стр. 179—180).

В то же время Мориссон («Экономическая организация индийской провинции», стр. 140) констатирует, «что все выгоды от движения бойкота достались скупщикам и торговцам, лишь усилившим эксплоатацию ткачей».

Мелкобуржуазные массы, стихийно поднимаясь на борьбу лишь в ходе ее, на непосредственном опыте классовых боев могут получить четкое представление о конечных целях движения, о тех средствах, которыми может быть достигнута победа. На первых порах движение неизбежно отличается некоторой бесформенностью, отражает «как необходимость борьбы, так и неподготовленность к этой борьбе» (Ленин). Силы, которые созидают новый порядок вещей, самый характер совершающегося перелома от феодализма к буржуазному обществу, непримиримость классовых интересов, порожденная всем ходом экономического развития, остаются на первых этапах революции вне массового сознания.

В небывало короткий исторический срок эксплоатируемые массы Индии должны высвободиться в самом ходе борьбы из феодальных пеленок, откинуть предрассудки азиатского средневековья, найти те новые идеи, которые осветят им путь борьбы и победы. А расстояния приходится проходить громадные. От отвратительных пережитков азиатской деспотии, от вековой привычки к покорности, от кастового гнета, от слепого преклонения перед жрецом, от патриархальной заскорузлости — к самой решительной ломке феодально-колониального строя, к величайшей революции, которая требует единой воли и согласованного действия миллионов и десятков миллионов. На первых этапах движения оно носит характер некоего «бунта на коленях». Вот, что пишет очевидец о начале движения против раздела Бенгалии:

«16-го октября 1905 г. громадные толпы народа в трех округах, оторванных от Бенгалии, отказались от принятия горячей пищи, не разжигали огня своих домашних очагов и босиком тысячными процессиями отправились на берега рек или священных водоемов, где со всеми подобающими церемониями произвели траурные омовения. В знак братского и национального единства бенгальцы повязывали кисть руки священной ракхи,— шелковой или хлопчатобумажной ниткой»[1].

Был выработан особый церемониал национального траура и национального единства Бенгалии. Обряд «ракхи-бандан» состоял в наложении красной повязки братского единства вокруг кисти и символизировал кровное единство всех бенгальцев, а также единство отторгнутых областей с остальной Бенгалией. Самая церемония была возрождением старого индийского обряда братания. В траурный день 16-го октября должен был соблюдаться пост. Только больные и старики получали горячую пищу. Магазины были закрыты. Деловая жизнь замирала. И мужчины и женщины босиком шли к Гангу и ранним утром в знак очищения и траура совершали омовение в его священных водах»[2].

---

[1] Lala L. Rai. «Young India». New York. 1917.

[2] Сурендра Нат Банерджи. «Созидание нации», стр. 212. Sir Surendranath Banerjea «A nation in making» II ed. Oxford. 1925.

Если отбросить мистическую оболочку, то по сути дела утверждаются новые связи национальности, новые связи демократии в противовес кастовой иерархии, в противовес феодальной раздробленности. Старому единству нераздельной семьи, старым скрепам касты с ее жесткими перегородками, противопоставляется сплочение народных масс под знаменем рождающейся национальности. Правда, на первых порах массы пробужденной Индии еще не четко различают непримиримую противоположность классов, дробящую обретенное национальное единство. Но этому они скоро научатся. Реальная нация еще овеяна религиозным туманом, приукрашена завитушками феодальных церемоний, как бы легализована теми или иными мистическими обрядами. По сути дела возникает «новое качество», и какие бы формы ни принимал разрыв с родным средневековьем, основное заключается в том, что он уже совершился.

В условиях колониальной Индии, где раздробленной массе мелкой городской буржуазии противостоит мощный централизованный иностранный капитал, когда выступление против империалистического гнета субъективно воспринимается участниками этой борьбы, как борьба против капитализма вообще, движение на первых своих этапах пользуется для выражения качественно новых отношений языком отмирающей культуры, отмирающей религии. Рождающиеся национальные связи еще не могут быть открыто объявлены в качестве таковых и как бы легализуются мистико-религиозными обрядами. Один из лучших агитаторов партии «крайних», Арабиндо Гхоз, близко связанный с наиболее популярной националистской газетой «Ягунтар», утверждает национальное единство Бенгалии волей потусторонних сил: «Индийский национализм не сломан. Индийский национализм не будет сломан. Сила родившейся нации—это божественная сила. Ее нельзя сломать. Против нее бессильны все материальные средства. Национализм бессмертен; он выше человеческих сил. Божество руководит созиданием нового Бенгаля. Божество не может быть посажено в тюрьму; божество не может быть убито»[1].

Если обратиться к доступным нам выдержкам из националистской печати этого времени и в частности, к тем органам, которые вели наиболее непримиримую, наиболее последовательную линию борьбы против колониального режима, то поражает обилие ссылок на всевозможных богов и богинь, непременная мотивировка от Махабхараты, Бхадгават-Гиты, и прочих книг индийского средневековья. Воскрешаются герои рыцарского эпоса Индии, их мужество и неустрашимость ставятся в пример всем борцам против господства английского капитала. Тилак выступает строгим защитником индийской ортодоксии, но в то же время вливает новое содержание в старые мехи: «Как долго мы останемся раз-

[1] Арабиндо Гхоз, «Очерки его жизни и деятельности», изд. Натезан. Мадрас, 1922 г., стр. 15.

раздробленными?», — вопрошает он в своей знаменитой речи в Бенаресе и отвечает: — «До тех пор, пока одна часть индийцев откажется признать братские связи с остальными индийцами. Религия является цементом нашего национального единства. Не осознав себя единой, Индия не имеет права требовать равного места среди других национальностей»[1].

Гуманистический туман! Тилак не понимает, что победа над феодально-колониальным режимом обозначает буржуазно-демократическую революцию, а вовсе не возврат к индийскому средневековью. Его пассивность отражает в данном случае исторические противоречия, которые несет первое массовое стихийное движение индийской мелкой городской буржуазии. И когда мистик Арабиндо Гхоз предлагает после изгнания англичан оградить высокой стеной протекционных тарифов Индию от остального мира, чтобы тем «предотвратить» проникновение капитализма, то на самом деле эта замысловатая формулировка выражает не что иное, как стремление обеспечить максимальные темпы развития национальной промышленности в Индии[2]. А другой представитель индийской мелкой буржуазии Бепин-Чандра Пал, говоря о задачах национального правительства, не упускает из виду таможенного протекционизма и прямо обосновывает его необходимость экономическими интересами Индии, и в первую очередь интересами ее промышленности. Так мыслится возврат Индии к «чарке» (ручному ткацкому станку)!?.

Та самая мелкая буржуазия, которая оплакивала раздел Бенгалии на берегах Ганга и наполняла тысячными демонстрациями улицы индийских городов, не ограничивалась одним только пассивным выжиданием, но вступила на путь борьбы. А борьба разгоралась все шире. Мелкобуржуазная националистская печать недаром вдохновляется примерами индийского средневековья, проповедует возрождение культа Кришны или Кали. Она призывает к насильственной борьбе, к ниспровержению английского господства, к войне не на жизнь, а на смерть. И если не всегда прямо ставится лозунг независимости Индии, то прежде всего это происходит под давлением тяжелых цензурных условий. Мы ограничимся только двумя выдержками из одной бомбейской и одной калькуттской газет, как иллюстрацией для общей политической линии, взятой мелкобуржуазной печатью. Прежде всего процитирую газету «Югантар»: «Остановит ли порыв бенгальцев необходимость кровопролития? Общее число англичан в нашей стране не превышает полутораста тысяч. Сосчитайте-ка, сколько их приходится на один округ Индии? Бенгальцы, если вы непоколебимы в вашем убеждении, вы легко можете покончить с английским правлением в течение одного дня. Не жалейте своей жизни,

[1] Тилак, «Речи и статьи», цитир. соч., стр. 37.
[2] Гхоз, цитир. соч., стр. 26.

но берите жизнь за жизнь. Не жалейте ваших жизней; жертвуйте ими на великий алтарь независимости. Без крови нет победы»[1].

Еще одна выдержка,—на этот раз из газеты «Гарольд Деляни»: «Мы призываем честных бенгальцев восстать, не медля ни минуты, и сбросить иго иностранного господства».

Эта агитация не была пустым звуком. Во время демонстрации 3-го октября 1907 года в Калькутте волонтеры Национального конгресса не подставляли своих голов безропотно под полицейские дубины, но геройски отражали попытки полиции и войск разогнать демонстрацию. Вооруженные палками и поддержанные рабочими и массами демонстрантов, волонтеры Нац. конгресса отбили несколько атак конной полиции. Дело закончилось вызовом войск и подлинным побоищем. Свыше сорока волонтеров было тяжело ранено. Одновременно начинают складываться первые мелкобуржуазные террористические организации, ставящие не только задачи индивидуального террора, но подготовку вооруженного восстания. Среди них на первом месте стояло руководимое Бориндрой Гхосом и Пулином Бехари Дасом общество «Анисулан Самити». Основанное в 1905 году, оно имело областные центры в Дакке и Калькутте и около 500 разветвлений в Бенгалии. «В течение первых двух лет своего существования, — гласит английский жандармский отчет о деятельности общества — Самити действовало почти открыто и лишь в конце 1908 года оно было поставлено вне закона, а виднейшие вожди во главе с Пулином Бехари Дасом были высланы. Тогда Самити перенесло свою штаб-квартиру из Дакки в Калькутту, где во главе всей организации стал талантливый руководитель, Маккан Сэн. Самити имело свои разветвления по всей Бенгалии, а также распространяло свои действия на остальные провинции Индии. За пределами Бенгалии ячейки этой организации существовали в Ассаме, Бихаре, Пенджабе, Соединенных провинциях, Центральных провинциях и в городе Пуне»[2].

О программе «Анисулан Самити» некоторое представление дает выдержка из одного агитационного памфлета, изданного этой организацией: «Политическая независимость Индии невозможна без насильственного изгнания жадных и эгоистических чужеземцев. Мы можем, однако, избавиться от них не иначе, как свергнув власть установленного правительства посредством вооруженного национального восстания. Деньги, люди и организация — вот что нужно для национального восстания. Наше основное внимание должно быть обращено на организацию восстания»[3].

Пресловутое избегание насилия и пассивность, поскольку они были продуктом политической незрелости, патриархальной заскорузлости мелкобуржуазных масс, пробуждающихся от долголетней

[1] Цит. по [illegible] «Индийская смута», стр. 94.
[2] Sedition Committee Report, Home Department, p. 105.
[3] Sedition Report, ibid., p. 88.

спячки, неминуемо подрывались непосредственным жизненным опытом—опытом борьбы. Патриархальные иллюзии разбиваются довольно быстро. Более активные, более решительные формы борьбы быстро приходят на смену обрядности национального траура и всенародного братания. Волонтеры Национального конгресса все решительнее оказывают сопротивление полиции и войскам. Участие фабричного пролетариата в общенациональной борьбе активизирует мелкобуржуазные массы. Печать крайнего лагеря «экстремистов» на этом этапе не только не проповедует смирения и покорности, но весьма решительно призывает к восстанию, к изгнанию англичан и даже к их истреблению. Такая крайность характерна для мелкой буржуазии, для призывов мелкобуржуазных вождей, с чрезвычайной легкостью расправляющихся с английским владычеством на словах. Впрочем, лучшие из мелкобуржуазных патриотов не ограничиваются агитацией, ведут подготовку к восстанию, и целиком отдадут себя впоследствии делу террора.

Судьбы индийской революции отнюдь не определяются революционным выступлением части мелкой городской буржуазии против империализма. Она не играет самостоятельной роли, не может занять, самостоятельного положения в развивающейся борьбе между массами крестьянства и феодально-помещичьей Индией. Она занимает лишь промежуточное положение и колеблющуюся позицию между непримиримо-противоположными классовыми лагерями пролетариата и буржуазии. Она занимает пока только часть обще-национального фронта, где наряду с нею выступают крестьянство и пролетариат. Однако революционизирование мелкобуржуазных масс отпугивает буржуазно-помещичью верхушку и толкает ее на капитуляцию перед империализмом. Но основным моментом классовой борьбы, имевшим решающее значение для открытого перехода буржуазно-помещичьей Индии на сторону империализма, была борьба крестьянских масс и фабричного пролетариата Индии. Первые же всплески аграрной революции, первые же баррикады индийского пролетариата не только привели к предательскому переходу крупной буржуазии в лагерь империализма, они также покачнули вправо мелкобуржуазных вождей, выявили несамостоятельную колеблющуюся роль мелкой городской буржуазии, ее полную неспособность противопоставить контрреволюции последовательную, решительную линию борьбы, которая могла бы сплотить вокруг мелкобуржуазного руководства революционное крестьянство, а тем более индийский пролетариат.

Национальные конгрессы никогда не были представительством интересов одной только национальной буржуазии; они представляли интересы объединенного буржуазно-помещичьего блока. Особенно ярко это проявилось в кампанию 1906-1908 гг. Уже было отмечено участие титулованной крупно-дворянской верхушки на первых этапах борьбы за восстановление единства Бенгалии. Специфические интересы, и, в частности грозивший пересмотр по-

стоянного налогового обложения заминдари», вызвали взрыв патриотических чувств господ помещиков, защищавших не что иное, как право неограниченной эксплоатации своих полукрепостных крестьян. Достаточно прочесть известный роман Ребиндраната Тагора «Дом и мир», чтобы войти в круг идей, которыми проникнута игра в оппозицию империализму бенгальских помещиков.

Несколько фактов. Когда губернатор ново-созданной провинции Зап. Бенгалии разогнал в 1907 г. митинг Национального конгресса в городе Барисале, то женщины — участницы этого митинга оказались, по свидетельству очевидца, в безвыходном положении: «Они отпустили свои экипажи и прислугу и должны были расходиться по домам пешком под палящими лучами солнца». Только буржуазно-помещичья верхушка имеет собственный экипаж в Индии, только помещичьи жены и дочери имеют особую прислугу, сопровождающую их при выезде из дома.

Вождь партии умеренных, Сурендра Нат Банерджи передает в своих воспоминаниях следующие характерные факты: «Я был приглашен на митинг в Ракомотпур,— местечко, находящееся в нескольких милях от города Барисаля, где мне пришлось выступить с речью по поводу движения бойкота и воссоединения Бенгалии. Здесь мы пользовались царственным гостеприимством старинной фамилии владельцев поместья Чаркаварти, которые подобно большинству влиятельных и образованных заминдаров Бенгалии отдали все силы и средства национальному движению[1].

Неудивительно, что движение бойкота, непосредственно лившее воду на мельницу бомбейских фабрикантов, было все же воспринято с чрезвычайной опаской, с величайшей осторожностью буржуазно-помещичьим Нац. конгрессом. Так называемый некоронованный король Бенгалии, наиболее популярный оратор правого крыла конгресса — Банерджи подчеркивал, что «бойкот неизбежно вызывает враждебные чувства части населения против английского владычества, возбуждает расовую ненависть, является обоюдо-острым оружием, которое мы можем применять лишь в случае крайней нужды и для достижения определенной цели».

Почти в одинаковых выражениях высказался в своей президентской речи другой столп «умеренных», знакомый нам Гокхеле: «Следует помнить,— заявил он на конгрессе 1905 года,— что бойкот несет с собой атмосферу насилий, имеет характер известной санкции мстительного желания нанести обиду ближнему. Такое желание не является чертой наших нормальных отношений с Англией, и, следовательно, не может быть частью нашей пропаганды»[2]

С самого начала кампании буржуазно-помещичья верхушка с величайшей опаской относилась даже к бойкоту английских товаров, боялась, что развитие движения бойкота обострит отношения

[1] Бенерджи «Создание нации», цитир. соч. стр. 229. ср. также стр. 226 и 221. Сравни также «British India». By an Indian Mahomedan. 1926. London p. 168.

[2] «Национальные конгрессы», цитированное соч., стр. 805.

с империализмом, зайдет чересчур далеко. И когда под давлением мелкобуржуазной партии «крайних» Нац. конгресс был вынужден санкционировать бойкот, то юридическое крючкотворство и адвокатская изворотливость сумели вытравить из соответственной резолюции всякий положительный призыв к прямому бойкоту английских товаров. «Поскольку народы Индии не имеют вовсе влияния или весьма незначительное влияние на дела государственной администрации,—гласила резолюция,—и поскольку их петиции и обращение к правительству не встречают должного внимания, Национальный конгресс придерживается мнения, что движение бойкота, начатое в Бенгалии в знак протеста против раздела этих провинций, является правомерным», (legitimate). Дальнейшие разногласия между партией помещиков и крупной буржуазии (партия «умеренных») и мелкобуржуазными «крайними», руководимыми Бепин—Чандра Палом, Гхозем и Тилаком, сводились к вопросу о бойкоте, который «крайние» стремились распространить не только на английские товары, но также и на государственный аппарат, суды, уплату налогов.

Здесь же можно отметить, что в противовес мелкобуржуазным утопиям о возврате Индии к «золотому веку Ведд», к феодальному прошлому через победу над империализмом, представители буржуазно-помещичьей Индии делячески оценивали движение бойкота, только как средство толкнуть вперед развитие туземной фабричной промышленности.

Приведем характерную выдержку из речи того же Гокхеле (февраль 1907 г., Лукнов): «Я не стал бы оплакивать гибель туземных ремесел, если бы колониальное правительство помогло нам развить фабричную промышленность Индии. Однако английская политика сводилась главным образом к содействию импорту иностранных промтоваров, пока Индия не превратилась в страну, зависящую в невиданной нигде степени от снабжения иностранными продуктами». «Ручной ткацкий станок,—продолжает Гокхеле,— еще приносит известную пользу, но он не имеет пред собой никаких перспектив. Нечего предаваться необоснованным мечтаниям. Основная работа должна производиться машинами, должна производиться паром и электричеством. Только этим путем мы сможем встать на ноги, сможем противостоять конкуренции других развитых промышленных стран».

Закончил свою речь Гокхеле характеристикой того, кто по его мнению является истинным борцом за Свадеши: «Всякий кто стремится распространить в Индии знания об условиях промышленного производства, всякий, кто указывает путь, каким образом можно применить эти завоевания западной техники в Индии, является борцом за Свадеши. Всякий, кто вкладывает свои капиталы в дело индустриального развития родины, должен рассматриваться как благодетель Индии, как ценная опора движения Свадеши. Далее, все те, кто жертвуют средства на посылку индийских студентов на учебу за границу, а также и те, которые сами отправляются

за границу для приобретения технического или научного образования и стараются по возвращении помочь делу индустриализации и, наконец, кто содействует распространению технического и прикладного образования в Индии, — все они являются благородными работниками в борьбе за Свадеши»[1].

Не менее выпукло рисовали перспективы индустриализации Индии другие вожди «умеренных». «Движение Свадеши, — заявил д-р Раш Бехари Гхоз (впоследствии президент Нац. конгресса в 1908—1909 гг.), — является прелюдией, первым шагом на пути к тому, чтобы вступить в великое братство торговых и промышленных наций Запада, избежав по возможности тех злополучных конфликтов между трудом и капиталом, которые уже дали себя почувствовать в Японии». Можно без конца умножить все эти гимны будущей индустриализации Индии, ее мирного превращения в развитую промышленную страну. Так, редактор журнала «Индийское Обозрение», Асвин Кумар Датта, набрасывает следующие радужные перспективы: — «Посредством введения современных машин и последних достижений науки, опираясь на блеск индийского гения, опираясь на поддержку капиталов, имеющихся в руках миллионеров нашей родины, при трудолюбии и покорности многомиллионных масс Индии, при наличии неограниченных ресурсов сырья в ближайшем соседстве с будущими промышленными центрами, Индия скоро будет в состоянии выдержать конкурентную борьбу с любой державой мира»[2].

Противопоставление паровой машины ручной прялке есть противопоставление высших форм производства отсталым феодальным методам, есть программа в экономическом смысле прогрессивная. В чем особенность постановки вопроса об индустриализации Индии буржуазно-помещичьими Нац. конгрессами? В том, что для господ Гокхеле, Банерджи и тысячи им подобных процесс индустриализации Индии может якобы иметь место в рамках Британской Империи, в рамках сохранения угнетенного колониального положения Индии, в рамках «мирной эволюции» Индии из грубо угнетаемой колонии в образцовое буржуазное государство. Это есть насквозь гнилая оппортунистическая установка, которая выражает неспособность национальной буржуазии бороться за национальное раскрепощение Индии, выражает старческую дряхлость едва народившейся индийской буржуазии. Индустриализация Индии станет исторической реальностью только после свержения власти империализма, после радикальной чистки аграрных отношений, после завоевания независимости Индии крестьянством и трудящимися массами под гегемонией пролетариата, под знаменем Советов. В условиях всеобщего кризиса капитализма, существования СССР, подымающейся волны пролетарских революций на Западе, растущих

---

[1] Сборник «Свадеши», цитированное сочинение, стр. 27-28.

[2] Цитирую по тому же сборнику «Свадеши» стр. 91, 129; сравни также стр. 222, 128, 40, 75, 33 и т. д. «The Swadeshi Mowement» A symposium. Tl ed. Madras.

движений на колониальном Востоке, организации советов в Китае — индустриализация Индии будет происходить на некапиталистической основе при братской помощи международного пролетариата, братской помощи народов СССР.

Особенность кампании 1906—1908 гг. также заключается в том, что можно отличить мелкобуржуазное радикальное течение от реформистского буржуазно-помещичьего. Искренно предаваясь иллюзиям о «чарке» (ручн. ткацкий станок) и мечтам о патриархальном прошлом, мелкобуржуазная масса в то же время активно выступает против империализма, борется за национальное раскрепощение Индии и тем самым — за одну из предпосылок (независимость) сколько-нибудь свободного развития капитализма в Индии, хотя и неспособна довести эту борьбу до конца, проявляет непоследовательность, колебания, не может сплотить вокруг себя пролетариата и крестьянских масс.

Буржуазно-помещичья верхушка выставляет на первый взгляд весьма прогрессивную программу промышленного развития Индии на базе крупной фабричной промышленности, но эта программа заманчивой индустриализации прикрывает на самом деле капитуляцию перед империализмом, готовность сохранить порабощение сотен миллионов индийского крестьянства помещиком и ростовщиком, опирающимися в конечном счете на власть империализма, на английские штыки. Она рассматривает движение бойкота не как этап в развертывании массового движения за независимость Индии, не как звено национально-освободительной борьбы, а как средство частично улучшить положение туземной промышленности, добиться частичных уступок от империализма в пользу буржуазно-помещичьей верхушки[1]. И здесь намечается известное противоречие между весьма откровенными высказываниями идеологов национальной буржуазии о сущности движения бойкота, как облегчающего применение машины в противовес ручному ткацкому станку, и ее тактическими задачами, диктовавшими максимальное использование движений мелкобуржуазных масс ремесленников, кустарей, городской бедноты. Туземная буржуазия не может сказать прямо мелкобуржуазным мас-

---

[1] На первом этапе движения буржуазно-помещичья верхушка, пусть с известной опаской перед массовым характером движения, прямо рассматривает бойкот, как подобие временного введения протекционных пошлин: «Патриотизм индийского народа должен заменить стену таможенного протекционизма, которая в других странах служит защитой произведений местной промышленности против иностранной конкуренции», — заявил Гокульдас Парек на индустриальной конференции 1907 г. в Шурате. На этой же конференции другой оратор подчеркнул: «Правительство Индии является представителем английского капитала в Индии, защищает принципы фритредерства в интересах Манчестера. Нам нечего ожидать от правительства таможенной защиты для развивающейся индийской промышленности. Патриотизм должен заменить в Индии протекционизм. Моральное убеждение, добровольный отказ от потребления иностранных товаров заменят нам то, чего Германия и Франция достигли путем защитных таможенных тарифов». (Сборник «Свадеши», цитированное соч., стр. 130, 190).

сам, что все дело сводится к тому, чтобы обеспечить лишние дивиденды бомбейским текстильным баронам, что бойкот имеет свое значение лишь для временного расширения доли национальной фабричной промышленности на внутреннем рынке, что будет нанесен лишний удар ремеслам, кустарным промыслам, домашней промышленности крестьянства. И если на первых этапах движения, как мы видели, деятели партии «умеренных», представители буржуазно-помещичьей Индии не скрывали своих симпатий машине в противовес ручному ткацкому станку, пару и электричеству в противовес ручному двигателю, то в дальнейшем задача удержания мелкобуржуазных масс под своим влиянием продиктует Национальному конгрессу некоторое изменение своей фразеологии, некоторую маскировку аппетитов бомбейского фабриканта лицемерными симпатиями к ручному ткацкому станку, лицемерной подделкой под мелкобуржуазную идеологию.

Отсюда—попытка использовать реакционные иллюзии мелкобуржуазных масс и представить дело так, как будто крупная буржуазия также стоит за возврат к средневековой Индии и за возврат к ручному ткацкому станку. Приводим характерное заявление одной из деятельниц правого крыла Конгресса, сестры Ниведита:

«Способность индийца к самопожертвованию и самоограничению не имеет пределов. Но не только это льет воду на нашу мельницу. Если нельзя отрицать, что восточные народы показали себя не столь крепкими, как западные, в некоторых видах сотрудничества и самозащиты, то они на всем протяжении истории человечества выявили свое превосходство в неограниченной способности к объединению во имя определенной идеи, к самопожертвованию во имя морального импульса и, наконец в своей внутренней силе подвергаться любой неприятности, любому страданию во имя утверждения идеи, во имя утверждения своего права. Индия обладает невиданным богатством самоограничения, самопожертвования, выработанного десятками поколений богобоязненных предков. Наша задача—выявить эти скрытые силы индийской цивилизации, ее скрытые моральные возможности, ее неведомую пока мощь, заключающуюся в том, что индус будет отстаивать до последнего дыхания справедливость, будет бороться всеми силами за утверждение своего права. Если нам говорят, что ни один здравомыслящий человек не станет покупать вещи за дорогую цену, когда он может покупать ее за дешевую, мы ответим: может быть, это справедливо о народах Запада, воспитанных в интересах эгоизма, но это неправильно относительно индийского народа, воспитанного в духе величайшего самоотвержения, самопожертвования. Движение «Свадеши» является составной частью национальной правды, национальной справедливости. И матерь-церковь открыто и недвусмысленно высказалась по этому вопросу. Подобно трубному гласу прозвучал призыв о возобновлении обрядов бойкота перед алтарем Великой Кали. По всей стране прозвучал

запрет священного храма в Пури (храм Джагарнаута), возвестивший о том, что ныне ношение английской мануфактуры приравнивается к святотатству»[1].

Здесь мы видим, как сознательной политикой буржуазно-помещичьей верхушки становится не только использование подъема мелкобуржуазных масс для получения уступок от империализма, но также консервирование и укрепление тех реакционных иллюзий, тех патриархальных мечтаний, которые на известном этапе движения являются выражением его внутренних противоречий. Буржуазно-помещичья Индия не только не переводит на высшую ступень движения проснувшиеся массы, а наоборот стремится повернуть ход развития вспять, стремится удержать мелкую городскую буржуазию во власти тех иллюзий, которые порождены в ней первоначальным незрелым характером движения. В этом также сказывается реакционная роль буржуазно-помещичьей Индии. Ее социальный заказ и был потом выполнен Мангалалем Карамчандом Ганди.

Не менее ярко, чем по вопросу об экономическом развитии Индии, об экономических взаимоотношениях Англии и Индии, выявилась позиция буржуазно-помещичьего блока по вопросу об их политических взаимоотношениях. Три президентские речи, давшие тон конгрессам 1903, 1905 и 1906 гг., снова подчеркивают, что буржуазно-помещичья Индия не то, что о независимости, но даже о самоуправлении внутри Британской Империи не решается говорить. Особенно ярко прозвучала речь Гокхеле на съезде конгрессов в Бенаресе: «Целью нашей деятельности является управление Индией в интересах индийцев с тем, чтобы с течением времени нам представлена была форма правления, подобно самоуправляющимся колониям Британской империи. К счастию или к несчастию, наши судьбы навсегда связаны с Англией, и конгресс открыто признает, что наше дальнейшее движение вперед должно осуществиться в пределах Британской империи. Это движение вперед может быть только постепенным, и на каждой стадии явится необходимость краткого периода ученичества, прежде чем мы достигнем следующей стадии. Вполне благоразумным и правильным является часто высказываемое положение, что только практическая подготовка и практический опыт может нам дать то чувство ответственности, которое необходимо для демократических форм правления Запада». А чтобы его не сочли чересчур смелым, что он требует чего-либо мало-мальски похожего на буржуазные свободы» для Индии, Гокхеле поспешил добавить: «В настоящее время мы просим о влиянии в правительстве не для всего населения Индии, а только для той части его, каковая подготовлена по своему имущественному и образовательному цензу к правильному пониманию ответственности такого сотрудничества с Англией». А когда в 1906 г. «крайние» под угрозой раскола

[1] Сборник «Свадеши» цитир. сочинение, стр. 52—53.

настояли на включении в программу конгресса требования предоставления Индии прав самоуправляющегося доминьона по образцу Австралии или Канады, авторитетнейший председатель конгресса, наш старый знакомый Дадабхай Наороджи снабдил резолюцию о свараджe следующей оговоркой: «Никто не думает, я полагаю, что вся нынешняя государственная машина может быть неожиданно сломана, и те права, которые я определил в качестве самоуправления Индии, могут быть сразу введены».

О роли буржуазии в русской революции 1905 года Ленин писал следующее: «Мы должны себе дать точный отчет в том, какие же реальные общественные силы противостоят «царизму» (это вполне реальная и вполне понятная для всех сила) и способны одержать «решительную победу» над ним. Такой силой не может быть крупная буржуазия, помещики, фабриканты, «общество», идущее за освобожденцами. Мы видим, что они даже и не хотят решительной победы. Мы знаем, что они неспособны, по своему классовому положению, на решительную борьбу с царизмом; слишком тяжелым ядром на ногах является частная собственность, капитал, земля, чтобы итти на решительную борьбу Слишком нужен им царизм, с его полицейско-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма».

В этой же работе («Две тактики социал-демократии в демократической революции») Ленин писал: «Буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата. Например, на монархию, постоянную армию и т. д. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е., чтобы эта революция не была вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительной и беспощадной... буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самодеятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, так говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии те оружия, которыми снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве».

Стержнем колониальной революции является восстание крестьянских миллионов против феодально-помещичьего землевладения, против империализма, под руководством, под гегемонией пролетариата. В связи с этим необходимо отметить другое указание Ленина и Маркса, почему буржуазия в определенных исторических

условиях неспособна итти на радикальное разрешение аграрного вопроса, неспособна итти до конца, неспособна провести национализацию земли, хотя по существу дела национализация земли вполне совместима с капиталистическим способом производства, облегчает развитие капитализма в сельском хозяйстве. Каковы эти препятствия? Первое препятствие: у радикального буржуа нехватает храбрости напасть на частную поземельную собственность в виду опасности социалистического нападения на всякую частную собственность, т. е. социалистического переворота.

Второе препятствие: буржуа сам себя территориализировал...

Когда буржуазия как класс в широких преобладающих размерах уже связала себя с землевладением, уже сама себя территориализировала, осела на землю, вполне подчинила себе землевладение, — тогда настоящего общественного движения буржуа за в пользу национализации быть не может. Не может по той простой причине, что ни один класс не пойдет против себя»[1].

Колониальная буржуазия не может пойти сама против себя потому, что она давно осела на крестьянскую землю, давно территориализировалась, прочно обзавелась помещичьей собственностью. Колониальная буржуазия, теснейшим образом связанная со всей системой феодальной и ростовщической эксплоатации крестьянских масс, не может пойти на революционную ломку всего строя аграрных отношений без того, чтобы не ударить по собственным интересам, без того, чтобы не пойти против самой себя[2]. Наконец, та же колониальная буржуазия по линии банков, промышленных предприятий, оптовых торговых фирм, теснейшим образом переплетена, сращена с иностранным капиталом, не может решиться на революционную борьбу с империализмом, без того, чтобы не поставить на карту собственные материальные интересы. Наконец, именно в силу того, что велико противоречие между технически передовой крупной фабричной промышленностью и отсталой феодальной деревней, крестьянство стоит за тем более быструю решительную чистку страны от всего хлама феодальных остатков,

---

[1] Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—07 гг.

[2] Полное освобождение колониального крестьянства может быть достигнуто только путем аграрной революции. Буржуазия же Китая, Индии и Египта по своим непосредственным интересам так тесно связана с землевладением, с ростовщическим капиталом и с эксплоатацией крестьянских масс вообще, что она выступает не только против аграрной революции, но и против всякой решительной аграрной реформы. Она опасается не без основания, что уже одна открытая постановка аграрного вопроса даст толчок революционному процессу брожения в крестьянских массах и ускорит его темп. Таким образом, реформистская буржуазия почти не может решиться подойти практически к этому основному больному вопросу. (Стенографический отчет 6 конгресса Коммунистического Интернационала. 6 выпуск. Тезисы по национальному и колониальному вопросу).

и это в свою очередь обусловливает трусость, колебания и предательство буржуазно-помещичьей верхушки. Наконец, в тылу у буржуазно-помещичьей верхушки стоят не только неорганизованные и пока разрозненные массы подымающегося крестьянства. В тылу у нее находится революционный пролетариат, носитель самой последовательной, самой решительной борьбы против империализма, против феодально-крепостнических остатков, заинтересованный в доведении буржуазно-крепостнической революции до победоносного конца, как предпосылке для нападения на всякую собственность вообще, для социалистического переворота. Немудрено, что буржуазно-помещичий Нац. конгресс не решается упомянуть самого слова независимость Индии. Немудрено, что он снабжает трусливо либеральными оговорками собственную резолюцию о самоуправлении или Свараджe. Немудрено, что даже такая относительно мирная и безопасная, с точки зрения развития революционной самодеятельности масс, форма движения как бойкот получила благословение Конгресса лишь после длительных колебаний и благочестивых сомнений. Немудрено, что колониальная буржуазия, каковы бы ни были ее собственные счеты с империализмом, и думать не решается не то что действовать, в направлении решительного подрыва власти империализма с его мощным военно-полицейским аппаратом.

Тяжелыми гирями висят на ногах национальной буржуазии помещичье землевладение, капиталы, увязшие в земле, общая заинтересованность в сохранении всего строя феодально-помещичьего и ростовщического землевладения. И если спросить, где та реальная сила, которая обеспечивает невозбранную эксплоатацию полурабских испольщиков-крестьян туземным помещиком и ростовщиком, буржуазным интеллигентом или туземным чиновником-индийцем, то сам собой напрашивается ответ, что этой силой является в конечном счете империализм, мощь его военно-полицейского аппарата, английские штыки. И реальные политики из конгресса великолепно это понимали, так же, как чиновники самого империализма, прекрасно разбирались в классовых причинах трусости, предательства, либеральной бесхребетности буржуазно-помещичьего национализма.

Вице-король Минто, сменивший Керзона, в качестве главы англо-индийской администрации, отчетливо различает два потока в движении, — буржуазно-помещичий и революционный[1]. Вот выдержки из его донесения в Лондон: С одной стороны, мы имеем

[1] Керзон был снят в конце 1905 г., до истечения нормального срока вице-королевства, в виду его упрямого желания контролировать не только гражданскую администрацию Индии, но и военные реформы, проводимые лучшим солдатом английского империализма лордом Китченером. Китченер застал армию в запущенном состоянии. И одну из причин он видит в наличии двойственного контроля, — именно кроме главнокомандующего имелся еще особый член вице-королевского Совета по снабжению, ответственный не только перед главнокомандующим, но и перед вице-королем и ставший в искусных руках Керзона явным тормозом быстрого проведения реформ.

естественное желание состоятельных людей, которых мы сами воспитали в духе западных идей,—принять некоторое участие в деле управления Индией; с другой, мы имеем темный поток анархии и революции, который имеет свой источник в Европе так же, как и в Индии. Если вы позволите обоим потокам соединиться, то это может грозить катастрофой; но поскольку оба потока имеют различные социальные корни, нужно решительно запрудить дорогу революционному движению, но в то же время известным образом отрегулировать и канализовать первый поток»[1].

Да не подумает читатель, что в целях «канализации и регулирования» движения буржуазно-помещичьей оппозиции империализм собирался сдавать свои позиции в Индии. Не об этом шла речь. Нужно было, во-первых, успокоить бенгальских заминдаров и заверить их, что правительство не посягает на их ренту, а во-вторых, продемонстрировать известную «перемену сердца» в колониальном режиме, создать известную видимость уступок национальной буржуазии, которая облегчила бы открытый переход партии Национального конгресса на сторону контрреволюции. Террор против революции, быстрое примирение с бенгальскими помещиками, видимость уступок национальной буржуазии, дешевая комедия колониального либерализма, чуть прикрывшая железный кулак военно-полицейского насилия—таковы были основные черты политики «либерального» душителя Индии, статс-секретаря Морли и его прямого помощника вице-короля Минто.

Но даже о жалких реформах было возвещено Индии не раньше, чем разразился промышленный и сельско-хозяйственный

Между тем с реформами нужно было торопиться. Штаб вел подготовку к войне против царской России в Ср. Азии, снятой с порядка дня только после решительных побед Японии над царской Россией. Весь консервативный кабинет решительно встал на сторону Китченера. Вот, что передает его биограф: «Премьер-министр откровенно дал понять лорду Керзону следующее: в связи с растущей опасностью войны на границах Индии кабинет командировал в Индию генерала, который, кроме лорда Робертса, пользуется наибольшим общественным доверием. В настоящее время генерал Китченер грозит выходом в отставку и недвусмысленно дал понять, что он не останется в Индии, если система двойственного военного контроля будет сохранена. Премьер-министр не сомневается, что если Китченер уйдет в отставку, то не только он увлечет за собой общественное мнение Англии, но, что гораздо важнее, работа по обороне Индии окажется незаконченной, и, что вполне возможно, его отставка повлечет падение кабинета в один из критических моментов истории нашей Империи». (Генерал Баллард «Жизнь лорда Китченера», стр. 358).

Неожиданная отставка Керзона—ее внутренние пружины не сразу стали известны,—создала в индийском общественном мнении впечатление, что причиной падения Керзона был раздел Бенгалии и что следовательно дальнейшая агитация за отмену раздела как-бы пользуется сочувствием в Лондоне. Мы относительно подробно остановились на обстоятельствах ухода Керзона, поскольку т. Мухарджи считает возможным и теперь еще утверждать, что Керзон был отозван под давлением кампании бойкота в угоду общественного мнения Индии.

[1] Джон Бьюкенен. «Жизнь лорда Минто», Лондон, 1924 г. стр. 225. John Buchan «Lord Minto. A memoir».

кризис 1907 г., пока пенджабский крестьянин, объединившись с рабочим, не разгромил правительственных учреждений в городе Раваль-Пинде, пока индийский пролетариат не устроил в июле 1908 г. массовых демонстраций протеста против ареста Тилака,— демонстраций, перешедших в баррикадные бои с полицией и войсками.

Разразившийся в 1907 году промышленный и финансовый кризис совпал с неурожаем и голодом в Пенджабе, Бенгалии, Центральных Провинциях, Бомбее, в Верхней Бирме и Соединенных Провинциях. Профессор Гадгиль считает, что неурожай 1907/08 гг. был самым тяжелым за все десятилетие. «Неурожай был особенно жесток в Соединенных Провинциях, где были открыты значительные работы общественной помощи. Частичные неурожаи постигли области Пенджаба, Бенгалии, Соединенных Провинций, Бомбея и Верхней Бирмы»[1].

В Бенгалии, как сообщает Чаудхури, «в 1907 году преобладал исключительно высокий уровень цен на рис, что особенно тяжело отразилось на положении крестьянства джутовых районов, питавшихся покупным рисом. Высокий уровень цен был вызван двумя последовавшими один за другим недородами, в 1905/06 и 1906/07 гг. В 1905/06 г. урожай пострадал от наводнения в Восточной Бенгалии и Ассаме и в области Бихара; в 1906/07 году чистый недород во всей Бенгалии соответственно составлял 23 и 26% за эти два года»[2]. В Бомбее пострадал урожай хлопка, в Пенджабе очень плохо обстояло дело с пшеницей. К недороду, тяжело ударившему по основным сельскохозяйственным районам Индии, присоединился кредитный и промышленный кризис — отклик мирового кризиса 1907 г. В текстильной промышленности Индии стало около половины предприятий[3].

«Ряд фабрик обанкротились. Одновременно пострадали все основные промышленные ценности, последовал ряд банковских банкротств. Индийская валюта под соединенными ударами индийского голода и американского финансового кризиса стояла к началу 1908 года гораздо ниже золотой точки и котировалась по курсу одного шиллинга и трех пенсов за рупию»[4].

Кризис обострил все основные противоречия колониальной экономики, создал значительную безработицу, ускорил разорение крестьян, ухудшил общественные условия производства в сельском хозяйстве Индии, обострил классовую борьбу пролетариата против буржуазии, крестьянства — против помещика, ускорил революционное наступление рабочего класса и крестьянства, внесших совершенно новые ноты в национальное движение. Кризис также ударил туземную буржуазию, в особенности бомбейских промышленников. Очень скоро под влиянием революционных выступле-

[1] «Промышленная эволюция Индии», стр. 105.
[2] Чаудхури, «Джут в Бенгалии», стр. 3.
[3] Манголаль Ганди, «Текстильная хлопчатобумажная промышленность Индии», стр. 69.
[4] Бенерджи, «Экономика Индии», стр. 175.

ний пролетариата и крестьянства, совершается предательский отход буржуазно-помещичьей верхушки от движения, ее открытое объединение с силами контрреволюции.

Крестьянское движение достигает высшего уровня своего развития в апреле-мае 1907 года. Его основными районами явились Бомбейский Гунджарат, округа Лиальпура и Равальпинди в Пенджабе, районы индиговых плантаций Бихара, наконец, джутовые районы Бенгалии и в частности — округ Мейменсинг.

Крестьянское восстание в Пенджабе было событием общеиндийского значения и приковало все внимание к Равальпинди, где хотя и стихийно создалась смычка пролетариата и крестьянства, единым фронтом выступавших против общих врагов. Движение носило явно выраженный анти-империалистический характер. Оно было вызвано невыносимым бременем водного сбора, новым повышением поземельного налога и проектом нового закона о собственности на орошенные земли в районе крупных ирригационных сооружений. Этот закон, по свидетельству Ладжпата Рая, значительно урезал права крестьянской собственности [1].

Новый нажим империалистического налогового аппарата вызвал боевые выступления крестьянских масс, уже затронутых националистской агитацией. Местные «левые» вожди нац. движения, Ладжпат Рай и Аджит Синг, ограничивались созывом массовых митингов протеста, не шли дальше призыва к неплатежу поземельного налога.

Местные власти постановили выслать Райя и Синга из пределов Пенджаба. Крестьянство ответило восстанием.

4 мая 1907 г. в Равальпинди были разгромлены правительственные учреждения, английский банк, а на местной туземной фабрике крестьяне совместно с бастовавшими рабочими вынудили предпринимателя немедленно удовлетворить все требования забастовщиков. Одновременно железнодорожники объявили забастовку сочувствия и прекратили движение поездов по ряду пенджабских линий. Пенджабские события имели такой размах и революционный подъем крестьянства, действующего в союзе с пролетариатом, был настолько высок, что, как это стало теперь известным из воспоминаний лорда Морлея, был отдан приказ о спешной эвакуации семейств английских офицеров и чиновников из Пенджаба, и под давлением английского общественного мнения были продлены полномочия главнокомандующего лорда Китченера, как военная гарантия интересов империализма в Индии [2].

Равальпинди был немедленно занят войсками. Наряду с военными репрессиями правительство пошло на некоторые уступки. Уже 27-го мая вице-король с большой поспешностью объявил об аннулировании всех недоимок по водному сбору и отменил его

---

[1] См. «Молодая Индия», стр. 181.

[2] Джон Морлей. «Воспоминания», т. 2-й стр. 210.

уплату на ближайший год. Новый закон о колонизационных землях был задержан, обещан ряд дополнительных льгот по отсрочке уплаты поземельного налога. К сожалению, чрезвычайная скудость материалов не позволяет проследить дальнейшее развитие движения в Пенджабе[1]. Но его влияние было столь сильным, что весьма «левый» буржуазный националист Ладжпат Рай оказался уже на Шуратском съезде Нац. конгресса в декабре 1907 г. в лагере «умеренных», а заминдари Бенгалии декларировали 10-го августа 1907 года свои верноподданнические чувства империализму, свое решительное и вполне искреннее осуждение «насильственным действиям невежественной толпы крестьян». Кроме Равальпинди, на заминдаров подействовали также события и в родной Бенгалии. Здесь, правда, дело не зашло так далеко, как в Пенджабе. Империалистическая провокация сумела направить крестьянское недовольство по линии индо-мусульманских погромов.

В апреле 1907 г. в округах Комилла и Джамальпур, при сочувственном нейтралитете местных английских властей, мусульманские крестьяне весьма энергично расправились с индийскими ростовщиками и отдельными помещиками. Но движение не поднялось на высшую ступень, споткнулось на индо-мусульманской розни, на империалистической провокации. Но что подкладка его была аграрной — в этом никаких сомнений быть не может. Даже погромная агитация весьма широко оперировала аргументами такого порядка и указывала, например, что мусульманский крестьянин является производителем богатства, а индусский — ростовщик и торговец это богатство у него отнимает.

В президентской речи 1907 г. Гхоз привел следующую выдержку из так называемого «красного памфлета», имевшего широкое хождение в мусульманских районах Бенгалии накануне погрома: «Мусульмане, вы невежественны, но просветитесь. беритесь во имя божие за оружие, отправьте всех индусов в Джеханум (ад). Вы, мусульмане, составляете большинство населения. Вы составляете большинство крестьян. Вы — земледельцы, вы — производители богатств. Вы—источник благосостояния нашего Бенгаля. Индусы—

---

[1] По Пенджабским событиям отрывочные указания разбросаны в следующих материалах: 1) «Отчет по индийской смуте» цит. соч., стр. 141—142 (приводится выдержка из донесения пенджабского губернатора о ярко выраженном аграрном характере событий. 2) «Борьба индийских националистов за свободу», стр. 43—44, интересные выдержки из английской печати. 3) Невинсон: «Молодая Индия», стр. 19, подтверждает, что разгром правительственных зданий был проведен крестьянами окрестных деревень, объединившимися с железнодорожными рабочими и местными рабочими забастовщиками. 4) Речь Раш Бехари Гхоза на Шуратском съезде Нац. конгресса о пенджабских событиях. 5) Наконец, соответственные места в книге Рай: «Молодая Индия», а также в жизнеописании лорда Минто. Здесь так же, как и в воспоминаниях Морлея, весьма наглядно обнаруживается сумятица империалистических верхов при первом боевом выступлении рабочего класса и крестьянства. У вице-короля даже мелькает опасение, что за Равальпинди последует всеобщая железнодорожная забастовка.

не крестьяне. Они сами не производят богатств, они обогащаются за ваш счет, они — грабители,— истребим же их скорее»[1].

Но не во всей Бенгалии удалось империализму направить крестьянское движение в русло индо-мусульманских погромов. То, что нам известно о Мейменсинге,— а известно нам чрезвычайно мало,— говорит, что в этом основном джутовом районе Бенгалии движение крестьян приняло характер выступления и против империализма, и против собственных помещиков. Характерно, что в годы реакции, последовавшие за подъемом 1906/08 годов, именно Мейменсинг стал центром так называемых «дакайтис» — экспроприаций и поджогов, направленных главным образом против крупнейших помещиков и землевладельцев[2].

Мы не располагаем материалом, который помог бы составить хотя бы приблизительное представление о размахе других крестьянских выступлений 1907 года, в частности о Гуджаратском движении, событиях на индиговых плантациях и т. д.[3]. Но одно дело, Равальпинди, а за ним аграрные волнения в Мейменсинге не только разоблачили помещичью оппозицию, но также привели крупную буржуазию к капитуляции перед империализмом. Аграрные волнения, первые восстания пролетариата и крестьянства против империализма — этого не могли выдержать нервы буржуазно-помещичьей Индии.

Переломным моментом в развитии буржуазно-помещичьего национализма явился раскол на Шуратском съезде Индийского Национального конгресса в декабре 1907 года,— раскол между партией мелкобуржуазных «крайних» и «умеренных». «Умеренные» не хотели продолжения, хотя бы мирного, бойкота английских товаров; они выступили с решительным осуждением всех видов революционного насилия и в частности террора. Они добивались подтверждения резолюции 1906 года о самоуправлении Индии в таком духе, чтобы вытравить из нее всякое подобие действительного самоуправления; они формулировали предложение сотрудничества и сердечного согласия с английской властью. Короче говоря, программа «умеренных» была программой полной капитуляции перед империализмом, отказа даже от видимости оппозиции. Фактически буржуазно-помещичья верхушка уже находилась в лагере контрреволюции. Их пресса, их ораторская трибуна, не переставая, травили подпольные террористические организации, всякое проявление революционной самодеятельности масс. «Умеренные» жалели только, что империализм недооценивает их роли жандармов, верной опоры права и порядка, надежных слуг империализма. Из многочисленных документов, которые могли бы иллюстрировать высказанные выше положения, я ограничусь вы-

[1] Национальный конгресс, стр. 869.

[2] Отчет Комитета о смуте, стр. 226.

[3] О крестьянском движении на индиговых плантациях Бихара (в 1907—1908 годах кое-что) дает Babu Rajendra Prasad «Satyagraha in Champaran» p. 42—44. Madras, 1928, S. Ganesan.

держкой из труда известного историка Нац. конгресса, Амвики Чаран Мазумдара, столпа партии «умеренных», впоследствии — председателя Конгресса: «Секретные убийства, поджоги имеют место не только в городах, но и в деревнях. Заговоры составляются не только в городе, но и в деревне. Основываются тайные общества В эту критическую минуту Индийский Национальный конгресс и объединенная вокруг него общественность оказали государству и стране ценнейшую услугу, которая однако в пылу страстей и предрассудков не была достаточно оценена ни правительством, ни страной. Но потомство беспристрастно отметит луч света в темную годину 1907 г. Несмотря на сильное противоположное течение, вожди нашего народа, объединенного вокруг Нац. конгресса, своим примером и своим влиянием удерживали народ от нежелательных выступлений. Многие из наших вождей в критические минуты кровопролития и беспорядков, когда даже полиция не могла ничего добиться, много успели в деле поддержания права и порядка с помощью своего убедительного красноречия и трогательной симпатии к народу. И если они не смогли сделать большего, то не потому, что не хотят этого, а только потому, что правительство им недостаточно доверяло» [1].

В своем искреннем лакейском заявлении индийский «либеральный» буржуа жалуется, что буржуазно-помещичья Индия не смогла принять достаточно широкого участия в подавлении революции, потому что империализм недостаточно доверял господам из Индийского Национального конгресса, предпочитал пользоваться собственным военно-полицейским аппаратом. Но г. Мазумдар ошибается в одном отношении, — без империализма буржуазно-помещичья Индия вряд ли справилась бы с революционным подъемом. Весьма деловито доносил в Лондоне вице-король Минто: «Просто диву даешься, как после неуверенности и тревог последних месяцев я видел сегодня вождя «умеренных», С. Н. Барнерджи, который просил о моем содействии в деле обуздания разбушевавшихся страстей в Бенгалии, над которыми сам он не властен [2].

Характерно, что это свидание имело место 7-го мая 1907 года, тотчас же после событий в Мейменсинге и Равальпинди.

Еще более откровенно выразил взгляды индийской буржуазии господин Синха, вскоре назначенный членом вице-королевского исполнительного совета, чтобы впоследствии еще раз блеснуть на небосклоне буржуазного национализма в качестве председателя конгресса уже во время империалистической войны. Синха прямо заявил вице-королю, что если англичане уйдут, — хотя они между прочим вовсе не собирались уходить, — то придется посылать им в ближайший порт телеграмму с покорнейшей просьбой вернуться [3]. Вызов Гокхеле вице-королю с просьбой обеспечить достойный прием принца Уэльского в Индии и немедленное согласие того же

[1] A. Mazumdar. «Indian National Evolution», II ed p. 239.
[2] «Жизнь лорда Минто», стр. 264.
[3] Ibid. стр. 301.

Гокхеле принять всяческое участие в торжествах — только мелкий штрих в характеристике поведения «умеренных». Гокхеле и другие деятели «умеренных» не только принимали за спиной масс участие в разработке подготовляемых империализмом жалких верхушечных реформ, а давали также и вице-королю, и статс-секретарю бесплатные советы, как лучше подавить революцию [1].

Вполне ясно, чего хотела буржуазно-помещичья Индия, но не сразу можно понять, чего хотела мелкобуржуазная партия «крайних». На съезде в Шурате «крайние» сорганизовались в особую фракцию и составляли весьма компактное меньшинство. Они располагали 500 голосами из общего числа 1600 делегатов. Ладжпат Рай утверждает в своей книге, а он был достаточно близок к «крайним», что разошлись по вопросу о насилии: «Шуратский раскол в декабре 1907 г. бесповоротно разделил националистов на две партии и утвердил более молодую партию. В их программе фигурирует требование насильственного низвержения иностранного господства» [2]. Это как будто подтверждается тем, что «умеренные», сохранившие в своих руках аппарат Конгресса, на первом же съезде после раскола внесли особый пункт в устав Конгресса, предоставляющий право быть его членом лишь тому, кто в письменной форме выразит солидарность с первой статьей устава. А эта статья определенно исключала революционные и насильственные методы борьбы. «Целью, к которой стремится Индийский Национальный конгресс, — гласит статья, — является достижение народом Индии системы государственного управления, подобно той, которой пользуются самоуправляющиеся члены Британской империи, а также участие народов Индии в правах и ответственности империи на равных основаниях с указанными самоуправляющимися членами империи. Эти цели могут быть достигнуты исключительно конституционными средствами путем постепенной реформы ныне существующей системы администрации, а также путем укрепления национального единства, духа общественности, путем развития и организации интеллектуальных, моральных, экономических и индустриальных ресурсов нашей родины».

Принятая конституция Конгресса свидетельствует лишний раз о том, что буржуазно-помещичья верхушка капитулировала перед империализмом, стоит за мирные реформы в конституционном порядке и исключает революционное насилие, как средство борьбы. Из этого еще вовсе не вытекает, что мелкобуржуазные «крайние» остались и в 1907 г. на платформе, отстаивавшей революционное

---

[1] Воспоминания лорда Морли, цит. соч., стр. 216.

В [illegible] г. тот же Гокхале в следующих [illegible] выражениях благодарил [illegible] индийской революции: «Мой лорд, (Минто. — прим. Н. Р.) вы вместе с лордом Морли спасли Индию от движения в направлении того, что [illegible] назвать иначе как хаосом». G. K. Gokhale — A Sketch of His life and career. Natesan. Madras, p. 26.

[2] «Молодая Индия», стр. 183.

насилие, насильственное ниспровержение господства империализма. Надо сказать, что нигде кроме как в программах подпольных террористических организаций, с которыми «крайние» не только не солидаризировались официально, но от которых, наоборот, неоднократно отмежевывались, не был открыто выставлен лозунг независимости Индии, не было выдвинуто требование увода английских войск.

Действительно, если обратиться к Шуратскому Конгрессу, то обнаружится, что основным спорным вопросом не был вопрос о независимости Индии, не был вопрос о необходимости вооруженного восстания как средства достигнуть этой цели.

Партия «крайних», руководимая Тилаком, всего только настаивала на подтверждении резолюции 1906 г. о бойкоте и о самоуправлении, добивалась расширенного толкования этих резолюций в смысле распространения бойкота на английский государственный аппарат в целом, вплоть до отказа уплаты налогов. И когда «умеренные», бывшие в большинстве, ответили уклончивым образом, а фактически не только не стояли за расширение бойкота, а даже совсем его отвергали, то обструкция «крайних», перешедшая в рукопашную схватку, сорвала заседание Конгресса и вызвала раскол. На следующий день после раскола Тилак произнес на своей фракции речь, из которой видно, что сама партия «крайних» отшатнулась от революционной борьбы, была бесконечно далека от того, чтобы встать во главе вооруженного восстания против феодально-колониального режима. Вот, что сказал Тилак:

«Партия националистов собралась здесь не для того, чтобы создать новую партийную организацию, которая остановится в границах, установленных волею правительства. Мы собрались здесь для создания организации, которая будет жить собственной жизнью, которая будет расти, несмотря на самые тяжелые условия, несмотря на леденящее дыхание репрессии». И как на основное средство борьбы Тилак указал на всеобщий бойкот: «Если вы хотите добиться свободы, вы сможете ее добиться. Если вы не желаете быть свободными гражданами, вы останетесь навсегда павшими рабами. Многим из вас нет охоты браться за оружие, но разве вы не обладаете силой активного сопротивления? Разве вы не обладаете силой самоограничения и самопожертвования, которую вы можете проявить таким образом, чтобы не помогать иностранному правительству править над Индией? Это средство есть бойкот: это и есть бойкот, примененный в качестве политического оружия»[1].

Даже противники «крайних» отдавали им должное в том смысле, что новая партия не является партией революционного насилия. На съезде «умеренных» в 1908 г. Раш Бехари Гхоз характеризовал тилакистов следующим образом: «Подобно партии синфайнеров в Ирландии наши экстремисты потеряли всякую веру в конституционные методы, но нужно отдать им справедливость, они не имеют

---

[1] Речь Тилака на фракции «крайних» 28-го декабря 1907 г.

также веры в физическое насилие... Все их надежды сконцентрировались на широкой программе пассивного сопротивления»[1].

Историк-эмигрант индийского национального движения высказал истину, о которой умалчивал и Гхоз, и сам Тилак. «Не может быть сомнений, что экстремисты пытались придать движению мирное направление, но дело в том, что революционное движение в силу участия масс приняло динамический характер»[2].

Опыт мелкобуржуазной партии «крайних» является опытом, который свидетельствует, что городская мелкая буржуазия, а она-то составляла основной контингент левого крыла Конгресса, не является силой, способной самостоятельно вести за собой массы против объединенного фронта буржуазно-помещичьей Индии и империализма. Есть революционная сила в Индии, есть индийский мелкий буржуа, который заинтересован в доведении борьбы до конца, в решительной чистке страны от феодального хлама, в ниспровержении господства империализма, в завоевании независимости. Этой силой является индийский крестьянин, этой силой являются основные массы индийской деревни, угнетаемые феодально-империалистическим прессом, железной пятой империализма, помещичьим гнетом, ростовщической кабалой. Но индийское крестьянство поднявшееся и в годину 1857 г., и в голодное двадцатилетие 1860—1880 гг. и во время кампании 1906—08 гг., не может добиться победы без участия и руководства другого класса, который сорганизует и сплотит в последовательной борьбе разрозненные, раздробленные, разъединенные в силу самых условий производства крестьянские массы. Это руководство может дать только индийский пролетариат. По мере того, как стали подниматься первые волны аграрной революции, начали обнаруживаться инициатива, напористость, самодеятельность крестьянских масс и стал понемногу оформляться союз пролетариата и крестьянства, мелкобуржуазная партия «крайних» не только не возглавляет масс на новом этапе революционного подъема, а, наоборот, обнаруживает нерешительность, колебания и вместо призывов к вооруженному восстанию выкидывает лозунг пассивного сопротивления, выставляет программу мирного массового бойкота. «Крайние» не только не идут вперед, но заметно пятятся назад и, формально разорвав с буржуазно-помещичьим Нац. конгрессом, беспомощно оглядываются на них, ищут выхода не в решительном расширении борьбы, а в замедлении темпов ее, в переводе движения на мирные рельсы бойкота.

Программа индийской компартии учит нас, что «аграрная революция, направленная против английского капитала и помещичьего землевладения, составляет основу индийской освободительной революции». Именно на аграрной революции также спотыкается

---

[1] «Национальные конгрессы», стр. 890.

[2] И. Н. Тона, «Развитие и зарождение национальной мысли в Индии», Гамбург, 1930 г., стр. 163 (на немецком языке).

мелкобуржуазное руководство. Ясное дело, что мелкий городской кустарь, мелкий городской ремесленник, городская беднота лично и непосредственно не заинтересованы в защите помещичьего землевладения, в упрочении, сохранении пережитков феодализма в аграрном строе. Но здесь необходимо учесть сильнейшую зависимость и влияние, которое оказывает на мелкобуржуазные массы компрадорская буржуазия и торгово-ростовщический капитал, верные защитники помещичьего землевладения. Здесь нужно также учесть, что мелкобуржуазные интеллигенты, а именно эта прослойка дала основной кадр партийных вождей левого крыла Конгресса, представляют выходцев из мелкопоместной землевладельческой среды, представляют близкую параллель с китайскими джентри. Так называемые «благородные люди» — «бхадралок», — а именно этот термин обозначает в Индии человека образованного (интеллигента), в большинстве случаев представляют выходцев из средних и низших слоев помещичьего землевладения в Бенгалии, — в той или другой степени материально связаны с феодальной эксплоатацией крестьянства, как бы незначительна ни была выпадающая на их долю часть ренты[1]. Мелкобуржуазная партия крайних не оказалась в состоянии поднять движение на высшую ступень также потому, что она не была способна выставить программу аграрной революции и повести за собой крестьянские массы против империализма и помещичьего землевладения. Это бессилие мелкой городской буржуазии объясняется как тем, что сильно влияние торгово-ростовщического капитала на мелкобуржуазные массы, так и тем, что сами мелкобуржуазные руководители в известной степени связаны с мелкопоместным землевладением и питаются крохами от уплачиваемой крестьянами ренты. Это не значит, что часть мелкой городской буржуазии не может включиться в революционный фронт борьбы пролетариата и крестьянства, но в этом качестве она может проявить себя в полной мере лишь под гегемонией пролетариата, когда пролетарский пример, пролетарская активность увлекут лучшие элементы городской мелкой буржуазии на борьбу, покажут им пример, вырвут их из-под

[1] Приводим следующие данные о землевладении индийской интеллигенции: «Вложение в землю путем либо покупки земли, либо приобретения закладной на землю [illegible] привлекает не только [illegible] чиновника, но и [illegible]» (Report of the Indian Industrial Commission, 1916—18, p. 177). В отчете [illegible] по расследованию [illegible] («Sedition Report», p. 16) мы читаем о бенгальских «бхадралок»: «Они занимают [illegible] место в [illegible] учреждениях, судах. Несмотря на это [illegible], они [illegible] сохраняют возможность получить работу от [illegible], их связь с землевладельцами также ослабела в силу значительного и быстрого дробления поместий (subinfeudation)». Наконец, в показаниях перед Королевской комиссией читаем про городскую буржуазию и интеллигенцию: «Они [illegible] средства, [illegible] профессиями, и вкладывают их в землю [illegible]» (Royal Commission on Agriculture in India. Evidence taken in Bombay. Vol. IX, p. 12).

растлевающего влияния торгово-ростовщического капитала. Увлекаемая пролетариатом и его методами борьбы, часть городской мелкой буржуазии является участником в борьбе против империализма, против феодально-помещичьего землевладения. Однако она не придет сама в лагерь пролетариата, — она должна быть завоевана, должна быть перевоспитана пролетариатом. Это одна из больших задач революционной тактики пролетарского авангарда Индии — коммунистической партии. Но в кампании 1906—08 гг. сам пролетариат еще не высвободился из-под буржуазного и мелкобуржуазного влияния и делал лишь первые шаги в качестве самостоятельной политической силы.

Оторвавшись от буржуазно-помещичьего лагеря, левое крыло Конгресса не решилось пойти по революционному пути и оказалось в тупике. Большинство партии «крайних» во главе с Тиляком не осмелилось перейти на нелегальное положение, когда правительство запретило съезд Национального конгресса, запроектированный ими на 1908 г. в городе Нагпуре. Меньшинство перешло в подполье, образовало террористические группы и организации, организовавшие террористические покушения на отдельных английских чиновников-бюрократов. В 1907 г., по официальным данным, имели место три экспроприации и три террористических акта; в 1908 г. — 8 экспроприаций и 17 террористических актов; в 1909 г. — 11 экспроприаций и 2 террористических акта. Затем движение террора, разгромленное беспощадными военно-полицейскими мерами, идет на убыль, чтобы обнаружить новый подъем с началом империалистической войны.

Террористические организации вели революционную борьбу против империализма, но они были оторваны от масс, не верили в силу организованных масс, не могли опереться на те общественные классы, которые были действительно способны на решительную борьбу против империализма, были заинтересованы в доведении этой борьбы до конца. Индивидуальный террор не достиг больших результатов даже в отдельных своих выступлениях. Все 4 покушения на губернатора Бенгалии сэра Андрю Фрейзера не увенчались успехом. Бомба, брошенная в 1909 г. в вице-короля Минто, не взорвалась. Энергичнее и организованнее действовали заграничные группы индийских террористов и в частности лондонская группа, руководимая братьями Саваркар и Кришна Вармой. Эта группа не только снабжала оружием и взрывчатыми веществами террористов западной Индии, в частности ту организацию, которая в 1909 г. совершила удачный террористический акт на коллектора округа Назик Джексона, но также организовала в Лондоне убийство помощника статс-секретаря по делам Индии сэра Керзона Уайли (1909 г.).

Разгром лондонской организации, арест и осуждение братьев Саваркар и разгром подпольного террористического общества «Анушилан Самити» в Бенгалии были теми полицейскими ударами, от которых террористическое движение Индии оправилось лишь с

трудом к началу империалистической войны [1]. Оговариваемся, что в нашем распоряжении были лишь жандармская история «Смуты в Индии» и газетные материалы, которые совершенно недостаточны, чтобы дать мало-мальски полную и правдивую картину развития индийского терроризма, еще ждущего своих историков.

Значительным актом и высшим уровнем, достигнутым революционной волной 1906—08 гг., было выступление бомбейского пролетариата 25-28 июля 1908 г., вызванное арестом и осуждением Тилака. Именно об этом выступлении писал Ленин: «Но за своих писателей и политических вождей начинает заступаться в Индии улица. Подлый приговор английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тайлаку,— он осужден на долголетнюю ссылку, при чем запрос, сделанный на-днях английской палате общин, выяснил, что присяжные-индийцы высказывались за оправдание, обвинение же вынесено голосами присяжных англичан. Эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы» [2].

Передаем хронику бомбейских событий по телеграммам «Times» за этот период.

23 июля. В Бомбее в знак протеста закрыт хлопчатобумажный и медный базары. Закрыто большинство индийских лавок. Бастуют 40 тысяч текстильных рабочих.

25 июля. Забастовка текстильщиков продолжается и расширяется. В районе Махуна полиция была вынуждена стрелять в рабочих. Есть раненые. Попытка забастовщиков расправиться в фабричном дворе с 4-мя европейскими инженерами и мастерами была лишь с трудом предотвращена полицией. Полиция стреляла в забастовщиков. На месте остались—3 убитых, 12 раненых».

27 июля. В Бомбее состоялась грандиозная демонстрация протеста. Беспокойные элементы города, рабочие и кули демонстрировали с черными флагами, забрасывали полицию камнями, сооружали на пути движения полицейских сил всякого рода искусственные препятствия. Полиция не могла справиться с положением. Были вызваны регулярные войска, которые к вечеру восстановили порядок и снова открыли движение в рабочих кварталах Бомбея.

В своей клеветнической истории освободительной борьбы в Индии Валентейн Чироль говорит следующее о героическом выступлении бомбейского пролетариата: «С момента ареста Тилака его друзья не уставали распространять среди бомбейских рабочих, что Тилак — друг рабочих, что он пытался добиться лучших условий оплаты их труда...

Беспорядки продолжались в течение 6 дней. Одно время они приняли чрезвычайно серьезный характер. Европейская полиция

[1] Самин было разгромлено в мае 1908 г. в результате полицейского налета на сады Маниктола в Калькутте.

[2] Ленин, Собр. соч., т. XI, часть 1, стр. 10[illegible].

широко пустила в ход свои револьверы. Регулярным войскам пришлось несколько раз открывать огонь в целях самообороны [1].

Бомбейский пролетариат поднялся на борьбу не потому, что экстремисты „убедили“ рабочих, что Тилак является их другом. Бомбейские рабочие видели в Тилаке демократа, борца за национальное раскрепощение Индии, но начатое в защиту буржуазного националиста движение бомбейских текстильщиков явилось политическим движением самого пролетариата, показало, что индийский рабочий класс „дорос уже до сознательной политической массовой борьбы“ (Ленин). Мы видим постепенное нарастание событий. За демонстрациями следует политическая забастовка, за забастовками следует попытка отстоять рабочие кварталы, следует упорнейшая баррикадная борьба с превосходящими силами полиции и войск. Революционные события 1905—08 гг. не только привели буржуазно-помещичью верхушку к капитуляции перед империализмом, не только вызвали колебания и шатания на местах мелкобуржуазных „крайних“, но и породили в Индии революционные выступления нового класса, способного на решительную, беззаветную борьбу и способного довести до конца дело освобождения Индии [2]. В эти же 1905—08 годы был впервые осуществлен союз пролетариата и крестьянства. Р[illegible] послужили прообразом Пенджабского восстания 1919 года, где также создался единый фронт пролетариата и крестьянства, но [illegible] значительно большую стойкость, благодаря тому, что имел за собой опыт первой революции. Точно так же опыт бомбейских событий был использован во время Ахмедабадского восстания 1919 года, когда рабочие в течение 3-х дней удерживали город в своих руках.

Резолюция VI Конгресса по колониальному вопросу учит нас: „Туземная буржуазия, как более слабая сторона, снова и снова идет на капитуляцию перед империализмом. Но эти капитуляции являются не окончательными, пока опасность со стороны масс не становится непосредственной революционной, острой, угрожающей“. (Стенографический отчет, 6 выпуск, стр. 137). Одно из отличий колониальных революций заключается также в том, что капитуляция буржуазии перед реакцией не открывает для колониальной страны хотя бы медленного, постепенного пути самостоятельной буржуазной эволюции и не является победой юнкерского пути развития капитализма над американским типом его развития. Германская революция 1848 г. также закончилась капитуляцией буржуазии перед силами феодальной реакции. Но вместе с тем 1848 г. послужил толчком для дальнейшей эволюции Германии по юнкерскому пути, создал предпосылки для буржуазного развития Германии в целом,

[1] В. Чирол, „Индийская смута“, стр. 66.

[2] За бомбейскими событиями последовал целый ряд стачечных выступлений по всей Индии. Тр[illegible], Тинневелли, революционные выступления мелкобуржуазной буржуазии повторились в других городах Бомбейского президентства — Шолапур, Пандарпур.

хотя отправная установка для этой эволюции была взята не на крестьянина, а на феодального помещика, эволюционизирующего в аграрного капиталиста-юнкера, хотя и в политической области и в самой экономике остались многочисленные феодальные пережитки, не сметенные революционной бурей. В колониальных условиях капитуляция буржуазии перед империализмом, перед колониально-феодальным режимом не кладет начала их союзу на почве общей эволюции по юнкерскому пути развития капитализма, не разрешает противоречий, заложенных в колониальной экономике, не открывает перспектив самостоятельному капиталистическому развитию производительных сил. Индия сохраняет свое подчиненное колониальное положение; империализм и в области политики, и в области экономики сохраняет позиции мощного монополиста, продолжает душить самостоятельное развитие Индии, индийской промышленности, продолжает поддерживать весь гнилой феодальный строй аграрных отношений. Все противоречия колониальной экономики воспроизводятся на новой высшей ступени. Национальная буржуазия, блокирующаяся с помещиком, остается носителем юнкерского пути мирного перерождения колониальной Индии, но так как ее капитуляция перед империализмом отнюдь не открывает перспектив сколько-нибудь самостоятельному и свободному развитию производительных сил, хотя бы на основе помещичьего капитализма, то и ее тактику нельзя считать окончательно установленной. Вместе с тем, классовая борьба еще не достигла той напряженности, той остроты, когда опасность со стороны масс становится непосредственно реальной, острой, угрожающей, когда национал-реформизм вынужден отказаться от лавирования, от всякой попытки использования массового движения в своих интересах, когда он с открытым забралом окончательно переходит в лагерь империализма. В этом отношении у индийской буржуазии оставались достаточные резервы. И если сам национал-реформистский лагерь уже в 1906—1908 гг. ярко обнаружил, что он является не борцом за независимость Индии, а предателем этой борьбы, препятствием, помехой на пути революционного сплочения масс, то это не значит, что эта истина уже стала достоянием широчайших кругов трудящихся Индии, что они уже видят Национальный конгресс и его вождей в истинном свете. Понадобилась революция 1919 и 1922 гг., с новыми предательствами Нац. конгресса, понадобился опыт революционной кампании 1928—32 гг., чтобы довести это понимание до большинства пролетариата, до передовых слоев индийского крестьянства. Вместе с тем, на основе опыта первой кампании буржуазно-помещичий лагерь пересматривает свою тактику, свою идеологию, способы организационного охвата масс, переделывает систему приводных ремней буржуазно-помещичьей верхушки к массам индийского крестьянства. На основании этого учета буржуазно-помещичьей верхушкой опыта 1906—08 гг. и вырос контрреволюционный Гандизм, с его маскировкой буржуазно-помещичьих интересов под идеологию мелких товаропроизводителей, с его категорическим отрицанием

насилия, с его проповедью покорности капиталисту и помещику, с его подлейшим оправданием компромиссов.

* * *

В заключение несколько слов о политике империализма. Наряду с известной видимостью уступок национальной буржуазии, нашедших выражение, например, в отказе от пересмотра системы постоянного заминдари, первостепенное место в этой политике занимает свирепое, беспощадное удушение революции.

Смена консерваторов либералами у власти в Англии (конец 1905 г.) облегчала задачу проведения частичных реформ. Эти реформы, правда, ничего не дали буржуазному национализму, но они облегчили национальной буржуазии возможность удерживать под своим влиянием значительные массы городского и сельского населения, но они облегчили открытый переход буржуазно-помещичьей верхушки в лагерь контрреволюции, и, как мы увидим ниже, весьма помогли колониальному правительству использовать индо-мусульманские трения. Сам Морли так характеризует пресловутые реформы: «Если кто-либо осмелится утверждать, что предлагаемые реформы прямо или косвенно ведут к установлению демократической парламентской системы в Индии, — то я первый откажусь от их проведения. Индия не созрела и никогда не созреет для учреждений Западной демократии». Действительно, даже самое поверхностное ознакомление с реформами Морли-Минто подтверждает, что национальная буржуазия ничего от этих реформ не приобрела.

В составе так называемого Всеиндийского законодательного собрания чиновники и правительственные назначенцы сохраняли прочное большинство. Выборных членов было в палате всего 27 из 69. Кроме того, самые выборы были подлинным издевательством над принципами буржуазной демократии. Два выборных места предоставлялись английским коммерческим палатам Бомбея и Калькутты, т.-е. тем же английским банкирам, плантаторам и крупным купцам. Шесть мест специально резервировались за крупными индийскими помещиками-феодалами. 13 мест на основе двухстепенных выборов от провинциальных законодательных собраний должны были обеспечить «общее представительство интересов отдельных провинций». Наконец, 6 мест были специально отведены мусульманским помещикам и крупной буржуазии. Выборы и вообще проводилось не только по системе двух- и трехстепенных выборов (на основе высокого имущественного и образовательного ценза), но и в отдельных для индусов и мусульман округах с разделением избирателей по религиозному признаку. Примерно так же строились провинциальные законодательные собрания, где феодально-империалистический блок сохранял прочное большинство.

Вся эта механика не только обеспечила абсолютное преобладание прислужникам колониального режима, но одновременно увековечивала индо-мусульманскую склоку, подливала масла в огонь религиозного фанатизма. Империализм открыто ставит ставку на более отсталую, менее национально-сознательную мусульманскую буржуазию, мусульманское купечество. Империализм стравливал мусульманских интеллигентов с индусскими в соперничестве за доходные места на правительственной службе и, опираясь на класс помещиков в целом, в то же время оказывал особое покровительство наиболее отсталым, наиболее реакционным помещикам-мусульманам. Выражением этой политики также явился перенос столицы Индии из Калькутты на мусульманский Север, в Дэли в 1911 г.

Каковы были права «законодательных собраний»? Это были «права» свободной дискуссии внутри четырех стен игрушечных парламентов. «Право» вносить запросы; «право» принимать безвредные резолюции, никого и ни к чему не обязывающие; «право» раз в году устраивать комедию голосования по государственному бюджету, при чем опять-таки результаты голосования ничем не связывали ни вице-короля, ни правительство Индии. Кроме того, 2 чиновника-индийца вводились в состав Совета по делам Индии при статс-секретаре в Лондоне, а один в состав Исполнительного Комитета при вице-короле. (Исполн. ком. при вице-короле состоит из семи лиц, играет роль кабинета министров). Таковы были завоевания индийской буржуазии. Даже английский чиновник вынужден был признать, что «реформы, проведенные Морли в 1909 году, после весьма краткого периода проверки их на практике принесли всеобщее разочарование»[1].

Но они не принесли разочарование империализму. А буржуазно-помещичий блок, предавший национальную борьбу Индии, делал «добрую мину в плохой игре», приветствовал реформы как начало «новой эры демократии и парламентаризма».

И надо отдать справедливость империалистам: они хорошо знали цену индийскому национал-реформистскому лагерю. Морли в письме на имя вице-короля правильно оценивает положение: «Партия Конгресса имеет все основания желать нам скорейшего успеха в деле подавления беспорядков и смуты; если водворится анархия, эта партия будет также сметена»[2]. Вице-король отвечает ему: — «Крупнейший лидер националистов заявил леди Минто,— «если бы англичане оставили Индию, то мы телеграфировали бы в Аден (ближайший порт на пути в Англию — И. Р.), чтобы они поскорее вернулись». Морли также подчеркивает, что пресловутые реформы являются неразрывной частью политики подавления революции: «Как я уже не раз указывал вам, проведение реформ является лишь одним из звеньев нашей работы и должно

[1] «Horne. Political System of British India» 1922, p. 65.
[2] Морли «Воспоминания», том 2, стр. 216.

быть тесно связано с основной задачей подавления беспорядков и смут»[1].

Либерал Морли проявил себя свирепым жандармом, подлинным палачом индийской свободы. Отменяются «буржуазные свободы» даже в их урезанном колониально-карикатурном виде; целиком уничтожается свобода печати, вводится военное и чрезвычайное положение. Особые законы дают и без того всесильной полиции право разгонять и не допускать «мятежные собрания», хватать и высылать деятелей национального движения без суда и следствия.

Но и этого казалось недостаточным. Морли пишет вице-королю: «если беспорядки продолжатся, то необходимо будет пойти на крайние меры. Вы можете вполне рассчитывать на мою твердую поддержку даже в том случае, если нам, к сожалению, придется пойти на самые беспощадные, жестокие меры»[2]. В другом месте он подчеркивает: «Скажу вам чистую правду, — поскольку будут серьезные и действительные основания предполагать, что Индия вовлекается в опасное положение, тогда, — поскольку это касается парламента и общественного мнения, — мы можем делать все, что только захотим»[3].

Вице-король отвечает циничным указанием, что либерализм и даже радикальная репутация самого Морли служит весьма хорошим прикрытием для солдатского режима железной руки, поддерживающегося в Индии: «государственный деятель с незапятнанным демократическим прошлым, как вы, скоро заставит замолчать неразумную критику либеральных болтунов; именно вы обладаете тем ореолом строгой морали и демократизма, который позволяет упрочить власть при обстоятельствах, когда никто другой на это не решится»[4].

И старый прислужник денежных мешков Сити, ученик и сподвижник Гладстона, 70-летний старик Морли был подлинным палачом колониальной Индии и душил индийскую революцию испытанными методами русских Треповых и Ренненкампфов. В. И. Ленин в своей статье «Горючий материал в мировой политике» пишет следующее: «Самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии вроде Джона Морли, авторитета для русских и нерусских кадетов, звезда «прогрессивной» (на деле лакействующей перед капитализмом) публицистики, — превращаются в качестве правителей Индии в настоящих Чингис-ханов, которые способны санкционировать все меры «успокоения» вверенного населения, вплоть до сечения политических протестантов. Маленькая еженедельная газета английских социал-демократов «Джестис» («Справедливость») запрещается в Индии этими либеральными и «радикальными» негодяями вроде Морли»[5].

---

[1] Морли, Воспоминания, т. 2, стр. 211.
[2] Там же, стр. 212.
[3] Там же, стр. 223.
[4] «Жизнь и деятельность лорда Минто», стр. 221.
[5] Ленин, Собрание сочинений, т. XII, ч. 1, стр. 190.

Поседевший на службе английской буржуазии Морли обладал достаточным политическим опытом, достаточным знакомством с историей революций, чтобы понимать всю реакционность собственной политики. В минуту откровенности он пишет вице-королю: «Для меня тяжело сознание, что вы—потомок честной семьи либеральных вигов, и я, «широко уважаемый» вождь радикалов, сойдем в свои могилы в качестве подражателей и последователей Эльдона, Сидмаута, шести актов,—людей и мероприятий, к которым мы сами привыкли относиться с величайшим отвращением». В другом месте тот же Морли справедливо сравнивает английский колониальный режим в Индии с «режимом испанских вице-королей в Нидерландах, австрийских вице-королей в Венеции, старых бурбонов в королевстве обеих Сицилий, английских губернаторов в Сев.-Американск. колониях до завоевания ими независимости»[1].

Летом 1908 года, когда революционная волна достигла высшего подъема и за баррикадами Бомбея последовали беспорядки в Нагпуре и в ряде других городов, когда снова усилилось аграрное движение, а террористические акты, не ограничиваясь мелкими чиновниками, начали бить по верхушке англо-индийской бюрократии, Морли истерически восклицает: «Если нас не спасут реформы,—все пропало». Минто, видевший достаточно крови на полях Плевны и Египта, отвечает, что если реформы не достигнут требуемых результатов, начнется драка, и английский империализм еще не потерял своих зубов: «Наше господство над Индией не исчезнет до тех пор, пока англо-саксонская раса останется тем, чем она есть; мы будем драться за господство над Индией так же жестоко и крепко, как никогда до этих пор»[2].

Сотрудничество статс-секретаря либерала и вице-короля консерватора в деле подавления индийской революции наглядно отражало полное единство колониальной политики обеих партий английского империализма. Морли дает ряд пикантных подробностей, рисующих нравы английской парламентской кухни, в которой Индия—вопрос общего и кардинального значения для империализма—стояла «над политикой партий». Морли пишет: «Мой помощник Бьюкэнен излишне злоупотреблял нашей парламентской привычкой и слишком часто впадал в обычную манеру пререканий с оппозицией. Я указал ему:— не задирайте консерваторов, они хорошо держат себя по вопросам Индии». И в другом месте: «Бальфур (лидер консерваторов) ведет себя великолепно, как, впрочем, и можно было ожидать. Он сказал мне, что дал инструкцию своим молодцам не беспокоить меня придирками по индийским вопросам»[3].

[1] Морли. «Воспоминания». стр. 276.
[2] «Жизнеописание лорда Минто». стр. 278.
[3] Морли, «Воспоминания», стр. 213 и 269.

Четверть века тому назад Морли еще мог с некоторым правом характеризовать английский пролетариат как очень податливый и реформистски настроенный: «Британский рабочий,— писал Морли,—отличается глубоко буржуазным миросозерцанием. Я прямо не могу себе представить английского рабочего с красным знаменем в руках и во фригийской шапке свободы». В настоящее время волнения в армии и флоте растущее влияние компартии, массовые демонстрации английских рабочих должны заставить Морли перевернуться в гробу.

Четверть века назад Ленин писал про рабочий класс Индии: Пролетариат и в Индии дорос до сознательной политической массовой борьбы, а раз это стало так, песенка англо-русских порядков спета».

Эти пророческие слова оправдались. Рабочий класс Индии выступает гегемоном антиимпериалистической и аграрной революции. Индийская компартия ведет Индию по Ленинскому пути.

~~88075~~ 55571

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие автора . . . . I—II

ГЛАВА I

Предпосылки колониального захвата Индии 1

ГЛАВА II

Крестьянское движение сикхов (1700—1845) 20

ГЛАВА III

Эпоха первоначального накопления 41

ГЛАВА IV

Сипайское восстание 57

ГЛАВА V

Индия в эпоху промышленного капитала 82

ГЛАВА VI

Индийские национальные конгрессы 116

ГЛАВА VII

Радикальное течение буржуазного национализма (школа Тилака) . . 146

ГЛАВА VIII

Политика империализма в Индии 166

ГЛАВА IX

Революционный подъем 1906—1908 гг. 195

ИЗДАТЕЛЬСТВО МАИ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

СПРАВОЧНИК

по международному крестьянскому движению

ЕВРОПА И СССР

Аграрные отношения, аграрная политика правительств и политических партий, работа фашистских и социал-фашистских партий в деревне, революцион. и крестьян. движение, работа компартий в деревне.

31 печ. листов

АМЕРИКА И ВОСТОК

Аграрные отношения.—Аграрная политика правительств и полит. партий. — Работа фашистских партий в деревне.—Революционное и крестьянское движение.—Работа компартий в деревне.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

Книгоцентр ОГИЗ'а, Москва, Пушечная, 10, Лубянский пассаж, а также областным и краевым отделениям ОГИЗ.

0-45